

Пожилой человек

Жозефина

Политико-фантастическая повесть

16+

Пожилой человек
Жозефина. Политико-
фантастическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64822416

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир вполне мог оказаться именно таким, как в этой книге. Что-то уже сбылось, что-то не сбылось. А что-то ещё должно сбыться!

Содержание

Глава 1. Сенсация.	4
Глава 2. Свидетель.	24
Глава 3. «Похищение Европы».	51
Глава 4. Тупик.	72
Глава 5. Экстренный вариант.	88
Глава 6. Жозефина.	104
Глава 7. Превратности судьбы.	137
Глава 8. Всемирная Технологическая Компания.	157
Глава 9. «Если не останавливаться...»	183
Глава 10. Наследие будущего.	202

Пожилой человек Жозефина. Политико- фантастическая повесть

Глава 1. Сенсация.

Фертран дотянулся до кресла и взял пульт управления. Экран видеофона засветился.

– Хочешь остаться без работы?! – с места в карьер закричал, появившийся на экране человек. – Я уже десять минут не могу получить от тебя ответа.

– Ты, что? – удивлённо уставился на него Фертран.

То, что Ален Франс умел кричать, удивило бы кого угодно. За свой всегда невозмутимый вид, плюс, конечно, соответствующую комплекцию, он не случайно имел в редакции прозвище бегемота.

– Через две минуты я жду тебя у моего дома, – не сбавляя тона, прокричал Франс.

– Да ты видно ослеп?! – рассердился, наконец, Фертран, жестом показывая, что лежит в постели. – Через две минуты я буду ещё только в ванной!

– Как ... как ... какая ванна! – от возмущения «бегемот» стал заикаться. – Жми на всех, иначе мы пропали!

«Что у них там случилось? – на ходу застёгивая рубашку, недоумевал Леже. – Ален орал так, будто наступает конец света!»

В свои тридцать пять лет Леже Фертран, журналист экстра-класса, уже давно стяжавший себе славу большого пройдохи и везучего человека, был доволен судьбой. Привилегированное положение «свободного охотника», которым он пользовался в редакции, вполне его устраивало. И хотя он понимал, что его эра авантюрных походов и мальчишеской бесшабашности находится в стадии заката, всё же он не спешил пока принять предложение главы концерна и перейти на место редактора одного из отделов. По мнению друзей, такое поведение было, по меньшей мере, не дальновидно. Всё же место редактора, не говоря о том, что было более стабильно, при той безработице, что творилась вокруг, давало право на определённое положение в обществе, не пользоваться которым было просто глупо. А что такое репортёр в век всеобщей коммуникабельности? Когда редактору достаточно всего лишь нажать кнопку, чтобы перед ним на экране появились сведения о всех происшествиях минувшей ночи в любой из стран планеты, да и не только на ней. Когда практически нельзя найти что-нибудь такое, о чём тут же не узнали бы все остальные газеты, радио, телевидение, да и вообще любой человек, имеющий собственный канал связи с «Объединённым Мозгом». Такой работой стоило заниматься, когда нет ничего лучше. Но, держаться за неё?! К тому

же, фортуна не всегда повернута к нам лицом, об этом тоже забывать не стоит. Не то чтобы Фертран не понимал всё это, но у него были две на его взгляд, веские причины не менять пока своего образа жизни. Во-первых, он полагал, что это сразу сделает стариком в глазах окружающих, да и в своих собственных. А, во-вторых, должность редактора, с её массой рутинных дел, помешает ему закончить работу над книгой и, уж конечно, не даст возможность начать новую.

– Мсье, Фертран, ваша почта, – жеманно крикнула ему в след консьержка мадам Тибо. Она было равнодушна к Леже. Он очень походил на одного популярного актёра её молодости, неразделённую страсть к которому она пронесла через всю свою жизнь. Фертран видел однажды коллекцию фотографий кумира мадам Тибо. Они действительно были очень похожи. Оба среднего роста, с голубыми лучистыми глазами и совпадавшими вплоть до мелочей тонко очерченными прямыми носами. Правда, актёр был тёмно-русый, а Фертран значительно светлее, но мадам Тибо легко прощала Леже этот недостаток из-за одинаковой манеры улыбаться – снисходительно мягко, немного растягивая рот в правую сторону. Были и ещё мелкие различия: актёр был несколько крупнее, зато у Фертрана на подбородке была небольшая ложбинка, придававшая его лицу более мужественное выражение. Временами эта томность мадам Тибо раздражала Леже, временами забавляла, а в общем...

– Жми! – коротко приказал Франс, чуть ли не на ходу вва-

ливаясь в электромобиль Фертрана, заметно просевший под его весом.

«Бегемот и есть бегемот», – добродушно подумал Леже, покосившись на своего старого напарника. Он всегда пользовался услугами этого грузного малоподвижного человека с большой лысой головой и тяжёлым подбородком, считая его лучшим фотокорреспондентом газеты. Возможно, только один Фертран и знал, на какие достижения, достойные хорошего спортсмена, был способен этот человек в моменты творческого подъёма. Но вот, чтобы в их совместной работе верховодил Франс? Это, наверное, было впервые.

– Куда прикажите доставить? – состроил угодливую рожу Фертран.

– В КИК.

– В КИК? – разочарованно протянул журналист.

КИКом называли высотное здание Управления Космических Исследований и Концессий стран Европейского Общего Рынка. Когда СССР и США вплотную приступили к разработке полезных ископаемых на поверхности Луны и, особенно, после начала ввоза оттуда обогащённого урана, странам Западной Европы не оставалось ничего другого, как существенно увеличить бюджет своей организации и, не без болезненных срывов, но всё же, наладить собственное космическое дело. И хотя добыча и переработка урана на Земле всё ещё оставалась выгодным делом, будущее, причём уже недалёкое будущее, было бесспорно за космическими технологи-

ями. Была и ещё одно немаловажная причина форсирования космических исследований – утилизация не перерабатываемых отходов, особенно химической и ядерной промышленности. Налаживание же постоянных челночных сообщений между Землёй, орбитальными станциями и Луной, не только полностью решало эту проблему, но и делало вывоз за пределы Земли отходов других, более слабо развитых стран, выгодным делом. Тем более, после повсеместного внедрения ядерных ракетных двигателей.

Интересно, что следующим кандидатом на обладание космических рудников стала не Япония, как предполагалось, которая в то время не пошла дальше создания околоземных спутников и утилизации в космосе отходов, а ВТК – Всемирная Технологическая Компания. Эта сверх-, над-, супер-, и тому подобное, гигантская негосударственная организация, была создана из пяти крупнейших нефтяных концернов прошлого века. Когда залежи нефти уменьшились настолько, что использование её, как горючего, стало окончательно невыгодно, нефть, а затем, в большинстве стран, и уголь, окончательно перешли в раздел сырья для химической промышленности. Никаких особых трудностей в транспорте, как считалось раньше, это не вызвало. Все крупные корабли и авиалайнеры перешли уже на ядерное горючее, а мелкие суда, самолёты, вертолёт и автомобили – на электрические ёмкости, ставшие к этому времени уже достаточно экономичными. Стратегическим сырьём номер один окон-

чательно стал уран. Потребление его резко выросло. Атомные электростанции в короткий срок окончательно вытеснили тепловые. Вот тогда-то, не желая терять свои позиции и в расчёте на новые сверхприбыли, бывшие нефтяные «сёстры» и задумали открыть собственное космическое дело. Экономя на сторонах, казавшихся второстепенными, и не особенно заботясь о приобретении достаточного опыта, ВТК смогла в короткий срок создать свою космическую технику. Выпустив несколько кораблей на околоземную орбиту, компания тут же изготовила беспилотный десантный корабль на Луну. Но его постигла неудача. Из-за неполадок в системе наведения, он отклонился от заданной траектории и столкнулся с околоземной советской станцией. Только по чистой случайности, она находилась в автоматическом режиме полёта, и произошедшая катастрофа обошлась без человеческих жертв. СССР и ряд других стран внесли на рассмотрение ООН законопроект о запрещении бесконтрольных полётов в космос. Но большинство стран Запада отклонили его, мотивируя тем, что это противоречит принципам свободной торговли. Следующий, уже управляемый десантный корабль, изготовленный так же без должного к нему отношения, потерял управление и врезался в поверхность Луны, вблизи одной из обогатительных фабрик США, причиня не малый материальный ущерб и гибель трёх членов экипажа. После этого уже американцы предложили принять закон запрещающий вывод в космическое пространство кораблей

негосударственными организациями.

– Что же нового можно узнать в КИКе? – Фертран покосился на Алена. – Опять какая-нибудь авария? Или что-нибудь откопали?

– Откопали, – кратко подтвердил Франс, принимая свой обычный полусонно-невозмутимый вид.

Журналист начал уже жалеть, что поддался возбуждению партнёра и не выяснил все подробности сразу же по видеофону. Для такой поездки они могли найти кого-нибудь рангом пониже.

– Прямо! – очнулся ото сна фотограф, когда Фертран загодя стал оглядываться по сторонам в поисках переулка, в котором можно было бы приткнуть электромобиль.

– Какого чёрта?! – обозлился журналист, подчиняясь, однако, приказу. – Что если мы не найдём там стоянку? Тебе лень ноги размять, а я плати штраф?!

Возле входа в здание Управления уже стояло несколько брошенных для штрафа машин. Пожав плечами, Фертран пристроился в хвост одной из них. К ним тут же подошёл полицейский.

– Мсье, я должен вас предупредить, что, останавливаясь здесь, вы нарушаете правила.

– Пошли, – всё так же кратко распорядился Франс, выходя из машины.

Фертран виновато взглянул на полицейского и развёл руками.

Фойе Управления КИК напоминало растревоженный улей. Отвечая на приветствия знакомых журналистов, Фертран усиленно пытался войти в курс дела. Ален Франс ещё в дверях куда-то исчез, бросив напоследок, многозначительное: «Шеф на тебя надеется!»

Лёгкий шлепок по плечу заставил Фертрана обернуться.

– Привет! – перед ним стояла Элен. – В этот раз я тебя обскакала.

– Вот тебя-то мне и надо, – обрадовался Леже. – Сделай милость, объясни, что всё это значит?

Элен Смит, сто процентная англичанка, хотя родители её, как и она сама, родились во Франции, работала французским корреспондентом маленькой английской газетёнки, принадлежащей какому-то профсоюзу, на потеху Фертрана, кичащейся своей псевдо-независимостью. Отношения Фертрана с этой девушкой, начавшиеся лет пять назад, были запутаны и противоречивы. Периоды необузданной нежности, когда, казалось, они минуты не могли прожить друг без друга, сменялись порой почти враждебной холодностью. В моменты отчуждения, всегда болезненно переживаемые Фертраном, он не раз давал себе слово порвать с ней навсегда, но стоило им, остыв после ссоры, встретиться вновь, как всё начиналось сначала. Особенно сильно раздражало Леже то, что «хлопанье дверью» Элен всегда брала на себя, за ним оставляя, исключительно только инициативу примирения. Порой ему казалось, что Элен специально подыскивает предлоги,

чтобы в очередной раз от него уйти. Все её действия, как, впрочем, и работу репортёра, Фертран расценивал не более чем капризы избалованной девицы. Элен сама не раз признавалась ему, что работает не из-за денег. Рента с состояния, обладательницей которого она должна была стать после замужества, вполне хватало ей для безбедной жизни. Замуж же она не выходила исключительно потому, что родственники никак не могли подыскать ей жениха, такого же старинного замшелого рода, из которого происходили сами. То, что он со своим мелкобуржуазным происхождением, автоматически оказывался за кругом её потенциальных женихов, злило Фертрانا и не раз бывало причиной их очередной ссоры.

Элен была высокого роста, на каблуках даже чуть выше Фертрана, с горделивой осанкой и копной густых каштановых волос, подстриженных короткой мальчишеской причёской. Но, если сзади, особенно когда она надевала бесполою спортивную одежду, её можно было принять за подростка, с которым так и подмывало снисходительно пошутить, то, встретившись с её спокойными чуть насмешливыми серыми глазами, любой, даже очень самоуверенный мужчина, невольно отводил взгляд в сторону, точно нашкодивший ученик перед опытным учителем. И хотя телосложения Элен была хрупкого с тонкими чертами лица, но из-за глаз, горевших неукротимой внутренней силой, она всегда выглядела основательно. Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы определить, что перед вами человек, знающий себе цену.

– Это мило, – умерев его радость насмешливо-холодным тоном, всё-таки они, в очередной раз были в состоянии войны, протянула Элен. – Леже Фертран, по прозвищу «сенсация», ничего не знает о сенсации. Как же ты здесь очутился?

– Меня привёз Франс, – стараясь не замечать холодного душа, лившегося на него из синих глаз Элен, ответил Леже. – Но, из него же не вытянешь ни слова!

Фертран всем своим существом постарался изобразить вид побитой, раскаявшейся собаки.

– О, кей! – с выражением, с которым короли прощают побеждённого неприятеля, смилостивилась, наконец, Элен. – Меняю свой сенсационный материал на твой будущий. Полчаса назад отсюда было передано сообщение, что исследовательская экспедиция к Юпитеру, на каком-то из его спутников, обнаружила следы внеземной цивилизации.

Фертран невольно присвистнул. Понятно теперь почему «бегемот» сегодня больше походил на обезьяну.

В это время у белой мраморной лестницы, ведущей из фойе внутрь здания и словно перенесённой сюда прямо из сна Иакова, такое сходство просто бросалось в глаза из-за сходства статуй первых астронавтов, стоявших по краям, с библейскими святыми, послышался шум. Двое охранников стаскивали вниз кого-то из представителей прессы, попытавшегося опередить события. Из большой толпы журналистов, заполнивших зал, послышались подбадривающие крики и свист. Почувствовав поддержку своих соплеменников,

человек на лестнице рванулся вперёд и, свалив преследователей, вновь устремился вперёд. Но тут на верхней площадке появился ещё один служащий. Пробежав несколько ступеней вниз, он с силой, всем корпусом, толкнул непрошеного гостя обратно. Потеряв равновесие, журналист опрокинулся на спину и, переваливаясь через голову, покатился вниз по ступеням. Несколько подбежавших человек помогли ему подняться. Послышались угрожающие выкрики. Не обращая внимания на настроения людей в фойе, охранники, с подоспевшей подмогой, стали оттеснять толпу от лестницы. Это вызвало ещё большее возмущение. Конфликт начал переходить в потасовку. Кончилось тем, что служащим пришлось опустить пуленепробиваемую стеклянную стенку. Этой стеной, смонтированной ещё при строительстве Управления КИК для защиты от диверсантов, террористов и демонстрантов, не пользовались ещё ни разу. Возмущение не стихало. Скоро вся стена испещрилась надписями губной помадой с ругательствами почти на всех языках мира. Не желая отставать от прекрасной половины журналистской братии, мужчины начали кидать в стену комья земли, доставая их из горшков с цветами, во множестве расставленными по всему залу. Через несколько минут в стену полетели и сами цветочные горшки. Видимо боясь окончательного разрушения фойе, рядом с лестницей появился представитель КИК по делам прессы Роберт МакЛеннон. Поговорив о чём-то с охраной, он через устройство громкой связи, предложил

всем дамам и господам пройти в пресс-зал, где он сделает небольшое заявление. Вскоре фойе, больше похожее на место побоища, опустело.

– Господа, – дождавшись тишины, весомо произнёс Мак-Леннон. – Я уполномочен подтвердить первое наше сообщение о том, что действительно, наша экспедиция к Юпитеру, на его спутнике Ганимед, обнаружила, э-э-э... – он немного помолчал, подбирая слова, – следы внеземной цивилизации.

Переждав вспыхнувший в зале шум, он продолжил.

– Подробнее об этом будет сообщено на пресс конференции мистером Крафтмахером сегодня в половине первого.

Вновь переждав шум, вызванный сообщением о том. Что на пресс-конференции выступит сам президент КИК ЕЭС, представитель по делам прессы, откинулся в кресле и, как бы, между прочим, добавил:

– Я должен вас так же предупредить: за всем, что касается видео информации для ваших газет и телепрограмм, то здесь вам следует обратиться в Евровидение, которое закупило монополию на показ сегодняшней пресс конференции.

Не обращая внимания на возмущённые возгласы, Роберт МакЛеннон повернулся спиной и скрылся за дверью.

– Что ты обо всём этом думаешь? – повернулась к Фертрану Элен.

– Только то, что я хочу есть. «Бегемот» вытащил меня из постели. Ты не составишь мне компанию?

– С удовольствием. Только вначале заедем в Пресс-клуб,

я позвоню редактору и заодно выпьем по аперитиву.

Когда они подошли к машине, на заднем сиденье их уже поджидал Ален Франс.

Открыв перед Элен дверцу, Фертран наклонился к фотографу и, по привычке всегда подтрунивать над напарником, сказал:

– А мы едем в другую сторону!

– Мне всё равно. Лишь бы мимо моего дома. – последовал невозмутимый ответ. – Это вам, – галантно добавил Ален и протянул Элен фотографию.

– Какая прелесть! – воскликнула девушка.

Заглянув через её плечо, Леже увидел, что на снимке Элен, забравшись кому-то на спину, с упоением бьёт сумкой по голове одного из охранников.

– Великолепно! – подтвердил журналист. – А это вам за труды, – он снял с лобового стекла и протянул фотографу уведомление о штрафе.

– Для друзей я это делаю бесплатно, – спокойно ответил Ален, ещё больше прикрывая глаза, которые и в минуты его максимальной жизнедеятельности не открывались больше, чем наполовину.

Когда обысканным и обобраным журналистам разрешили доступ в пресс-зал Управления КИК, там уже деловито сновали, налаживая аппаратуру, операторы из Евровидения. Элен, у которой отобрали миниатюрный передатчик, была вне себя от гнева. Узнав, что надзирающий над действиями

операторов служащий КИК, знакомый Фертрона, она потребовала, чтобы её немедленно представили. Терпеливо выслушав всё, что Элен думает об этой «собачьей конуре» именуемой Управление КИК, Стив Петерсон, снисходительно улыбнувшись, попытался её успокоить.

– Вы зря, мадмуазель, так волнуетесь. Здесь ваш передатчик всё равно бы не пригодился. Всё здание Управления экранировано. Ни сюда, ни отсюда передать что-либо невозможно. Эти ребята из Евровидения привезли с собой стеклокабели. Передатчики у них стоят на улице.

– На кой же чёрт вы всех обираете?! – ещё больше возмутилась Элен, усмотревшая в этих действиях ещё одно подтверждение своей убеждённости во всеобщей человеческой глупости.

– К сожалению, пресс-зал не экранирован от всего остального здания. А лишние электромагнитные поля, уж вы мне поверьте, нам страшно мешают.

Ровно в половине первого появились мистер Крафмахер, в сопровождении Роберта МакЛеннона и ещё одного человека, с внешностью напоминающей Эйнштейна. Как оказалось, он был старшим в группе научных консультантов при КИК.

Пресс конференцию открыл представитель по делам прессы:

– Господа, мы предлагаем вам следующий порядок: прежде, мы покажем видеозапись с борта корабля, а затем

мистер Крафтмахер, президент КИК ЕЭС и мистер Шлагман ответят на ваши вопросы.

Все повернулись к экрану.

В начале, камера показала чёрное звездное небо, затем бугристый пейзаж спутника. С левой стороны выплыл и занял почти весь экран огромный диск Юпитера. На его фоне как-то не сразу бросился в глаза прозрачный силуэт, словно стеклянный колпак. Вот край Юпитера качнулся и вновь уплыл влево. Видимо, астронавт стал перемещаться в сторону. Через минуту на фоне чёрного неба засверкала хрустальём, словно светясь изнутри, полусфера. Справа в экран вступила фигура ещё одного астронавта.

– Английский астронавт Томпсон, – пояснил МакЛеннон. – Съёмку ведёт бортинженер Вилон, бельгиец. Командир корабля испанец Родригес, на всякий случай находится на корабле.

Когда Томпсон, оттолкнувшись, плавно подплыл к подножию купола, сал понятен размер сооружения – что-то около трёх человеческих ростов. Помахав рукой, астронавт вновь оттолкнулся и, через какое-то не различимое для зрителей отверстие, влетел внутрь купола. Было хорошо видно, что он, остановившись, как бы повис над поверхностью.

– Спиральная галерея, ведущая к вершине купола, – вновь прокомментировал МакЛеннон.

Сделав около трёх оборотов в куполе, Томпсон оказался у его вершины. Немного помедлив, он протянул руки и что-то

взял. Затем, так же плавно стал возвращаться обратно. Отделившись от купола, астронавт сделал несколько больших прыжков по направлению к камере и остановился в нескольких шагах. В прижатых к груди руках, он держал небольшой прямоугольный прозрачный предмет. Улыбнувшись, Томпсон что-то сказал и, медленно отодвинув предмет от себя, показал его на просвет. В центре прозрачного прямоугольника тускло поблёскивал ещё один прямоугольник размером не больше сигары. Вновь, как-то неуклюже, притянув предмет к себе, астронавт включил заплечный двигатель и исчез из кадра.

Экран погас. Некоторое время, все сидели молча под впечатлением увиденного. Наконец, раздались нестройные хлопки, и весь зал разразился аплодисментами. Когда шум немного стих, в первом ряду поднялся плотный лысеющий человек.

– «Нью Йорк таймс», – представился он. – Господин президент, я за свою жизнь видел уже столько встреч с другими цивилизациями, что ей-ей сбился со счёта. Не являемся ли мы и сейчас жертвами какой-либо шутки? – мужчина оглянулся на зал, как бы ища поддержки.

– Нет, господа, – подождав пока прекратится возникший смех, серьёзно ответил Крафтмахер. – Не являемся.

– Что вы намерены делать с этим предметом?

– Доставить сюда и подвергнуть тщательному обследованию.

– «Дейли ньюс». В вашем репортаже не было звука, почему?

– Неполадки передающей системы.

– В таком случае не могли бы вы что-нибудь добавить?

– Пока мы можем сообщить только, – наклонился к микрофону научный консультант, – что как купол, так и футляр сделаны из очень прочного материала. Футляром я условно называю оболочку вокруг непрозрачного предмета. О прочности купола говорит хотя бы тот факт, что на нём нет ни одного следа от метеоритов, тогда как на почве их более чем достаточно. То, что купол появился там недавно исключительно. Вокруг много следов, рикошетом отскочивших от него метеоритов. Для этого нужно там простоять не одну сотню тысяч лет. Футляр не поддаётся воздействию никаких агрессивных сред, с которыми ему предстоит столкнуться, при его пребывании на Земле, поэтому какая-либо специальная защита ему не нужна. Проводить другие самостоятельные исследования с находкой, астронавтам было запрещено. И, пожалуй, что самое пока интересное, вес находки необъяснимо велик, для такого сравнительно небольшого предмета. Он составляет сто двадцать килограмм. Поэтому, видимо, вы обратили внимание, астронавт так странно с ним обращался.

По залу прокатился шум.

– Агентство «Рейтер». Будет ли экспедиция проводить все первоначально запланированные для неё исследования?

– Нет, она уже направляется к Земле.

По залу опять прокатилась волна возбуждения.

– «Эн би си». Не кажется ли вам, что это послание неизвестной цивилизации?

– Это будет ясно, когда предмет доставят на Землю, и мы займёмся его исследованием, – ответил президент.

– «Франс пресс». Собираетесь ли вы создать представительную научную комиссию, с привлечением учёных разных стран, для исследования находки?

– Что ж, если у нас самих не хватит сил, то – да.

– Газета «Правда». Не кажется ли вам, что если это письмо какой-то цивилизации, то адресовано оно тоже цивилизации, и его следует передать под контроль ООН?

– Я уже сказал, – недовольно поморщился Крафтмахер, – что у нас нет никаких оснований считать этот предмет письмом.

– Агентство «Пресса Латино». Когда астронавты будут здесь?

– Через неделю корабль будет в окрестностях Земли, – вставая, сказал МакЛеннон, и мы, господа, сможем полнее удовлетворить ваше любопытство. Благодарю за внимание. Если у нас появятся какие-нибудь новые интересные данные, мы вас известим. Всего доброго.

– Вот было бы здорово попасть на околоземную стартовую площадку и первой взять и них интервью! – мечтательно сказала Элен, когда они вышли из здания Управления.

Да! – Засмеялся Фергран. – Я так и вижу новую cover girl

во всех журналах с подписями типа: «Космическая находка» и Элен Смит в купальнике! «Звёздное письмо» и Элен Смит без купальника!

– Эх, мне бы первой это увидеть, вздохнула Элен, а там я согласна сфотографироваться даже в парандже!

– Всё это не для меня, пожал плечами журналист. Я люблю делать сенсацию сам.

– Ты опять что-то придумал? – не без зависти посмотрела на него Элен.

– Да. Сейчас сдам материал в редакцию и попрошусь у шефа «исчезнуть». До прилёта астронавтов ещё дней двадцать. Я думаю, он меня отпустит.

– Опять займёшься своей мафией?

– Мне тут подсказали, кто у них может быть «крёстным отцом».

– Буль осторожен, Леже, это опасно.

– Ерунда! Жить вообще опасно. Если дело выгорит, можно считать, что книга готова. А там... – журналист мечтательно откинулся на спинку сиденья машины и закинул руки за голову. – Там займусь Всемирной Технологической Компанией. Очень мне интересно, почему эти две акулы предпочитают жить в мире.

– Ничего себе мир! – фыркнула Элен. – Ты забыл, какой материал они представили по делу Бенджамина? Я даже не помню, сколько человек тогда осудили! С тех пор мафия уже не имеет прежней силы.

– О, святая наивность! – возбуждённо воскликнул Фертран. – Как же ты не понимаешь, что это просто смена власти. К тому же, – задумчиво посмотрел он на Элен, – почему ВТК это сделала?

– Может они просто честные люди, – пожала плечами Элен.

– Посмотрим, – с сомнением ответил журналист, сдавая машину назад, чтобы выбраться из строя припаркованных к обочине электромобилей.

– Возьми меня с собой, – тихо попросила девушка.

– Ты же знаешь, – покосился на неё Фертран, – я всегда работаю один.

– Но, я чувствую..., мне кажется... – Элен замялась, подбирая слова.

– Кретины! – зло выругался Леже, упираясь бампером в хвост впереди стоящего электромобиля. – Прижались, как в лесу. Здесь нужно ездить на тракторе, чтобы расталкивать этих идиотов!

– Чурбан! – вдруг звенящими слезами голосом, выкрикнула девушка и выскочила из машины.

– Элен! – от неожиданности, Фертран не сразу сообразил, что же произошло. – Элен, подожди!

Но девушка, прижимая локтем сумочку, не оборачиваясь, бежала к притормозившему электромобилю такси.

– Ну, вот, помирились! – журналист с досадой ударил по ободу руля.

Глава 2. Свидетель.

В один из тихих вечеров, в наступающей темноте, мимо фешенебельных вилл, уютно расположившихся по самому побережью Адриатического моря, медленно двигался электромобиль, с потушенными огнями. Временами он ненадолго останавливался, словно прислушиваясь к чему-то, затем вновь продолжал свой путь по совершенно пустой, в этот час, автостраде. Электромобиль был старого образца, классической бензиновой формы. Единственное, что отличало его от своих собратьев, стадами скучающих в любой разоряющейся фирме по прокату автомобилей, это необычно сильно затемнённые стёкла.

Поравнявшись с большими ажурными воротами одной из вилл, электромобиль прижался к обочине и вновь притормозил. Прождав несколько секунд, электромобиль сдал чуть назад и замер, словно кот почуявшиймышь. Казалось, что он даже как-то поджался для решающего броска вперёд. Но, вместо этого, вдруг, вся передняя половина его неожиданно взорвалась снопом разноцветных искр. Густой чёрный дым, а затем и пламя, охватили машину. Из распахнувшейся передней дверцы, выскочил мужчина. Оглянувшись на виллу, он сделал несколько торопливых шагов к придорожным кустам, но, тут же, словно сломавшись, упал на асфальт. Некоторое время стояла тишина, нарушаемая только потрески-

ванием огня. Наконец, из беззвучно распахнувшихся ворот, показались три мужские фигуры. Не спеша и, даже, как-то отчуждённо обогнув электромобиль, они взяли пострадавшего на руки и, размеренно шагая, понесли по садовой дорожке к вилле. В большой, ярко освещённой комнате они положили свою ношу на софу и так же неторопливо размеренно шагая, удалились.

Через несколько минут дверь в противоположной стороне зала открылась, и через неё вошли двое мужчин. Первый, невысокого роста полный господин с мясистым улыбчивым лицом и почти лысой головой, несомненно был хозяин. Это чувствовалось по его уверенной манере держаться и даже по тому, как органично он вписывался в мягкую округлую мебель зала. Повинуясь его жесту, второй мужчина подошёл к пострадавшему и, перевернув лицом вверх, быстро обыскал.

– Леже Фергран. Журналист. Может быть опасен. – коротко сказал он, пробежав глазами удостоверение, найденное в пиджаке.

Затем, ощупав голову лежащего, мужчина вынул у него из-за уха микроподслушивающее устройство. Прослушав запись, он, в ответ на немой вопрос хозяина, отрицательно покачал головой и, спрятав себе в карман кассету, а затем и вынутый аккумулятор, вернул всё на прежние места.

– Распорядитесь подать нам кофе, – приказал улыбчивый господин, усаживаясь в кресло напротив софы и, с задумчивым видом, глядя на журналиста.

Вскоре Фертран пришёл в себя и, с видимым усилием, принял вертикальное положение.

– Вам лучше? – любезно осведомился хозяин. – Сейчас принесут кофе и вы окончательно придёте в себя.

– Что это было? – хмуро спросил журналист, растирая виски.

– Инфразвуковой резонатор. Через секунду – безотчётный страх, через пять секунд – спазм мышц, через десять – паралич дыхания.

– Вы за это ответите.

Слуга вкатил столик с двумя кофейными приборами и молча удалился.

– Вы сами виноваты, – разливая кофе по чашкам, всё так же любезно возразил улыбчивый господин. – Вы ехали в машине с потушенными огнями, несколько раз останавливались...

– У меня сели батареи! Если бы я зажёг огни, то через пару километров эта рухлядь встала бы окончательно.

– Вот видите?! – покачал головой хозяин, то ли сочувственно, то ли насмешливо улыбаясь. – Откуда компьютеру было знать о ваших неполадках. Бедный кибер так напичкан информацией о террористах, мошенниках и красных, что, увидев подозрительно движущуюся машину, да ещё со светонепроницаемыми стёклами, недолго думая, включил систему защиты.

– Хороша защита! Вы что же, так встречаете всех, кто

вздумает увидеть здешние места?

– Нет, только тех, кто вздумает подслушивать здешние разговоры, – согнав с лица улыбку, жёстко ответил хозяин.

– Со мной вам такой номер не пройдёт, – почувствовав угрозу, ответил журналист. – Прежде чем отправиться сюда, я, по совету умных людей, приобрёл жетон индивидуального полицейского надзора.

– Вот как? И где же он?

– Сгорел в машине! А это всё равно, что включить сигнал опасности. Уж что-что, а стереть такой сигнал в памяти «Объединённого мозга» вам не под силу, даже если вы подкупите всю полицию Италии.

– Вы правы, – так же без улыбки глядя на журналиста, подтвердил хозяин. – Такой сигнал нам стереть не под силу. Но зато, мы уже знаем, что в последние два часа в нашем районе не появлялось ни одного передатчика индивидуального надзора. И для этого совсем не обязательно было подкупать всю полицию Италии, мсье Фертран.

– Ну, что же, синьор Скарелли, – журналист решил перейти в наступление, – здешние разговоры бывают порой столь забавны, что ими интересуются даже такие серьёзные люди, как судьи.

– Не обольщайтесь, Фертран, – снисходительно улыбнулся хозяин виллы, жестом напоминая о кофе. – Всё, что вы разнюхали и опубликовали до сих пор, для нас тоже было не более чем забавно. Здесь вы оказались отнюдь не из-за своих

заслуг перед человечеством, а только из-за ошибки кибера.

– Вот как?! А мне показалось, что мой журналистский нюх и в этот раз меня не подвёл.

– Наверное, мсье, – задумчиво покачал головой синьор Скарелли, – друзья вам не раз говаривали, что ваш нюх вас погубит?

– О! Что и говорить, – весело воскликнул Фертран. – Но, кто же не знает, что настоящий журналист любит иногда поиграть в прятки даже со смертью, ради сенсационного материала.

– Можете смело полагать, что в этот раз она вас нашла, – мрачно скаламбурил хозяин, подумав, кстати, что и эта вилла, и все здешние контакты у него были совсем на другую фамилию. Действительно не стоило недооценивать нюх этого человека.

– Я знаю, вы большой шутник, синьор Скарелли. Никогда не забуду, как вы устроили поджёг в игорном доме в Монте-Карло, когда там собрались повеселиться все ваши дружки. Я тогда писал, что это дело рук самой мафии. Но мне не поверили. Не увидели мотива.

– Да, верно, – весело засмеялся хозяин. – Я тогда снял фильм. Помню, потом мы смеялись все три часа пока он шёл!

– Но вот последняя ваша шутка явно не удалась. Я не вижу причин, из-за которых стоило бы сжигать мою машину и тащить меня сюда.

– Вы развеселили меня, мсье Фертран. Я, действительно, люблю шутку. Вы хотите, чтобы я пошутил и над вами? Извольте! Я дам вам сенсацию, о которой можно только мечтать, и с удовольствием посмеюсь, глядя, как вы будете мучиться, не имея возможности никому о ней сообщить.

– Буду вам очень благодарен, синьор, – иронично поклонился журналист, принимаясь, наконец, за кофе.

– Жозефина! – негромко позвал синьор Скарелли.

В ту же секунду дверь открылась и в комнату вошла стройная миловидная девушка высокого роста в ярком оранжевом комбинезоне.

– Я вас слушаю, синьор, – чуть склонив голову набок, мягко сказала она. Открыв в заученно предупредительной улыбке к тому же неплохие зубы.

– Познакомьтесь, мсье – это Жозефина. Можете называть её просто Жози. С этой минуты она будет вашей постоянной спутницей. Я думаю, вам не будет с ней скучно, интеллекта ей не занимать. Но, вы, французы, народ невоздержанный, поэтому предупреждаю заранее: не советую лезть к ней за пазуху. Это может для вас плохо кончиться.

– Вот как? А вы не боитесь, что я просто-напросто сбегу от вашей милой знакомой, вместе с сенсационным материалом?

– От Жозефины?! Я ничуть не сожалею о нашем знакомстве, мсье Фертран. Вы веселите меня сегодня весь вечер...

– Может вы скажите, почему я не смогу сбежать от этой

дамы, и мы посмеёмся вместе?

– Не будьте наивны, Фертран. Неужели я приставил бы к вам обыкновенную женщину?

– Что вы хотите этим сказать?

– Думайте, Фертран! Вы всегда славились раскрепощённостью мышления. Смелее, смелее!

Синьор Скарелли в азарте даже привстал в кресле, сместив животом в сторону кофейный столик. Журналист, вначале смущённо, но затем всё более внимательно стал вглядываться в смотревшую прямо на него девушку. Что-то в её лице смущало Фертрана, но он никак не мог уловить, что именно. И тут вдруг, журналист понял – глаза! Они не смотрели! То есть, они, конечно, смотрели, в том смысле, что моргали и, по-видимому, воспринимали информацию, но в них не было того взаимопонимания, того моста, который всегда появляется между людьми, когда они смотрят в глаза друг друга.

– Неужели?! – журналист откинулся назад, ошеломлённый догадкой. – Вы, что же, кибер? – в упор глядя на Жозефину, спросил он, невольно весь напрягаясь, в ожидании ответа.

– Да, мсье, – спокойно и, даже как-то обыденно, ответила девушка.

– Bravo! – захлопал в ладоши синьор Скарелли. – Вы действительно умный человек и большой профессионал, мсье журналист.

– И у вас, что же, есть эти самые, как их, рычаги, или там, кнопки управления? – всё ещё боясь розыгрыша, подозрительно спросил Фертран.

– Да, мсье.

– Очень интересно. А могу я узнать, где они находятся?

– Вот здесь, – девушка плавным движением указала себе на грудь.

– Понятно, почему мне не советовали туда заглядывать, – усмехнулся журналист. – Ну, а если я всё же попытаюсь вас ... м-м-м, отключить?

– Я убью вас, мсье.

– Я уверен, что вы понравитесь друг другу, – опять засмеялся, довольно потирая руки, синьор Скарелли.

– Но, зачем делать кибера копией человека? – пожал плечами Фертран. – Если только для одной эстетики, то экономически, я уверен, это не оправдано.

– Вы правы, пока эта игрушка ещё очень дорога. Но скоро всё изменится. И тогда появятся сотни, тысячи, миллионы таких машин!

– Не уверен, что всех их купят. Мне лично, робот копия человека, был бы явно не по душе.

– Не говорите глупости, Фертран. Такие киберы нужны не вам, а нам. Вы знаете, что будет в государстве, в котором вдруг оказывается половина фальшивых денег? То же самое будет с государством, в котором вместо людей половина населения окажется вот таких роботов. Мы взорвём изнутри

любой неуютный нам режим, перестроим любую систему! И никто, ничего не поймёт! Заводы будут работать, как работали, но вместо людей там будут трудиться наши киберы. Солдаты будут ходить солдатами, полицейские полицейскими, но это будут наши солдаты и наши полицейские.

– Но, что вы станете делать с людьми? С теми людьми, что окажутся за воротами без средств существования? Вряд ли они согласятся на такую замену, если вы, конечно, не собираетесь делиться с ними своими доходами от работы киберов.

– Какое мне дело до всего этого сброда? – презрительно скривил губы синьор Скарелли. – Пусть выкарабкиваются, как хотят!

– Очередная компания по завоеванию мирового господства? – усмехнулся журналист. – Кто посмеет заняться изготовлением этого вашего миллионного заказа человекоподобных роботов? Как только об этом станет известно, ООН запретит эти работы.

– Плевать мне на вашу ООН! – зло взорвался хозяин. – Кто знает, что такие киберы существуют? Люди выстроят нам заводы самого абстрактного назначения. Мы не будем там монтировать никакого подозрительного оборудования. Нам не нужны никакие манипуляторы, корявые роботы-станки и тому подобные достижения прогресса. У нас есть лучшее, что можно придумать – человек-робот. Когда положение станет, действительно, критическим, контроль-

ный пакет акций от «мирового господства», как вы выразились, окажется в наших руках!

– Стоп, стоп, стоп, – точно от наваждения, отмахнулся Фертран. – О чём мы говорим? Чтобы это осуществить, нужны средства и организация крупного государства. Причём замкнутого, изолированного государства. А у вас нет ни первого, ни, особенно, второго. Кто не знает, что мафиози дай только повод и они тут же перережут друг другу глотки. Нет, всё, что вы рассказали, больше похоже на шутку или, извините, на бред шизофреника.

– Да, – снисходительно улыбнулся синьор Скарелли, – из того, что я вам рассказал, правильного вывода не сделать.

– Тогда должен вас огорчить, – развёл руками журналист, – это интересно, но не сенсационно. В наш объевшийся впечатлением век истинной сенсацией можно назвать, разве что-нибудь типа «космической находки».

При этих словах, синьор Скарелли бросил на Фертрана быстрый подозрительный взгляд, но, тут же, отведя глаза в сторону, поспешно сказал:

– К сожалению, у меня нет сейчас больше времени, для общения с вами. Жозефина проводит вас в отведённую вам комнату.

– Значит сенсация, которую вы мне обещали ещё впереди?

– До завтра, мсье Фертран, – задумчиво глядя себе под ноги, ответил хозяин виллы.

– Скажите, Жозефина, – шествуя за девушкой по коридору и всё время стараясь заметить в ней что-нибудь, что отличало бы её от человека, спросил, наконец, журналист, – это не шутка, ну, насчёт того, что вы..., то есть, ты... – Фертран замялся, подыскивая слова.

– Нет, – спокойно ответила та.

– Не могу в это поверить!

Девушка остановилась и, немного помедлив, обернулась к журналисту.

– Боже! – в ужасе воскликнул Фертран, чувствуя, как волосы у него на голове становятся дыбом.

Перед ним, с насмешливым выражением лица, стояла симпатичная негритянка, с широким носом, чуть вывернутыми чувствительными губами и слегка отливающей синевой кожей.

– Ради бога, больше не надо! – умоляюще проговорил Фертран, пытаясь успокоить бешено стучащее сердце.

– Хорошо, я приму прежний вид, – ответила Жозефина, без всякого участия, глядя на журналиста.

Она повернулась и плавной походкой направилась дальше. Фертран поплёлся следом. Обретя определённую, журналист, не смотря на испуг, почувствовал себя раскованнее.

– И что же, – вновь, правда не без некоторого колебания, сокращая дистанцию, спросил он, – ты всем, кто тебя спрашивает, признаёшься, что ты кибер?

– Нет, конечно, – Жозефина, не оборачиваясь, пожала плечами.

– Но ведь мне ты сказала сразу.

– Вы мне не опасны, мсье.

Это прозвучало, как приговор врача у постели умирающего больного.

– Как знать! Вдруг я всё записываю?

– Эту штуку, из-за уха, можете выбросить. Она без кассеты и аккумулятора.

«Однако, она с юмором, – перекладывая микроподслушивающее устройство в карман, подумал журналист, – С ней и правда, не соскучишься».

Комната, которую отвели Фертрону, оказалась большой и хорошо обставленной. Правда, прежде, чем Жозефина задернула шторы на окнах, Леже успел заметить, что стёкла в них отливают синевой, что говорило об их толщине и пуленепробиваемости. После этого наблюдения, всё вокруг, приобрело для Фертрона серость тюремного каземата. Так и подмывало убедиться в том, что стол, кресла и остальная мебель намертво привинчены к полу. Проверить это не дал стук в дверь.

– Это принесли ужин. Можно войти? – повернулась к нему Жозефина.

Журналист кивнул. Дверь тут же открылась, и вошёл слуга. Фертрона удивило, как тот так быстро узнал о согласии.

Повинуясь жесту Жозефины, мужчина поставил поднос на стол и, откланявшись, вышел. Леже показалось забавным, что человек беспрекословно подчиняется жесту робота.

– Жози, а они что же, не знают, что ты кибер?

– Кто они?

– Слуги.

– Это был не человек.

От её слов, Фертрана дёрнуло, как от разряда электрического тока.

– Чёрт побери! – поражённый он уставился на Жозефину. – Ну, а люди-то здесь есть? Может и мистер Скарелли тоже кибер?

– Нет, синьор Скарелли человек.

– Никогда бы не подумал! – съехидничал Леже.

– Вот здесь ванная, – оставив без внимания его реплику, сказала Жозефина. – Пойдёмте, я посмотрю, как вы будете мыться.

– Зачем? – почувствовав какую-то неловкость, остановился журналист.

– Мне приказано всюду вас сопровождать, чтобы ничего не случилось.

– Может ты и в более интимные места будешь со мной ходить?!

– Успокойтесь, – укоризненно сказала Жозефина, – я же кибер.

– Слушай, а почему ко мне приставили именно тебя, а не

какого-нибудь из мужчин? Ну хоть того же слугу, что приносил ужин.

– Он несовершенная модель для этого.

– А что, кроме тебя таких моделей больше нет?

– Это относится к вещам, на которые я отвечать не имею права.

– Ах, ах, какая секретность! – покрутил головой журналист. Но, подумав, что кривляться перед роботом, так же глупо, как перед стенкой, направился в ванную.

После ванной Фертран почувствовал себя бодро и даже весело. Он облачился в просторный турецкий халат и феску.

– А что, Жози, – оставшись довольным своим видом, спросил он, – по-моему, я выгляжу неплохо? Как на твой женский взгляд?

– Бесподобно, – как показалось Фертрану, довольно язвительно ответила та. – Прошу к столу.

– Но здесь только один прибор. А как же ты?

– Спасибо. Я сыта.

– Что же, ты со мной даже ничего не выпьешь?

– Я не пью.

– Вот как? Ну, хотя бы машинного масла?

– Вы говорите глупости, мсье.

– Жози, ты напоминаешь мне мою классную даму, – с аппетитом принимаясь за еду, весело сказал Фертран. – Она всегда говорила нам тоже самое. Какой отменный вкус у этого вина! Уж не добавил ли сюда синьор Скарелли какого-ни-

будь яду?

– Кроме алкалоидов здесь никаких ядов больше нет, но концентрация их незначительна для вашего объёма тела. Отравление мало вероятно, но я прослежу за их количеством.

От такого комментария журналист чуть не подавился.

– Какого чёрта?! Не порть мне аппетит! Лучше скажи, тебе приходилось бывать на людях?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, тебя выпускали в город?

– Я бывала во многих городах и даже странах.

– О, ты любишь путешествовать?! А одной тебе приходилось бывать среди людей?

– Много раз.

– И что же, за тобой ни разу не пытались ухаживать мужчины? Скроена ты неплохо.

– Пытались.

– Вот как? А как же ты от них отвязывалась?

– Очень просто. «Объединённый мозг» несравнимо умнее любого среднего человека. Я давала им это понять, и они тут же отставали.

Когда слуга, после ужина, убирал со стола, Фертран, внимательно к нему приглядевшись, заметил в этот раз, некоторую угловатость его движений и, особенно, малую подвижность лица. Оно скорее походило на лицо манекена, чем живого человека.

– Ложитесь, мсье Фертран. Я приготовила вам постель, – проговорила между тем Жозефина.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил журналист, развязывая пояс халата и усаживаясь на постель, но, взглянув на робота, тут же вскочил, пронзённый неприятной догадкой. – Ты, что же, и спать будешь здесь?!

– Да, я буду сидеть вон в том кресле.

– Нет! Этому не бывать. Я желаю немедленно видеть сеньора Скарелли!

– Его вы сможете увидеть только завтра утром, – невозмутимо ответила Жозефина.

– Но, я же не смогу уснуть! – жалобно протянул Фертран, опускаясь на постель. – Вдруг у тебя глаза светятся?!

– Я ничем не буду вам мешать.

– Да?! А вдруг этот мафиози приказал тебе придушить меня во сне?

– Кто это мафиози? – спросила кибер, подходя к журналисту. – Не беспокойтесь, я только зажгу светильник над кроватью, – добавила она, насторожившемуся Фертрану.

Жозефина встала одним коленом на кровать и потянулась к светильнику. В этот момент кто-то постучал в дверь. Журналист повернулся на стук и, в ту же секунду, получил в затылок спокойный, точно рассчитанный удар локтя Жозефины. Взгляд Фертрана остекленел, и он, без сознания, повалился на кровать.

Когда журналист и Жозефина вышли, Скарелли ещё некоторое время неподвижно сидел в кресле, глядя им в след. Он был в растерянности. С одной стороны, чувствовалось, что Фертран не догадывается что в действительности должно произойти, но, с другой, появление его возле виллы именно сегодня и, особенно, его последние слова о «космической находке», заставляли насторожиться. Всё же зря он так расхвастался перед журналистом. Особенно не следовало этого делать в неэкранированной комнате. Пожалуй, отпускать Фертрانا будет опасно. Да ещё сегодняшней гость, что-то задерживается. Наконец, в комнату вошёл мужчина, тот самый, что обыскивал журналиста.

– Приехал? – вышел из задумчивости синьор Скарелли. – Проводи его в их любимую комнату без окон. Я буду там.

Так томительно ожидаемым гостем, оказался высокий худой мужчина со страдальческим выражением лица и нервными чувствительными руками.

«Не могли прислать кого-нибудь другого» – неприязненно подумал синьор Скарелли. Он видел этого человека несколько раз на заседаниях совета директоров. Этот субъект всегда сидел молча, чопорно выпрямившись и поджав губы. Сейчас синьор Скарелли силился вспомнить его фамилию и никак не мог. От этого раздражение против этого человека поднималась ещё больше.

– Как вы добрались? – сделав радушное лицо и, может быть чуть позже, чем это было нужно, пошёл навстречу к во-

шедшему, хозяин виллы.

– Что значит обгоревший автомобиль у ваших ворот? – не утруждая себя, не то что ответным радушием, но, даже, словами приветствия, с места в карьер начал гость. При этом руки у него нервно задвигались, ощупывая и разглаживая полы пиджака.

«Здорово же ты перетрусил» – усмехнулся про себя синьор Скарелли, с усилием отводя взгляд от этих постоянно движущихся рук.

– Это мимо проезжал один мой знакомый и не хотел оставаться, – как можно беспечнее ответил хозяин, – так что мне пришлось сделать это силой.

– Я попросил бы вас оставить шуточки! – приглушённым фальцетом вскричал нервный господин. – Положение таково, что каждая мелочь может погубить всё дело.

– Если серьёзно, – подходя к бару и приглашая гостя последовать его примеру, сказал синьор Скарелли, – моим людям показалась подозрительной эта машина и они не ошиблись. В ней оказался некто Фертран, журналист. Не знаю, слышали вы о нём или нет. Он давно специализируется на материалах о мафии. Умён. Опасен. Но из разговора с ним, я сделал вывод, что об операции ему ничего не известно.

– Ваши выводы могут не соответствовать действительности, – не отвечая на приглашения хозяина подойти к бару и, даже, не трогаясь с места, высокомерно ответил гость. – Но, если это и так, то ещё неизвестно к чему может привести са-

мо его появление здесь. Он может быть не один. А если нас увидят вместе, то это явный провал. Где он сейчас?

«Здорово же ты трусишь!» – опять мысленно усмехнулся синьор Скарелли.

– Он в комнате для гостей, под присмотром Жозефины, – вновь наливая себе коньяку и усаживаясь в кресле, нехотя сказал он. Положение провинившегося ученика перед строгим учителем начинало ему надоедать.

– Надеюсь, он не знает, кто она такая? – немного успокаиваясь и, даже, делая два шага по направлению к хозяину, спросил гость.

– Напротив, – с интересом ожидая, какая последует реакция на его слова, возразил синьор Скарелли. – Я рассказал о ней и её предназначении во всех подробностях.

– Вы с ума сошли! – обе руки нервного господина всплеснулись, как два крыла. – Журналист должен быть немедленно ликвидирован. Я так и знал! Я так и думал! Не зря я был против вашего участия в этом деле.

– Вы были против моего участия в разработанной мной операции? – насмешливо глядя на гостя и чеканя каждое слово, спросил хозяин.

– Вы ничего не понимаете, – со стоном ответил нервный господин. – Это ваше предложение, а не разработка. Во всём этом столько тонких мест, что... – гость широко развёл руками, не находя подходящих слов. – Вы думаете, просто было обосновать, чтобы атомоход привёз их именно в Гранвиль?

Почему именно туда? Ведь для выполнения плана нужна малонаселённая местность. Так вот знайте, что на автостраде Нант – Париж пришлось срочно начать крупные ремонтные работы. А на автостраде Гавр – Париж устроить автокатастрофу грузовика, вывозящего отходы атомной электростанции. Теперь за наш же счёт придётся рассчитывать со всеми, кто там жил, да ещё вывозить несколько гектаров заражённой земли. И это только верхушка айсберга! А что нам стоило обосновать ненужность охраны? Мы сделали намного больше, чем вы можете себе представить, чтобы ваша идея стала жизнеспособной операцией. Мы все являемся заложниками собственных действий. И вы не имеете права ни на шаг отступить от намеченного плана. Короче! Наделёнными полномочиями, я приказываю вам немедленно ликвидировать журналиста, потому что это потенциальный свидетель. Это, во-первых, ...

– Приказывать мне не может никто, а тем более вы, – спокойно прервал красноречие своего гостя синьор Скарелли, вновь наливая себе коньяку.

– Я доложу о вашем поведении совету директоров! Вам не поздоровится! Компания не простит вам разглашения секретного плана производства человекообразных роботов!

– Плевать мне на вашу вонючую компанию – хозяин явно развлекался, глядя на волнения господина Ирвинга. Теперь он, наконец, вспомнил его фамилию. – Если бы не наши деньги, вы все давно бы ходили без штанов! Вы только

мастаки разрабатывать грандиозные планы, которые на деле выеденного яйца не стоят. Вашими акциями крестьяне отхожие места оклеивают! И он ещё является сюда мне указывать!

– Я повторяю последний раз. – гость унял движение рук и, даже, придал голосу некоторую торжественность. – Во-первых, журналист должен быть немедленно уничтожен, он знает больше, чем это возможно, для того, чтобы остаться живым. Во-вторых, я вынужден забрать у вас контрольный экземпляр последней модели робота. Компания не может рисковать ещё и этим. Остальных роботов вы должны немедленно уничтожить, согласно инструкции.

– Я тоже повторяю вам в последний раз, – поднимаясь с налитым кровью лицом, проговорил синьор Скарелли. – Здесь приказываю я! Вы прибыли сюда, чтобы сообщить мне экстренный вариант действий с «Европой»? Так вот, выкладывайте и я вас не задерживаю.

– Ничего я вам говорить не буду! Вы слишком болтливы. Экстренный вариант, если понадобится, мы проведём без вашего участия!

– Что ж, значит нам больше не о чем разговаривать, – поворачиваясь к гостю спиной и опять наливая себе коньяка, пожал плечами хозяин. – Робота я вам не отдам, она мне самому пригодится, – добавил он.

– Вы забываетесь! – от злости у мистера Ирвинга изо рта брызнули слюни. – Вы забыли, кому обязаны своим положе-

нием здесь?!

– Ещё слово, – побледнев, медленно произнёс синьор Скарелли, – и вы действительно отсюда не уйдёте. Я вас самого уничтожу!

Как только гость вышел, хозяин резко повернулся и с размаху запустил ему вслед, оказавшуюся у него в руке бутылку. Злоба не проходила. Синьор Скарелли постоял некоторое время, засунув руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок. У него было непреодолимое желание досадить им всем. Ему сейчас попытались указать на его место. Грубо щёлкнули по носу, а он ничем не мог ответить. Он понимал, что связан по рукам и ногам. Порвать с компанией в настоящее время никакой возможности не было, слишком большие деньги были вложены. Сорвать операцию он, конечно, тоже не мог, тут можно было лишиться не только большого куша, но и головы. Но показать, показать этим самоуверенным снобам, что «крёстный отец» всей европейской мафии не пешка в их игре, он был просто обязан.

И тут синьору Скарелли вдруг пришла в голову интересная мысль – что, если ему, не ломая всей конструкции, просто немного изменить операцию. От волнения у него даже вспотели ладони. Конечно, же! Удача, в очередной раз, сама шла ему в руки. Он ведь может, ни с кем не согласовываясь, вставить Фертрана в ту часть операции, за которую отвечал лично он. Таким образом, он, практически ничем не рискуя (пусть журналист поживёт ещё немного), получал

в руки уникальный материал, которым можно не только похвастать, но и, при случае, поприжать всех этих выскочек из компании. А там, чем чёрт не шутит, если Фертран всё делает профессионально, возможно сложится вариант неплохо подзаработать в каком-нибудь далёком и безопасном будущем. Уж что, что, а делать деньги из самых неожиданных обстоятельств, всегда было его коронной особенностью. Синьору Скарелли так понравилась эта идея, что ему стоило большого труда сдержать себя и дождаться утра.

Фертран проснулся в хорошем настроении. Он не мог припомнить своего сна, но оставшееся от него впечатление было очень приятно. Журналист открыл глаза и желание улыбаться сразу же улетучилось. Перед его кроватью в выжидательной позе стояла Жозефина. Кажется, он начинал её тихо ненавидеть. По крайней мере, сейчас кибер его точно раздражала. Это было подтверждение его вчерашних слов, что иметь у себя робота копию человека, он бы не захотел.

– Пора вставать, – как всегда спокойно сказала Жозефина.

– К чему такая спешка? – бросив взгляд через окно на только ещё чуть высунувшееся солнце, спросил журналист.

– Нас ждут великие дела, – чуть улыбнувшись, ответила кибер.

«Какая противная ухмылка, – покосившись на робота, подумал Фертран – всё же прелесть человеческой улыбки в её изменчивости, неповторимости».

Молча позавтракав, прислуживал ему всё тот же слуга-робот, журналист отправился вслед за Жозефиной по коридору. За всё это время они не обмолвились ни словом – после её вчерашнего «снотворного», Фертран предпочитал держаться от кибера подальше.

В этот раз они поднялись на второй этаж. Перед нужной комнатой Жозефина остановилась. Дверь, казавшаяся точно такой же, как и все остальные, вместо того, чтобы открыться, вдруг бесшумно отъехала в сторону. Повинуясь жесту кибера, Фертран вошёл в помещение, внешним видом напомиавшее рабочий кабинет. Сразу бросилось в глаза искусственное освещение и отсутствие окон.

«Катакомбы на втором этаже. Это оригинально!» – мысленно съязвил журналист.

– А, мсье Фертран, – поднялся из кресла, стоявшего спинкой ко входу, синьор Скарелли. – Надеюсь, вы поладили с Жозефиной?

– Она поладит с кем угодно, – невольно дотрагиваясь до затылка, ответил журналист. – Вчера весь вечер, пока я не заснул, развлекала меня рассказами о своих любовных приключениях.

Фертран слегка наклонился в сторону кибера, призывая поддержать его шутку. Но тут, к большому удивлению, услышал:

– На вопрос человека бывала ли я в городе...

– Ты свободна Жози, – поспешно сказал синьор Скарелли.

– Да, синьор, – заученно склонив голову набок, ответила Жозефина.

Странная дверь отъехала в сторону и кибер, довольно неуклюже, как показалось Фертрану, развернувшись, вышла. У журналиста осталось такое впечатление, что, войдя в эту комнату, Жозефина словно поглупела.

– Ну, что же, мсье Фертран, вы всё ещё настаиваете на нашем вчерашнем соглашении? – повернулся к журналисту хозяин виллы.

– Хотите сказать, что в противном случае могли бы меня отпустить? Даже после того, что я знаю о Жози и ваших планах на будущее?

– У вас нет доказательств, а без них всё, что вы расскажите, будет голой фантастикой. Кто вам поверит? – пожал плечами синьор Скарелли.

– Значит то, чему я мог быть помехой, из-за чего спалили мою машину и держали меня здесь, случилось этой ночью, – задумчиво проговорил журналист.

– Вы очень проникательны, – засмеялся хозяин. – И так, я жду вашего ответа.

– Мне не очень понятна ваша настойчивость.

– Всё очень просто, мсье Фертран. Я человек эмоций и предпочитаю живую человеческую речь, сухим словам докладов. Поэтому, меня и привлёк ваш вчерашний энтузиазм. Впрочем, если вы передумали...

– Отчего же. Я согласен.

– Вот и отлично! Выпьем за успех нашего предприятия. – синьор Скарелли налил себе и журналисту какого-то золотистого с лёгким ароматом вина. – Не беспокойтесь, я вас не обману. Вы, действительно, станете свидетелем сенсации века. При этом, я гарантирую вам жизнь, конечно, если вы обойдётесь без глупостей.

– Благодарю вас, – церемонно поклонился журналист.

Синьор Скарелли взглянул на часы и сказал:

– До исполнения нашего соглашения ещё пять дней, поэтому, в целях безопасности, мне придётся на этот срок отключить вашу память.

– Что вы имеете в виду?! – ошеломлённо спросил журналист.

– Вам придётся несколько дней побыть идиотом, любезно пояснил хозяин. – Жози!

– Я протестую! – хватаясь за затылок, сделал шаг назад Фертран.

– Не беспокойтесь, – усмехнулся синьор Скарелли. – Она только отведёт вас в вашу комнату. Необходимый порошок вы выпили вместе с вином, за успех нашего дела. – Он вновь посмотрел на часы.

Журналист не успел ничего возразить, он даже не видел, как вошла Жозефина, потому что звон, вдруг двумя мощными потоками хлынувший ему в уши, стал раздувать его голову, точно воздушный шар. В ужасе, что голова может не выдержать и лопнуть, Фертран с силой сжал её руками. Звон

немного стих, но, успевшая сильно раздуться, голова вдруг потянула его кверху. Он почувствовал, как ноги его отделяются от пола. Это было нисколько не страшно, даже приятно...

– Увидите его, Жози, – сухо распорядился синьор Скарелли, брезгливо отворачиваясь от идиотской улыбки Леже Фертрана.

Глава 3. «Похищение Европы».

Первым осознанным ощущением Фертрана, когда он очнулся, была пустота в голове. Это было так удивительно, что он снова закрыл глаза и мысленным взором обежал внутренности своей головы. Пустота! *Tabula rasa!* Только где-то глубоко-глубоко, почти у самого позвоночника, слабо жужжала маленькая чёрная точка смутной тревоги. Фертран попробовал выцарапать её оттуда, но у него ничего не получилось. Тогда ему стало страшно. Не в силах больше выносить давящую пустоту своей черепной коробки, он вновь открыл глаза и тут увидел у своей постели девушку. Лицо девушки было удивительно знакомо. Но откуда он так хорошо её знал, Фертран тоже никак не мог вспомнить.

– Кто вы? – медленно спросил он.

– Жозефина. Сейчас память к тебе вернётся.

Её ответ прозвучал как щелчок выключателя в темной комнате. Фертран не то чтобы вспомнил, он вдруг почувствовал, что всё помнит и всё знает.

– Где мы? – приподнимаясь на локте и оглядываясь, осведомился журналист.

Обстановка комнаты, в которой он очутился, привела Фертрана в немалое смущение. Кроме большой кровати под балдахином, на которой он возлежал, из мебели здесь были только несколько зеркальных шкафов, два мягких кресла у

камина и небольшой трельяж с пуфом. Но качество мебели, а главное роскошные ковры на полу и шпалеры на стенах, придавали немногочисленной обстановке королевское величие.

– Так, где же я? – не получив ответа, вновь спросил Фертран.

– Во Франции, – уклончиво ответила Жозефина. – Как ты себя чувствуешь?

– Что я должен делать? – оставив без внимания любезность кибера, спросил журналист.

– Вставать, – пожала плечами та.

Завтракал Фертран один на террасе роскошного особняка, в котором очутился. И терраса, и фасад здания, и ведущая вниз широкая лестница, всё было изыскано и подчёркнуто дорого, как и в той первой комнате, в которой он очутился. Его всё ещё не покидало забавное ощущение, что он попал в Лувр или, как минимум, в Версальский дворец. Он даже первое время, когда одевался, немного спешил, чувствуя неловкость от того, что может быть застигнут первыми посетителями.

Хорошо ухоженный большой парк не закрывал вида на окружающий ландшафт. Если это действительно была Франция, то скорее всего, Бретань или Нормандия и, видимо, достаточно далеко от моря. По крайней мере, его присутствия здесь ни в чём не чувствовалось.

Безупречно одетый смуглый слуга, похожий на выходца из

какой-то арабской страны, подал завтрак. Фертран, до этого с безучастным видом глядевший по сторонам, с интересом уставился на него. Беззастенчивый взгляд журналиста, привёл слугу в немалое беспокойство, он даже немного пролил кофе на скатерть, от чего пришёл в ещё большее замешательство.

«Значит это человек!» – с симпатией к этому представителю третьего мира, подумал Фертран. На него словно пахнуло чем-то родным и близким. Желая загладить неприятное впечатление от своего наблюдения, журналист попытался заговорить с этим человеком, но тот лишь молча вежливо улыбался, оставляя все его вопросы без ответа.

«Может он немой или не понимает по-французски», – оставил наконец свои попытки наладить контакт Фертран. Но, после завтрака, слуга на хорошем французском языке сказал:

– Мсье, мадмуазель вас ждёт в машине.

– Вы что же не знаете, что это не девушка, а кибер? – с интересом наблюдая за реакцией слуги, не смог удержаться от вопроса журналист.

– Мсье шутит, – после некоторого замешательства, понимающе улыбнулся тот и скрылся в доме.

«Мафиози прав, – спускаясь с террасы, размышлял Фертран. – Без доказательств, заикнись я о кибере, меня сочтут идиотом или, в лучшем случае, поднимут на смех».

– Должна тебе напомнить, Леже, – сказала Жозефина, ко-

гда электромобиль со светонепроницаемыми стёклами, дожидавшийся его внизу, тронулся с места, – любая неосторожность с твоей стороны, я уже не говорю о чём-то преднамеренном, и ты не только не увидишь, что тебе обещали, но и ...

Она многозначительно замолчала.

– Это что, действительно так серьёзно? – рассеянно спросил журналист, отмечая про себя, что из нескольких дорог, ведущих к особняку, они поехали по той, что вела на восток.

– Ты будешь свидетелем тщательно разработанной операции. Если ты хотя бы в одном месте не выполнишь того, что от тебя потребуют, то станешь помехой и тебя тут же устранят.

– Операции? – с интересом повернулся к Жозефине Фертран. – Что за операция?

– Она носит кодовое название «Похищение Европы». Всё остальное ты узнаешь на месте.

– Красивое название, – одобрительно сказал журналист. – Не иначе как будем воровать Эйфелеву башню. Уж не Зевсом ли мне придётся быть с этой Европой? Нет? Ну, всё равно, ты меня заинтриговала. Мне уже хочется досмотреть всё до конца. Кто же меня научит, как я должен себя вести?

Жозефина не ответила, чуть сбавляя скорость. Впереди показался автоматический шлагбаум. По тому, как были расположены плакаты, Фертран понял, что они выезжают из какой-то зоны. Шлагбаум поднялся, и электромобиль, не оста-

навливаясь, понёсся дальше. Журналист обернулся и при- свистнул от неожиданности. Надпись на одном из плакатов гласила: «Стоять! Проезда нет! Полигон Всемирной Технологической Компании».

«Мафиози, пользующиеся услугами ВТК. В этом что-то есть», – подумал журналист, но его размышления прервала Жозефина.

– Теперь послушай меня внимательно и не забудь, что от этого зависит твоя жизнь. Тебе необходимо сделать репортаж с места событий.

– Это я помню, – буркнул Фертран, недовольный тем, что кибер отвлекла его от интересной мысли.

– Имени синьора Скарелли не упоминай ни в коем случае, – не обращая внимания на его реплику, продолжала Жозефина. – Постарайся заметить побольше подробностей, конечно, не упуская из виду всей картины. Неплохо, если ты при этом вставишь свои впечатления о происходящем. Должна тебя сразу предупредить, что зрелище будет не для слабонервных.

– Я уже столько видел... – начал, уязвлённый подозрением в трусости, журналист.

– Во внутреннем кармане пиджака у тебя лежат перчатки, – прервала его Жозефина. – Надень их.

Доставая тонкие телесного цвета перчатки, упакованные в целлофан, Фертран заодно проверил и остальные карманы. Все они были пусты.

– Где мои документы и деньги? – повернулся он к киберу. – Я требую, чтобы мне вернули удостоверение журналиста...

– Тебя пропустят без него, – то ли шутя, то ли серьёзно, ответила Жозефина. – Надевай перчатки.

Подождав, пока журналист выполнит распоряжение, и забрав у него пластиковый пакет, который он хотел выбросить в окно, кибер продолжила:

– Всё это будешь записывать на дискофон, который лежит у нас на заднем сиденье.

Перегнувшись через спинку, Фертран достал портативный репортёрский дискофон. Повертев его в руках, положил на колени.

– А как со съёмками? Съёмки будут?

– Репортаж будешь вести из турболёта, – пропустив его вопрос, продолжала Жозефина. – Всё время будь на том месте, где тебе укажут. Ни шагу в сторону. Это опасно.

– О! А если мне будет не видно? – запальчиво воскликнул Фертран.

– Если ты сделаешь хоть шаг в сторону, тут же сделаешься помехой для других и тебя устроят, – терпеливо, как глупому ученику, объяснила Жозефина.

– Ну и порядочки у вас, – покрутил головой журналист.

– По окончании операции, по специальной команде, ты пересядешь в электромобиль.

– На ходу?

– На ходу!

– Просто боевик какой-то. А если я не смогу на ходу? Я ведь не каскадёр.

– Сможешь. Там всё рассчитано. Только выполнить команду нужно чётко и быстро. Если ты где-нибудь не уложишься, то станешь помехой и тебя устроят.

– Ты меня пугаешь. Я кажется, откажусь!

– Ты уже не можешь отказаться.

– Почему?

– Потому, что станешь помехой.

Фертран взглянул на Жозефину, пытаясь понять, шутит она или нет. Но та смотрела прямо перед собой на дорогу, и лицо её ничего не выражало.

«Чёртова железяка! – мысленно выругался журналист. – Всё время сбиваюсь на то, что она человек. Ей убить, всё равно что...» – он задумался, подбирая слова пообиднее, но в голову, как назло, ничего не шло.

– Подъезжаем, – спокойно сказала Жозефина.

Фертран огляделся кругом. Местность всё так же была холмиста, но теперь по сторонам стоял ещё и лес. Сколько же они проехали? Наверное, не меньше ста километров. И всё время на восток. Хотя они и отворачивали в разные стороны, объезжая холмы и луга, всё же основное направление было на восток. Интересно, что за всё это время, Фертран не мог вспомнить ни одного встречного автомобиля.

Электромобиль свернул с накатанной дороги на просе-

ку. В кустах журналист мельком увидел несколько человек с автоматами. Минут через десять они въехали на большую странно освещённую поляну. Фертран не сразу сообразил, что это из-за натянутой над ней маскировочной сетки. В центре поляны стоял большой грузовой турболёт, выкрашенный в зелёный маскировочный цвет.

«Что же, кроме овец, можно воровать в такой глуши?» – скептически подумал Фертран.

Жозефина подвела электромобиль к самому турболёту и, осмотрев журналиста, коротко сказала:

– Иди!

Фертран накинул ремешок дискофона на плечо и вышел из машины.

– Пресса, – шутливо сказал он стоявшему в дверях турболёта мужчине в синем хорошо подогнанном рабочем комбинезоне.

Хмуро осмотрев журналиста взглядом, мужчина отодвинулся и пропустил его в салон.

– Вот ваше место, – указал он на одно из кресел в хвосте.

Усаживаясь, Фертран окинул взглядом внутренность турболёта. Кроме нескольких кресел в хвосте, одно из которых в первом ряду у окна было отведено журналисту, салон был почти пуст. Только кое-где по стенам были укреплены не понятные для Фертрана приборы и агрегаты. Единственную вещь, которую журналист ещё как-то узнавал, была лебёдка, укреплённая посреди салона к потолку.

– Ремешок накиньте на шею, чтобы дискофон случайно не мог выскочить из рук, – сказал, наблюдавший за Фертраном мужчина.

– Не выскочит, – беззаботно ответил журналист, но встретив угрюмый взгляд говорившего, поспешил выполнить распоряжение. Убедившись, что всё в порядке, мужчина вновь отошёл к двери.

Фертран выглянул в окно. Электромобиля с Жозефиной уже не было. Окинув скучающим взглядом поляну, он, по тениям, скользнувшим по траве, понял, что маскировочная сетка задвигалась – вздрагивая, она заскользила куда-то назад. В это же время из леса вышли пять человек, в таких же синих, ладно сидевших на них, рабочих комбинезонах.

«Униформа как в хорошем отеле, – невольно подумал Фертран. – Видать дело, действительно, поставлено хорошо».

Пропустив всех в салон и подождав пока все рассядутся в креслах в хвосте, встречающий мужчина закрыл дверь и прошёл в пилотскую кабину.

– Ну, что, ребята, отправляемся? – весело спросил журналист у своих соседей.

В ответ не прозвучало ни слова, только сосед Фертрانا по креслу, гариллоподобный мужчина, окинул его взглядом, как бы прикидывая, с какого удара смог бы вышибить из него дух.

«Ничего! – уязвлённый подобным отношением, подумал

журналист. – Мне запретили двигаться, но не говорить. Начнём репортаж со своих впечатлений!»

Он достал микрофон и укрепил его на лацкане пиджака. Включил дискофон и, слегка откашлявшись, начал:

– Итак, дорогой... – тут он запнулся, вспомнив, что Жозефина запретила ему упоминать имя «крестного отца». Немного подумав, Фертран продолжил бодрым голосом, нарочно отвернувшись к окну. – Итак, я начинаю свой репортаж с борта турболёта, почему-то выкрашенного в защитный цвет. Только что убрана маскировочная сетка, закрывавшая нам небо. Пилоты заняли свои места, а кресла в хвосте, рядом со мной, оккупировали пять человек, с виду очень похожие на профессиональных убийц.

Фертран затылком почувствовал, как все пятеро устались на него сзади.

– И если женщины говорят, что взгляды некоторых мужчин раздевают, – немного повышая голос, продолжил он, – то взгляды этих пятерых, можно смело сказать, убивают.

Журналист выключил дискофон и, придав лицу бесстрастное выражение, медленно повернулся от окна. Все его соседи смотрели в пол, но, по тому как ходили желваки на их скулах, Фертран понял, что достиг цели.

Послышался приглушённый гул от заработавших двигателей. Корпус турболёта слегка задрожал. Постепенно свист, от вращающихся лопастей, перешёл в чуть уловимый звон. Турболёт, совсем немного приподнявшись над верхушками

деревьев, плавно заскользил в прогалинах между сопок.

Минут через пятнадцать этого артистического полёта, практически по вершинам деревьев, из пилотской кабины послышалась команда:

– Подходим! Все по местам!

Трое, из соседей Фертрана, поднялись и встали у неясных пока для журналиста приспособлений по бортам турболёта. Он тоже, на всякий случай, включил дискофон и сказал:

– Подходим. Закончилась эта цирковая болтанка между сопками над самыми вершинами деревьев, где каждую минуту была опасность или зацепится, или врезаться. Все заняли исходные позиции. Только что перелетели какую-то реку, а теперь впереди слева показалось шоссе, – добавил он, опять взглянув в окно. – По нему приближается колонна машин. Похоже на то, что первая машина с эскортом. Да это же электромобиль президента! – удивлённо воскликнул он. – Уж не кортеж ли это с астронавтами?! Они приближаются! – в предчувствии чего-то недоброго с волнением продолжал он. – Боже! Что там? Взрывы?! Ведь там же люди! На шоссе пробка. В неё врезаются ещё несколько машин картежа. Они налезают друг на друга, словно льдины в ледоход, переворачиваются, горят! Но машина президента цела! Она только на мгновение притормозила в растерянности, но сейчас вновь рванула вперёд!

– Огонь! – вдруг донеслась из пилотской кабины отрывистая команда, и из-под днища турболёта, оставляя за собой

ломанный дымный след, вырвалась ракета.

– Ракета ударяет в идущую впереди полицейскую машину! – не заботясь о связности, скорее по инерции, чем помня о своём назначении, прокричал Фертран. – Взрыв! Несколько мотоциклистов эскорта попадают в этот факел. Остальные отворачивают, сталкиваются. И здесь пробка! Машина президента зажата с двух сторон. Она прямо под нами.

– Инфразвук! – опять донёсся из кабины спокойный голос, и, затем, – Огонь!

– Неужели вы уничтожите их?! – со страхом воскликнул журналист, повернувшись к своим соседям. Его никто не удосужил ответом. Снаружи послышался какой-то свист. Фертран вновь бросился к окну.

– Какой-то предмет на тонкой чёрной нити протягивается от нас к машине. Он разбивается о её крышу, и она тут же заливается чем-то блестящим. Смотрите, они поднимается! Да, да, машина приближается к нам, словно шарик на резинке. Боже, падает! От удара несколько раз переворачивается в воздухе. Снова падает. Они погибли! Вы убийцы! Убийцы! Убийцы! – в беспомощной ярости трижды воскликнул Фертран, каждый раз тыча указательным пальцем в дискофон, словно обвиняя его в этом.

– Под нами снова лес, – устало проговорил он, взглянув в окно. – Зачем вы это сделали?

Словно в ответ на его вопрос, днище турболёта вздрогнуло от глухого удара. В ту же секунду пол распахнулся на

две половинки, и в образовавшемся люке, показалась белая матовая поверхность – крыша президентского электромобиля. Один из соседей Фертрана быстро отстегнул от стены какое-то устройство. По резанувшему уши свисту, журналист понял, что это ультразвуковые ножницы по раскрою металла. При помощи ещё одного мужчины, они быстро вырезали в крыше электромобиля большое прямоугольное отверстие и, зацепив лебёдкой, вырезанный кусок убрали в сторону.

– Может быть там есть живые? – с надежной проговорил Фертран, вытягивая шею.

В люке было темно. Сосед Фертрана по креслу зажёл фонарик и, взяв конец троса лебёдки, быстро спустился внутрь электромобиля. Через несколько секунд он показался вновь и знаком показал, что можно тянуть. Тихо зажужжала, прикреплённая к потолку лебёдка. Трос натянулся и из отверстия выплыл и закачался, соединённый с тросом присоской, прозрачный прямоугольный предмет с матовым бруском посередине.

– «Письмо»! – невольно вскрикнул журналист.

Тут из электромобиля послышался стон.

– Там кто-то живой! – в волнении вскочил на ноги Фертран.

– Обрезай, – донеслась из пилотской кабины очередная команда.

В ту же секунду, ещё не осознавая, что делает, журналист резким движением сорвал с головы дискофон и, быстро на-

гнувшись, с силой кинул его в зияющее квадратное отверстие.

– Мафия и ВТК! – отрывисто крикнул он в микрофон, который тут же, мелькнув змейкой, исчез в люке вслед за дискофоном.

Не успел Фертран разогнуться. Как сильный удар в челюсть отбросил его далеко назад. Боли, от удара головой о переборку турболёта, он уже не почувствовал, потому что ещё раньше потерял сознание.

Через открытые створки пола было видно, как электромобиль президента, упав на склон сопки, подпрыгнул и, подмявая под себя кусты и небольшие деревца, покатился вниз.

Из кабины турболёта показался мужчина, отдававший распоряжения.

– Уничтожим вместе с турболётом на побережье, – коротко бросил он, взглянув на неподвижно лежащее тело журналиста. – Приготовиться к десанту!

Турболёт резко накренился, разворачиваясь. Теперь он летел вдоль дороги, нагоняя быстро идущий в том же направлении открытый спортивный электромобиль. Догнав машину, турболёт спустился ещё ниже так, что чуть не сел на неё, точно курица на яйца. Видимо, пилот был очень высокого класса. Любая малейшая неточность с его стороны тут же привела бы к аварии. Как только электромобиль оказался под открытыми сворками пола, тут же затрещала лебёдка, и письмо плавно опустилось в машину.

– Всё! Пассажира не будет! – крикнул, нагнувшись пилот, и турболёт, резко набрав высоту, отвернул в сторону от дороги.

Створки люка закрылись, и пилот вернулся в кабину. Остальные вновь расселись на свои места. Сосед Фертрана по креслу нагнулся над неподвижным журналистом и немного приподнял ему веки. Видимо, удовлетворившись увиденным, он выпрямился и с безучастным лицом отвернулся к окну.

Турболёт опять летел между сопками. С обеих сторон, подчас угрожающе близко, стремительно проносились то пологие склоны, поросшие лесом и кустарником, то обрывистые каменистые выступы. Прошло не менее получаса болтанки, в течение которых турболёт резко наклонялся то вправо, то влево, прокладывая себе путь между сопками.

Вдруг, один из пяти человек, сидевших в хвосте, вскочил, но схватившись за горло, тут же рухнул обратно в кресло. С остальными творилось то же самое – все они хрипели, держась за горло, в перекошенных от страха лицами. Через минуту всё было кончено. Приняв неестественные позы, в креслах сидели пять трупов.

На шум открылась пилотская кабина, и в дверях показался мужчина, отдававший распоряжения. На его лице появилось удивление. Он повернулся в кабину, видимо, собираясь что-то сказать, но, тут турболёт резко вильнул, так что мужчина, потеряв равновесие упал на колени. Подняться он уже

не смог, схватившись обеими руками за горло и уткнувшись в пол. Из-за его спины, из пилотской кабины, тоже донёлся знакомый хрип.

Турболёт в последний раз вильнул и, с треском подминая растущие на склоне деревья, врезался в сопку. На несколько минут установилась относительная тишина. Только от продолжавших работать двигателей, корпус турболёта слегка подрагивал.

Возможно от этого удара, Фертран пришёл в себя. Голова гудела так, что первые мгновения он никак не мог сообразить, где находится. Через открывшийся при падении люк, в салон заглядывали кусты и обломанные ветви деревьев. Освободившись, от лежащей сверху ноги одного из своих пятерых соседей, журналист приподнялся и огляделся вокруг. Прямо над ним покачивался трос с присоской. «Письма» не было.

«Братская могила», – оглядывая валявшиеся вокруг трупы, машинально, точно давая заголовок для статьи, подумал Фертран.

Поискав глазами «письмо», он вдруг подумал, что оно могло выпасть из турболёта при падении через открытый люк. Раздвинув кусты, журналист спрыгнул на землю и тут скорее почувствовал, чем понял, что поиски бесполезны. При такой тщательно спланированной операции, случайной аварии быть не могло. Да и удар был не сильный. Высокие де-

ревья, росшие вокруг, смягчили падение. От такого не могли погибнуть сразу все люди внутри. Турболёт лежал примерно на середине склона пологой сопки, почти совершенно целый, не считая разбитых стёкол и сломанных лопастей винтов.

«Значит, они передали куда-то «письмо» пока я был без сознания, – размышлял журналист, забираясь на вершину сопки, чтобы оглядеться. – Скорее всего это было сделано на ходу и, возможно, в ту же машину, в которую должен был пересесть и я».

Раздавшееся сзади негромкое потрескивание, заставило его обернуться. Из разбитых окон турболёта вырывались языки пламени. Дыма не было видно, хотя огонь охватил уже почти весь фюзеляж. Фертран вытер выступивший на лбу холодный пот. Почувствовав что-то неладное, он взглянул на руки и тут только вспомнил про перчатки, которые ему дала Жозефина. Сняв их и машинально засунув в карман, Фертран постоял, глядя на быстро исчезающие в огне останки турболёта. Достаточно ему было полежать там ещё несколько минут и с ним тоже всё было бы кончено.

Треск огня, при полной тишине вокруг, выглядел довольно зловеще. Подумав, что пожар может перекинуться на деревья и вновь стать для него опасным, Фертран развернулся и, слегка морщась от несильной, но не отпускающей тупой боли в голове, ускорил шаг к вершине.

Сверху взору журналиста предстала довольно однообраз-

ная картина – со всех сторон, на сколько позволяла разглядеть высота его холма, поднимались точно такие же пологие холмы, метами вздымавшиеся до высоты небольших гор.

Вдруг справа, в разрезе двух сопок, что-то блеснуло. Но, сколько Фертран затем на всматривался, больше там ничего не происходило. Так как идти было абсолютно всё равно в какую сторону, он решил пойти в этом направлении, хотя не был даже уверен, что этот блеск не показался ему из-за головной боли. Ещё раз оглянувшись на догорающий турболёт, огонь с которого, к счастью, не распространился дальше, журналист стал спускаться вниз по противоположной стороне холма.

Внизу, по ложбине, протекал ручей. Став на колени, Фертран с удовольствием напился и сполоснул лицо в прохладной воде. Не найдя в карманах платок, он намочил перчатки и приложил их к затылку. Боль немного утихла.

Вначале, журналист хотел идти вдоль ручья, но здесь росла высокая трава и продираться сквозь неё было очень трудно. Кое-как перебравшись через ручей по поваленному дереву, Фертран поднялся на противоположный склон невысокого холма. По другую сторону, в низине, оказалось небольшое озеро. Дальний от него берег озера был пологий с вытоптанной растительностью. Видимо, сюда часто пригоняли на водопой скот. Обрадовавшись близости людей и возможной встречи с ними, Фертран быстро спустился вниз и направился в обход озера.

Не пройдя и половины пути, он замер прислушиваясь. С берега, отгороженного от него высоким кустарником, донёлся женский смех. Журналист направился было на звук, но, тут же остановился в нерешительности. Под деревом он увидел роскошный спортивный электромобиль. Передняя дверца была приоткрыта. Противоугонный ключ торчал в приборной доске. Из-за кустов опять донёлся смех.

«Ещё не известно, чем они меня встретят!» – подумал журналист и, сев в машину, повернул противоугонный ключ. Машина злобно зарычала, как старый добрый бензиновый болид. Поняв, что отступать некуда, Фертран резко вдавил акселератор. Разбрасывая в стороны песок и траву, электромобиль послушно рванул вперёд.

Он отъехал не менее ста метров, когда из-за кустов крича и размахивая руками выскочил совершенно голый парень. Вслед за ним показалась его подруга, завёрнутая в одеяло. Она что-то крикнула, и парень, ещё сильнее замахав руками, побежал вслед за машиной.

Электромобиль легко преодолел подъём, оставив далеко позади себя, остановившегося в растерянности парня. В зеркале заднего обзора было хорошо видно, как он стоял посреди дороги, беспомощно опустив руки. В этом же зеркале Фертран случайно увидел часть заднего сиденья и, невольно притормозив, обернулся. Теперь понятно почему эта парочка пришла в такое волнение. По всему заднему сиденью были разбросаны не только вещи, но и бельё влюблённых.

Выехав на вершину холма, Фертран остановил машину и, открыв заднюю дверь, аккуратно собрал и сложил на траве одежду. На глаза попала женская сумочка. Журналист открыл её. Там лежали какие-то бумаги и деньги. Взяв немного денег, Фертран бросил сумочку на кучу одежды и огляделся вокруг.

С места, где он стоял, тянулась вниз протоптанная скотом дорога. В разрезе двух соседних сопок, хорошо виднелся кусок скоростной монорельсовой дороги. Видимо, мелькнувший по нему поезд и увидел он тогда с вершины первой сопки.

Сзади опять послышался крик. Увидев, что машина остановилась, вверх по склону опять бежал парень.

– Оставляю у станции! – крикнул ему Фертран.

Услышав крик, парень остановился, прислушиваясь. Журналист похлопал по крыше электромобиля, затем, сложив руки рупором, вновь крикнул:

– Оставляю у станции!

Не обращая внимания на крики вновь побежавшего парня, Фертран сел в машину и набрал скорость.

Станция оказалась не так далеко. Оставив электромобиль у дороги в кустах, чтобы его не было видно со станции, журналист остаток пути проделал пешком.

До отхода очередного поезда на Париж оставалось всего несколько минут. Фертран взял билет в вагон второго класса. Послышался предостерегающий гудок – приближался поезд.

Устроившись в полупустом вагоне у окна, журналист почувствовал, что сильно устал. Вначале он собирался в те полчаса, что поезд шёл до Парижа, проанализировать события, свидетелем и участником, которых ему пришлось стать. Но усталость, навалившаяся на него, не давала сосредоточиться. Глаза закрывались сами собой.

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо.

– Париж, мсье, приехали, – сказал кто-то из пассажиров, проходивший на выход и увидевший, что он спит.

Нестерпимо болела голова. Веки сильно разбухли и не хотели открываться. С трудом, покачиваясь словно пьяный, Фертран вышел на перрон. Вокруг ходили, суетились, шумели люди. Но он никак не мог, как ни старался, сосредоточиться на ком-то конкретно. Все они были для него какой-то сплошной безликой массой. От нестерпимой боли в голове Фертран, видимо, временами даже терял сознание. По крайней мере, своё продвижение по вокзалу журналист ощущал как-то обрывочно. Он вдруг увидел, что стоит недалеко от стоянки такси, но как ему удалось сюда дойти Фертран никак не мог вспомнить.

Сев в такси, журналист решил, что первым делом отправится в редакцию, но тут, к своему ужасу, почувствовал, что вместе с уходящей болью в его голове стал нарастать знакомый звон. Быстро назвав домашний адрес, Фертран сжал раздувающуюся голову руками и вскоре почувствовал, как, покачиваясь, стал подниматься над сиденьем.

Глава 4. Тупик.

Президент Франции переживал, наверное, самые неприятные минуты в своей жизни. Поминутно вытирая лоб платком, он ждал министра внутренних дел с подробным докладом о случившемся. Вошёл секретарь и доложил, что господин Крафтмахер, президент КИК ЕЭС, срочно просит связи.

– Подключите.

– Господин президент, – возбуждённо закричал Крафтмахер, появляясь на экране и не только не здороваясь, но даже не осознавая, что кричит. – Я обязан внести ясность! Похищено послание другой цивилизации, несомненно более развитой, чем наша. Тот, кто владеет этим посланием – владеет всем миром. Я не представляю, что будет, если послание попадёт не к нам.

Президент сделал жест секретарю. Изображение растворилось. Стремительно вошёл премьер-министр. Поздоровавшись с президентом и секретарём, плюхнулся в кресло.

– Катастрофа! – сокрушительно воскликнул он, нервно барабаня пальцами по папке с бумагами, лежащей на коленях.

– Какая катастрофа?! – досадливо поморщился президент. – Это заранее хорошо спланированная акция.

– Да, нет! Я понимаю. – вздохнул премьер-министр. – Для меня катастрофа. Чует моё сердце придётся уйти в отставку.

– А что вы хотите?! – вспылил президент. – Кто же захочет иметь у себя правительство, у которого под носом творятся такие дела?

– Может сейчас и объявить об отставке? – обиженно поджал губы глава правительства.

– Нет уж, подождите! Вначале ответьте за всё, что произошло, а потом ясно будет, что делать!

Оба замолчали, глядя в разные стороны. Наконец вошёл министр внутренних дел.

– Ну-с, мы вас слушаем, – кивнув на приветствие, сказал президент.

– Происшествие случилось..., – начал, откашлявшись, министр.

При слове «происшествие» президент саркастически усмехнулся.

– ... неподалёку от города Аджантан. Эти места относительно безлюдны. Холмистая местность, лесные массивы и пастбищные луга. Словом, место очень выгодное для неожиданного нападения и быстрого незаметного отхода. Происшествие случилось в десять часов сорок пять минут. С боковой просёлочной дороги, примыкающей к шоссе, навстречу колонне выскочили три электромобиля начинённые взрывчаткой и, как выяснилось, управляемые дистанционно. На полной скорости, раскрывшись веером, они врезались в первые три машины, следовавшие за электромобилем с астронавтами. В образовавшуюся от этого пробку, врезалось ещё

около десятка машин картежа. Большинство пассажиров погибли.

– Но, ведь, моя машина цела?! И она бронирована. С ней ничего не могло случиться! – нетерпеливо воскликнул президент.

– Так точно, – по-военному ответил министр. – Те, кто остался в живых, видели, как электромобиль с астронавтами и почётным эскортом скрылись за поворотом дороги.

Министр судорожно сглотнул и вытер лоб платком.

– Ну?! – опять нетерпеливо сказал президент.

– Метрах в ста за поворотом обнаружена сгоревшая головная полицейская машина сопровождения и почётный эскорт. Выживших нет.

– А моя машина?

– Её нигде нет.

– Что ж её угнали? – недоверчиво спросил премьер-министр, после небольшой паузы, вызванной всеобщим недоумением.

– Нет, – неуверенно ответил министр. – Эксперты с места аварии утверждают, что угнана она быть не могла. С обеих сторон ей преграждали путь завалы на дороге.

– Может полицейская машина сопровождения была взорвана уже после того, как проехал электромобиль с астронавтами?

– Мало вероятно, – пожимая плечами, ответил министр. Но, тут он вдруг подумал, что слишком много высказывает

неуверенности и что это может создать неблагоприятное для него впечатление, прибавил твёрдости в голосе и сказал:

– Даже точно не так! В горящую полицейскую машину врезалось несколько мотоциклистов сопровождения. По-видимому, всё произошло настолько быстро, что полиция, выйдя в эфир, даже не успела ничего передать. Будь они свидетелями угона машины, об этом было бы сообщение.

– В том случае, если они не сообщники, – буркнул премьер-министр.

– Вы зря, мсье, оскорбляете честь погибших при исполнении своего долга, – резко, будто оскорбили его самого, повернулся к нему министр внутренних дел. – Все пять полицейских, вернее их трупы, обнаружены в сгоревшей машине.

– Хорошо. Хорошо, – примирительно сказал глава правительства. Ему и самому стало неловко от своих слов. – Неужели все мотоциклисты врезались в полицейский электромобиль, и никто не увернулся? Ведь их там больше десятка.

Почётный эскорт бензиновых мотоциклов был данью традиции, доставшейся от прошлых времён. Пользовались им очень редко, только в самых торжественных случаях, из-за вонючей, которая распространялась вокруг. В то же время, как это не парадоксально, но в жизни этот обычай держался из-за другого недостатка присущего этим представителям бензинового века – большого шума. Считалось, что громких треск, издаваемый этими мотоциклами, служит увеличению

торжественности происходящего.

– В горящую машину врезалось всего около пяти членов эскорта, многие погибли, пытаясь отвернуть. Нашли двух абсолютно целых, и в этом есть какая-то странность. Хотя мотоциклы их не повреждены, видимо, они успели остановиться, но, сами водители лежат рядом без признаков жизни. После реанимации одному из них удалось восстановить дыхание и работу сердца.

– С этого и нужно было начинать! – нетерпеливо воскликнул премьер-министр. – Он что-нибудь сказал?

– Ничего! В сознание он не приходил. И надежды на то, что мозг восстановит свои функции, нет никакой – слишком поздно прибыла помощь. Если он и останется жить, то полным идиотом. Но врачи считают, что скорее всего он погибнет от разложения мозга.

– Так что же стало с астронавтами и «находкой»? – раздражённо напомнил президент.

– Вероятнее всего, что они, вместе с машиной, похищены по воздуху. Об этом говорят несколько свежих выбоин и вмятин на шоссе. У экспертов сложилось такое впечатление, что машину бросали, или может быть роняли, несколько раз на землю, прежде чем увезти в неизвестном пока направлении.

– Как вы думаете, – спросил премьер-министр, могли они за этот час с небольшим, что прошёл после нападения, успеть пересечь границу?

– Я приказал привести в повышенную боевую готовность все полицейские подразделения прибрежной зоны ещё полчаса назад, – ответил министр внутренних дел.

– Хорошо! – президент и глава правительства переглянулись, видимо, они пришли к одной и той же мысли, потому, что президент повернулся к министру внутренних дел и сказал:

– Объявите в стране о введении с этого часа чрезвычайного положения с закрытием сроком на три дня всех границ. – Затем он повернулся к главе правительства, – Что вы намерены предпринять?

– Через час назначено срочное заседание кабинета. Думаю, оцепить весь район войсками и полицией и начать прочёсывание, а, так же, усилить охрану границ, особенно воздушных.

– Начинайте заседание без меня, – сказал президент, вставая.

Когда все выходили, он попросил секретаря остаться.

– Сколько времени нужно, чтобы собрать в видео зале всех глав государств стран ЕЭС?

– По спец коду самое большое полчаса.

– Объявите им всем, что через сорок минут, я сделаю перед ними экстренное сообщение. И вот ещё что. Удалите из зоны катастрофы, в плоть до ареста, всех корреспондентов и строго ограничьте утечку информации. Совсем не обязательно посвящать организаторов нападения в ход следствия.

– Такое распоряжение уже отдано главным прокурором республики, почти сразу после нападения.

– Хорошо, – кивнул президент и, опустившись в кресло, прикрыл глаза рукой.

Вскоре пришло сообщение, что найден электромобиль президента. Полицейский электролёт, облетая прилежащие к месту катастрофы районы, нашёл его в прогалине между двумя сопками. Полностью подтвердилось предположение, что он был похищен по воздуху.

Сидя в кабинете видео заседаний, президент, в ожидании связи, перебирал фотоснимки места происшествия и найденного электромобиля. Такие кабинеты с круглым кольцеобразным столом, на котором размещались мониторы, и одним или несколькими креслами, были оборудованы у всех глав государств и правительств стран членов ЕЭС. И, хотя, для решения особо важных межгосударственных дел, заправили власти всё же предпочитали встречаться лично, возможность, провести двух или много сторонние встречи для обсуждения экстренных задач, была очень важна и удобна.

– В чём это он? – поинтересовался президент, разглядывая снимки электромобиля.

– Быстро твердеющий компаунд американского производства, – отозвался, стоящий у него за спиной, секретарь. Он уже успел просмотреть приложенную к снимкам пояснительную записку. – Применяется в космической технике, а также

в военном деле. Совсем недавнее изобретение. По-видимому, когда электромобиль свернул за поворот, они взорвали полицейскую машину и этим преградили астронавтам дорогу. Затем, на тропе, вот здесь виден его обрывок, спустили на крышу машины ёмкость с этим веществом. Ударившись об электромобиль, ёмкость разбилась и жидкость, заливая машину, тут же затвердела. Здесь хорошо видны следы потёков на боках и капоте. Таким образом электромобиль оказался подвешенным к чему-то наверху.

– К чему?

– Наверняка пока неизвестно. Предполагают, что это мог быть какой-нибудь крупный турболёт или что-нибудь в этом роде. Они подняли машину в воздух, перенесли на другое место и скрыли. Забрав «находку», вновь поднялись в воздух и сбросили машину вниз.

– Но в ней же были люди?

– Астронавты, два представителя КИК и водитель. Они так и остались в машине. Тела изуродованы. Видимо, чтобы избавиться от живых, электромобиль ещё там на шоссе, несколько раз бросали на землю. От этого и следы выбоин на дороге. Экспертная группа склоняется к тому, что это было сделано, чтобы воспрепятствовать возможности связаться из машины, пока её перевозили до места скрытия.

– Почему же похитители не бросили её там, где вскрыли?

– Возможно, чтобы запутать следы, чтобы труднее было проследить путь, по которому они увезли или спрятали «на-

ходку».

– Неужели никто не видел, как это происходило? Это же не убийство ночью в подворотне. Это день. К тому же взрывы и тому подобный шум.

– Поиски свидетелей ведутся, но, эти края малолюдны. И потом, на всех дорогах, ведущих к месту происшествия, обнаружены плакаты с надписью: «Стой! Военные учения. Опасно для жизни!»

– Всё? – президент устало откинулся на спинку кресла.

– Нет. Во всём этом есть очень странный факт. В автомобиле найден портативный дискофон.

– Что за дискофон?

– Самый обыкновенный портативный журналистский дискофон западногерманского производства. Интересно то, что никому из находившихся в электромобиле он принадлежать не мог. Это установлено абсолютно точно. Он попал туда после вскрытия.

– На нём что-нибудь записано? – вновь оживился президент, поворачивая к секретарю голову. – Может кто-то решил взять на себя ответственность за эту акцию? Да выйдите вы из-за спины, – раздражённо добавил он, – что я всё время, как гусак, верчу к вам голову! Так что ж там, что-нибудь записано?

– Дискофон сильно изуродован, – немного обиженным тоном ответил секретарь. – Скорее всего во время падения вместе с электромобилем. Диск пришёл почти в полную

негодность. Его отправили в институт криминалистики. Сообщений оттуда ещё не поступало.

– Здесь что-то не то, – задумчиво сказал президент, вновь откидываясь в кресле. – Если бы они хотели оставить свою визитную карточку, то позаботились бы о её сохранности. Передайте, пожалуйста, в институт, где находится дискофон, что я лично заинтересован в скорейшем восстановлении записи. Если таковая там, конечно, существует, – подумав, добавил он. – И пусть держат этот факт в строжайшем секрете!

До начала видео заседания оставалось несколько минут, и президент попробовал сосредоточиться.

«Начинается самое неприятное, – с досадой подумал он. – Сейчас попробуй докажи им, что ты не верблюд!»

Когда экраны видеофонов засветились, он уже профессиональным усилием воли справился со своими нервами. На своих экранах главы государств увидели спокойного, уверенного в себе президента Франции.

– Здравствуйте, господа! – чуть запнувшись, сказал он, оглядывая полукруг экранов.

Вначале президент хотел сказать «добрый день», но в последнюю минуту подумал, что он не такой уж и добрый, и сменил слова приветствия.

– Вы, видимо, уже получили первые сообщения о случившемся? – слегка усмехнулся он. – Я должен подтвердить. Да, действительно, произошло нападение на колонну машин, сопровождавших астронавтов и «находку» в Париж. Погибло

около сорока человек, видные учёные наших с вами стран, ответственные лица, имена этих людей сейчас уточняются. Погибли также все астронавты. «Находка» похищена.

– Бог дал, бог взял, – уныло пошутил кто-то.

– Перед началом нашего заседания, – продолжил президент Франции, – я предлагаю почтить память погибших пятнадцатисекундным молчанием.

Все скорбно потупились.

– Мною введено в стране чрезвычайное положение, – после перерыва на траур, сказал глава французского государства. – Закрыты все границы. Армия и полиция ведут усиленные поиски.

– Может послать вам в помощь своих людей? – спросил премьер Англии.

– Нет, это излишне, – негромко, но твёрдо ответил президент. – Я прошу правительства стран, граничащих с Францией, немедленно перекрыть общие с нами границы. Такую же просьбу я уже направил канцлеру Австрии.

– Ну что же, меры приняты, будем ждать результатов, – вздохнул канцлер ФРГ. – Расскажите подробнее, как это произошло.

Когда президент Франции пересказал всё, что ему сообщили, правда, умолчав пока о дискофоне, премьер-министр Дании задумчиво сказал:

– Пожалуй, выгоднее всего это русским.

– Совсем не обязательно, – возразил президент Португа-

лии, – похитить «письмо» в равной степени выгодно и американцам, и японцам.

– Выгодно всем, кроме нас, – мрачно подытожил канцлер ФРГ.

– И всё же, извините, если вам это будет неприятно услышать, – разгорячился премьер-министр Англии, – но я должен сказать, что всё это следствие халатного отношения. Везти такую ценную вещь какими-то безлюдными дорогами, без должной охраны! Как же можно было этим не воспользоваться?! Например, в Соединённых Штатах, я уверен, такого произойти бы не могло!

– Конечно! – не остался в долгу президент Франции. – Когда у нас что-то происходит, это халатность. А когда у вас какие-то бандиты угоняют атомную подводную лодку и весь мир пять дней дрожит от страха – это непредвиденные обстоятельства. И, если уж вам так по душе Соединённые Штаты, то почему вы в Общем Рынке, а не где-нибудь в Организации Американских Государств?

– Оставьте, господа, – примирительно сказал премьер-министр Италии. – Лучше подумаем, что ещё мы ещё можем предпринять.

– Прежде я хотел бы уточнить ещё одно обстоятельство, – президент Франции оглядел хмурые лица, глядевшие на него с экранов. – Как вы считаете лучше устроить погребение погибших? Всех вместе во Франции или в каждой стране в отдельности?

После недолгого совещания решили похоронить погибших каждого на своей родине, но в одно и то же время – через пять дней.

Когда экраны погасли, вошёл секретарь.

Связи с вами, в любое удобное для вас время просят Генеральный Секретарь ООН и президент США.

«Вот уж кто действительно рад нашему горю, так это хозяин Белого Дома», – раздражённо подумал президент.

– Чуть позже, – ответил он. – Что ещё?

– В институте криминалистики удалось восстановить запись, сделанную на дискофоне.

– Это хорошо, – искренне обрадовался президент. – Её уже переслали? Включите.

– Вот это последнее, что он сказал? – быстро повернулся глава государства к секретарю, когда запись кончилась.

– Мафия и ещё что-то.

– Ну, а что? Что что-то? – нетерпеливо воскликнул президент.

Секретарь смущённо пожал плечами.

– Можно попытаться уточнить в самом институте, – неуверенно предложил он.

– Соедините.

– Директор института Криминалистики и Судебной Медицины, доктор Потье, господин президент, – явно волнуясь, представился с экрана человек.

– Здравствуйте, мсье Потье. Скажите, кто занимался вос-

становлением записи на дискофоне?

– Я сам, господин президент. Когда мне сказали, что вы лично интересуетесь, я занялся сам.

– Хорошо. Тогда скажите, что означает последнее слово в записи?

– Его восстановить не удалось.

– Почему? Так сильно испорчен диск?

– Нет, диск здесь вполне нормальный. Так была сделана запись. Мне кажется... , если позволите, господин президент, мне кажется, что там что-то случилось и последние слова были выкрикнуты уже вдали от микрофона.

– Понятно. Ну, что ж спасибо, господин...

– Потье, мсье.

– Господин Потье. Вы прекрасно справились со своей задачей.

Экран погас.

Да, он прав, – задумчиво сказал президент. – Там что-то случилось. Кабинет ещё заседает?

– Да, мсье.

– Все сообщения мне пересылайте туда. Похоже, что я стану последним президентом Франции, который будет иметь дело с мафией.

Ещё через час поступили новые сведения о происшествии. Нашли площадку в лесу, с которой стартовал турболёт. Ничего, за что можно было бы уцепиться, на ней пока

не обнаружено. Почти следом пришло сообщение, что найден и сам турболёт, вернее то, что от него осталось после пожара. Почему случился пожар, и был ли он причиной падения, выяснить пока не удалось. На месте катастрофы обнаружено восемь до основания сгоревших трупов. Пять в хвосте, два в кабине пилотов и один у открытой двери в салон. Здесь же оказался и кусок крыши президентского электромобиля. «Космическая находка» обнаружена не была. На вопрос, могла ли она исчезнуть в результате воздействия огня, представители КИК ничего наверняка ответить не могли. Но, вместе с тем, в этом сообщении был и первый обнадеживающий факт. От турболёта, вернее от его останков, вели следы. Получалось так, что кому-то одному удалось спастись. И хотя «находку» он с собой унести не мог, возьми он с собой такую тяжесть, это сразу бы показали следы, всё же это была первая верная зацепка в расследовании. Следы вывели к небольшому озеру, где неизвестный пересел в электромобиль. Здесь его следы терялись. Но, к счастью, на вершине сопки, через которую к озеру вела дорога, были обнаружены следы остановки и рядом клочок бумаги. Это оказался обрывок кредитной карточки одного из магазинов в Гранвиле, выписанный на имя Луизы Конатъе. Выяснилось, что эта девица семнадцати с половиной лет, является дочерью известного в городе человека, владельца нескольких фабрик, занимающихся изготовлением мелкооптовых партий деталей, для ремонтирующихся в доках Гранвиля судов. При аресте

мадмуазель Конатье долго несла всякую чушь, по возможности стараясь запутать следствие. Затем, наконец, призналась, что была на этом озере с молодым человеком, неким Давидом Шамоном, футболистом местной команды, что и пыталась всячески скрыть из-за боязни осложнений с родителями. После ареста Шамона и сравнения показаний выяснилось, что во время их отдыха, электромобиль был похищен неизвестным мужчиной и оставлен затем у станции монорельсовой скоростной дороги. Версия о том, что эти двое специально дожидались мужчину, чтобы предоставить свой электромобиль, не подтвердилась, даже после специальной обработки задержанных в полиции Парижа. Со времени похищения электромобиля и обнаружения новых данных, в оба направления прошло не менее десяти поездов. Фоторобот неизвестного Конатье и Шамон составить не смогли. Девушка вообще этого мужчину не видела, а парень видел только издали. Отпечатки пальцев, обнаруженные в угнанном электромобиле, так же ни с кем идентифицированы не были. После этого поиски зашли в тупик.

Оставалась, правда, версия с мафией, но она была слишком расплывчата и, как показали первые расследования, не вела в скором времени к раскрытию этого, уже окрещённого журналистами, «преступления всех времён и народов».

Глава 5. Экстренный вариант.

Отправляясь на аудиенцию к президенту Франции, посол Советского Союза Аборнев справедливо рассчитывал, что его визит останется почти никем не замеченный. В последнее время, в связи с объявлением национального траура, подобного рода встречи на всех уровнях следовали одна за другой. Все они, так или иначе, сводились к одному – выражению соболезнования. Всё же, желая обезопасить себя на случай присутствия при разговоре нежелательных свидетелей, когда нельзя будет непосредственно изложить суть дела, Аборнев решил запастись личным посланием президенту от руководства Советского государства.

Глава Французской Республики так же не ожидал ничего иного от этого разговора. Он принял посла в малом зале для переговоров в присутствии только своего личного секретаря. Президент был в плохом настроении. Сегодня истекал срок введённого им в стране чрезвычайного положения, а поиски «письма» не продвинулись существенно ни на шаг. Созданная правительством экспертная комиссия, с привлечением лучших сил Интерпола, топталась на месте. Не было даже полной уверенности, что объект поисков вообще ещё существует, а не сгорел вместе с турболётом. Загадочный субъект, чьи следы вели от останков турболёта к станции монорельса, хотя и был возможным ключом ко всей этой истории,

но настораживало, что «письма» он с собой не унёс. К тому же вторично напасть на его след пока не удалось. Не менее загадочен был и дискофон, найденный в машине президента. Всё большее число членов экспертной комиссии склонялось к тому, что он был ловко устроенной западнёй, для заманивания следствия на заведомо ложный путь расследования. Были арестованы и допрошены сотни людей по малейшему подозрению в связях с мафией. При этом вскрылись такие крупные авантюры и махинации заправил преступного мира, что было по меньшей мере непонятно, как это боссы мафии, отважившись на такую чудовищную по жестокости и наглости акцию, не позаботились о своих тылах. Если же это было делом рук одного какого-нибудь клана, то можно было не сомневаться, что все остальные непременно выдали бы его, в отместку за собственный разгром. Видимо, кто-то точно рассчитал, что мафия, если её подсунуть, окажется бескрайним болотом, в котором утонет любое следствие.

В этих условиях президенту было от чего выглядеть невежливым. К тому же, оппозиционная пресса в открытую объявила правительство и его самого в неспособности руководить государством.

– Кроме слов соболезнования, – продолжал между тем посл, – я хотел бы сообщить вам ещё кое-что конфиденциальное.

Глава Франции слегка приподнял брови, изображая лёгкое удивление.

– Прошу садиться, – с некоторой запинкой, давая понять, что его время ограничено, сказал президент и указал на софу.

– Наше правительство уполномочило меня предложить вам, – невольно понижая голос, начал Аборнев, – один, на первый взгляд не совсем обычный, способ поиска похищенной «космической находки».

Президент чуть выпятил вперёд нижнюю губу. «Уж не собираются ли они тоже предложить прислать сюда своих людей?» – подумал он, но вслух равнодушно сказал:

– Я вас слушаю.

– Два наших молодых учёных сконструировали довольно миниатюрный и очень чувствительный прибор, реагирующий на гравитационное излучение. Для его регулировки и усовершенствования они были доставлены на околоземную орбиту, в район, где притяжение масс Земли и Луны взаимно компенсируется.

По лицу президента, Аборнев понял, что тот с трудом сдерживает нетерпение.

– Я уже дошёл до сути, – успокоил он его. – Однажды мимо них пролетал ваш, я имею в виду стран ЕЭС, космический корабль, как оказалось доставлявший на Землю эту самую «находку». При этом их прибор резко отреагировал. Раньше на такого рода объекты прибор не реагировал, хотя подобные пролёты были многократны. Этому не было объяснения пока не выяснилось, что «находка» необъяснимо тя-

жела. Тогда появилось предположение, что этот неизвестный объект является искусственным источником гравитационного излучения. Мы проконсультировались с нашими ведущими учёными в этой области, и они пришли к заключению, что это вполне вероятно.

Теперь президент слушал без следов нетерпения на лице, но явно не понимая, что из этого следует.

– Таким образом «письмо», – Аборнев невольно произнёс слово «письмо», хотя не хотел этого делать, зная, что официальные ведомства стран ЕЭС старательно избегают этого, – можно как бы запеленговать, как это делают с источником радиоизлучения. Только здесь это будет несколько сложнее. Аппаратура несовершенна, к тому же вблизи поверхности будет большой фон от излучения Земли, от этого детекторы потеряют существенную часть своей чувствительности. Но, если поднести прибор на достаточно близкое расстояние, то он должен зарегистрировать постороннее излучение.

– На какое близкое? – впервые нарушил молчание президент.

– Наши учёные полагают, что, если поместить прибор на электролёт, то на бреющем полёте можно обнаружить место нахождения объекта. Правда, я прошу учесть, – добавил посл, увидев, что собеседник оживился, – что это всё-таки гипотеза, хотя и вполне вероятная.

– Жорж, – повернулся президент к секретарю, – отложите все запланированные встречи на ближайшие два часа. Свя-

житесь с премьер-министром, он сейчас должен быть в своей резиденции в «Матильоне», и сообщите, что я срочно хочу его видеть. Постарайтесь всё сделать так, чтобы это не вызвало любопытства.

– На всякий случай, чтобы не ограничивать ваших возможностей, – сказал Аборнев, когда секретарь вышел, – мы ограничили круг лиц, которым что-либо известно об этом предположении.

– Сколько нужно времени, чтобы доставить прибор сюда?

– Сейчас он находится на орбите, поэтому, два дня.

– Пять дней, – задумчиво сказал президент и, взглянув на посла, пояснил, – Пять дней после похищения. Скажите, а об этом приборе кому-нибудь известно, кроме вас? Я имею в виду ваших учёных.

– Да, о нём было сделано сообщение на одной из международных конференций по этой проблематике.

– А о том, что этот прибор сейчас на орбите?

– Вскользь, при перечислении будущих работ на станции.

– Понятно, – вставая и протягивая послу руку, сказал президент, – От имени Франции, я прошу передать вашему правительству глубокую благодарность за содействие. О нашем решении, в связи с тем, что вы нам сообщили, мы уведомим вас сегодня же.

В тот же вечер радио, телевидение, а также вечерние газеты всего мира на первых полосах и в электронных выпусках, сообщили о новом этапе в поисках «письма». Сообщалось,

что из Советского Союза во Францию доставлен прибор, реагирующий на гравитационное излучение. В свою очередь, выяснилось, что «письмо» является искусственным источником гравитационного излучения и его место расположения будет легко запеленговано.

Тут же началась погоня за видными учёными, которые могли бы прокомментировать это сообщение. Только немногие из них высказались скептически, подавляющее большинство указало на полную возможность такого исхода.

На другой день правительство Франции, в официальном заявлении, объявило о плане поисков. Вся территория страны разбивалась на несколько десятков районов. В каждом из этих районов, а также между ним и соседними районами, на время проведения операции запрещалось всякое передвижение транспорта, за исключением машин, снабжённых специальными пропусками. Если на территории обследованного района, «космическая находка» не будет обнаружена, то оцеплению и обследованию подлежит следующий из обозначенных районов, и так до тех пор, пока не обнаружится пропажа, или не будет обследована вся Франция. Причём, для обеспечения безопасности прибора и контроля за происходящем, в небо одновременно будут подниматься несколько десятков полицейских и военных электролётов, на каком именно будет русский прибор будет строго засекречено. Начало операции назначалось на восемь часов утра следующего дня. Первым районом обследования называлась

зона, включавшая в себя место похищения «письма».

Вечером президента Франции посетил, прибывший на траурные церемонии, госсекретарь США. Он передал личное послание хозяина Белого Дома. В нём предлагалось не пользоваться услугами русских. По мнению президента США, Советский Союз здесь явно вёл двойную игру. Ещё не известно каков будет эффект от их прибора, но в том, что его привезут и будут обслуживать специалисты по-военному и промышленному шпионажу, в этом глава администрации США не сомневался. Взамен, он обещал в самое короткое время изготовить подобный прибор, работа над которым уже заканчивается в лаборатории исследовательского центра Космических Проблем США.

«Можно было и не читать!» – устало подумал президент Франции, отделяясь от прямого ответа общими словами благодарности о проявленном беспокойстве.

Хотя появившийся выход из тупика, в котором оказались поиски «космической находки» улучшил положение и, в какой-то мере, настроение президента Франции, всё же он решил уклониться пока от предложенной ему встречи на высшем уровне глав государств и правительств стран ЕЭС, для решения текущих дел. Мотивировал он это тем, что положение в стране требует от него постоянного неослабевающего контроля за ходом событий. Это, несомненно, было так, но всё же главной причиной, для президента Франции, оттянуть такую встречу, было понимание, что в сложившейся обста-

новке, он будет на положении «бедного родственника». Обвинив его во всех смертных грехах, партнёры по «Общему рынку» потребуют от Франции крупных уступок, против которых, в данной ситуации, ему трудно будет что-либо возразить. Поэтому президент решил дождаться первых результатов от принятых мер, которые не замедлили сказаться. Правда, самым неожиданным для всех образом.

На следующее утро, за час до начала объявленной операции по пеленгации «письма», из оцепленной зоны, вдруг стартовали и с грохотом пронеслись над сопками в сторону Атлантического океана несколько ракет. Это произошло так неожиданно, что никто не смог сообщить в точности сколько же их было. Ясно только, что не одна. Трудность выяснения заключалась в том, что пролетели они все вместе, на очень низкой высоте и со сверхзвуковой скоростью.

Когда президенту сообщили о случившемся, с ним произошёл микроинсульт. Срочно вызванный его личный врач, потребовавший немедленного постельного режима и никаких волнений, был прогнан прочь. Президент решил стоически вынести все превратности судьбы, выпавшие на его долю. Все дальнейшие сообщения и распоряжения он выслушивал и отдавал, лежа на софе у себя в кабинете. Правда, оппозиция утверждала, что это не более чем пропагандистский трюк и что, на самом деле, положение не было таким уж угрожающим, но, несмотря на это и на все неудачи последнего времени, популярность президента резко возросла.

Особенно после слов главы Республики, переданных в новостях последнего часа:

– Пусть я в тяжёлом состоянии, но не уйду с доверенного мне поста, потому что хочу быть со своим народом до конца!

Так или иначе, но сообщения, передаваемые ему, были неутешительны. Многие станции слежения за воздушными сообщениями подтвердили пролёт ракет, но ни одна не смогла в точности зафиксировать, сколько же их было на самом деле.

Вскоре пришло сообщение, что одна из ракет взорвалась в прибрежной зоне острова Бель-Иль, прямо на глазах у сотен отдыхающих и ещё одна, пройдя вдоль побережья на юг, недалеко от острова Нуармутье. Взрывы были не большие, обеспеченные, по-видимому, сравнительно малыми зарядами.

Следы остальных ракет. Если таковые были, пока обнаружены не были. Единственным отрадным обстоятельством, если его можно было так назвать, было то, что «космическое письмо», по-видимому, не сгорело в турболёте. Правда, не было никакой гарантии, что оно не исчезло теперь, вместе со взрывом одной из ракет.

По данным пеленгации и по сведениям очевидцев, ракеты стартовали где-то в районе между городами Фужер и Майен. Оказалось, что там находится крупный полигон Всемирной Технологической Компании. Запрос к представителям ВТК во Франции показал, что это полигон был заброшен ещё со

времён неудачных попыток компании самостоятельно выйти в космос. Долгое время не было возможности никому его сбыть и вот, только десять дней назад, некий господин Миньен предложил за него, точнее, за землю на которой располагался полигон, достойную цену. Сделка была тут же совершена, о чём есть все сведения в налоговом управлении страны. Действительно, на полигоне было пять установок крылатых ракет наземного базирования и одна пусковая установка для ракеты «Першинг – 2» американского производства. Ракеты и установки были в разукомплектованном заброшенном состоянии и, так как не представляли для компании никакой ценности, без особых оговорок, за исключение условия их утилизации, отошли новому владельцу.

Как и следовало ожидать, этот Миньон оказался лицом фиктивным. Осмотр места запуска, так же не дал пока ясного ответа на вопрос, сколько же было стартовавших ракет. Всё, что могло пролить хоть какой-то след, было взорвано и сожжено. Следов людей, проводивших все эти операции, так же обнаружить не удалось. Видимо, все работы, по подготовке старта и минированию объектов, проводились заранее и запуск, а затем и уничтожение следов, проходили уже в автоматическом режиме. Иначе, довольно быстрое оцепление полигона воздушными и наземными силами обеспечения пеленгации похищенной «космической находки», не позволили бы покинуть кому-либо полигон незамеченными.

В кабинет президента стремительно вошёл премьер-ми-

нистр. Справившись о состоянии здоровья, он сел в кресло напротив софы и, сокрушённо хлопнув себя по коленям, воскликнул:

– Опять нас переиграли! Вы знаете, порой мне кажется, что против нас выступает кто-то куда более умный, чем мы полагаем. А вы, месье, оказались правы, предположив, что нам скорее всего достаточно будет воспользоваться психологической стороной русского прибора. Всё же я распорядился, как только этот прибор у нас появится, доставить его вначале в места взрывов ракет.

– Хорошо, медленно ответил президент, массируя себе левую сторону груди. – Если там ничего обнаружить не удастся, опять вернёмся к старому плану поисков. Всё же оцепление с первого района не снимайте. Вполне возможно, что это просто отвлекающий манёвр. Что ещё?

– Сейчас я разговаривал с Генсеком НАТО. Он, знаете ли, чуть не обвинил меня в подобном развитии событий. Сказал, что если бы мы послушались американцев, а не доверились русским, то ничего подобного бы не произошло.

– Лучше бы этот старый маразматик в своё время получше следил за своими ракетами и не допускал их бесконтрольной продажи в частные руки, вместо того чтобы совать нос в чужие дела! – побагровев от гнева, приподнялся на своём ложе президент.

– Успокойтесь ради бога, – испугался премьер-министр, пытаясь уложить больного на место. – Я примерно так ему

и ответил.

– Оставьте меня, – раздражённо отмахнулся от него президент. – Как эти ракеты очутились у нас?

– Когда изобрели ядерные двигатели и уран поднялся в цене, большинство стран Европы решили прислушаться к совету русских и взаимно демонтировать все свои ядерные средства нападения и обороны. Действительно, было довольно глупо ввозить уран с Луны для того, чтобы рассовывать по боеголовкам, вместо использования в деле.

– Послушайте, поморщился президент, – что вы мне читаете курс лекций по истории, как какому-то студенту. Я вас конкретно спрашиваю, знаете ли вы как эти ракеты очутились у нас во Франции?

– Извините, – смутился премьер-министр.

Он действительно довольно долгое время читал курс лекций по истории в Нантере и сейчас поймал себя на том, что расхаживает возле софы больного, как по кафедре, в то время как мысли его заняты совсем другим.

– Извините, – ещё раз повторил он, сосредотачиваясь. – На ввоз этих ракет было дано разрешение Национального Собрания Франции. Вы же знаете, лобби ВТК у нас так сильно, что и сейчас может добиться всего, что пожелает.

Вошёл секретарь.

– Господин президент, связи с вами просит председатель экспертной комиссии.

– Соедините.

– Господин президент, господин премьер-министр, – церемонно отсалютовал головой, появившийся на экране человек. – Нам удалось выяснить, что означает последнее слово, записанное на найденном в вашей машине дискофоне. Тот человек крикнул: мафия и ВТК, то есть Всемирная Технологическая Компания. После последних событий это не вызывает сомнений.

– Не вызывает сомнений так же, что вы «выяснили», – саркастически подчеркнул последнее слово президент, – слишком поздно.

– Ясно так же, – смутившись, продолжал председатель экспертной комиссии, – что дискофон не подделка. Видимо, его хозяин хотел предупредить нас, что мафия, совершая похищение «космической находки», воспользуется полигоном ВТК.

– Мафия, мафия, – раздражённо повторил президент. – Это слишком расплывчатое понятие. Если называть мафией всех, кто берёт взятки или ещё как-то обходит закон, то любая страна Запада, это сплошная мафия. Меня интересует конкретно: кто это сделал, с какой целью и их дальнейшие планы. Что вы можете сказать по этим трём пунктам?

– В любом случае, – сказал председатель экспертной комиссии, – сделали ли мафиозные структуры это по собственной инициативе или по предложению кого-то ещё, всё равно, заключительным этапом этой истории должна стать передача «находки» в руки какой-либо страны или группы стран и

получение за это вознаграждения...

Президент остановил говорившего, удручённо махнув рукой.

– А что произошло сегодня на Марсовом Поле?

– Отношения к «космической находки» это не имеет, – замялся председатель экспертной комиссии, в ожидании, что президент его остановит, – это было не на самом Марсовом Поле... Словом, какой-то сумасшедший обстрелял, идущих на траурный митинг, людей из автомата. Убитых, к счастью нет, – поспешно добавил он, – но есть тяжело раненные. Возникла небольшая паника, которую быстро удалось ликвидировать.

– Ну вот, – сокрушённо вздохнул президент, – это при том, что вся армия и полиция находятся в повышенной боевой готовности.

– Машина, на которой пытался скрыться этот садист, почти сразу была обнаружена и после недолгой погони преступника загнали в тупик. Но, когда ему предложили сдаться, он взорвал себя и электромобиль. Есть, правда, в этом одна странность. Когда машину потушили, то в ней не смогли обнаружить человеческих останков, хотя взрыв был не такой силы, чтобы превратить человека в порошок.

– Одно из двух, – усмехнулся премьер-министр, – либо он вознёсся, либо вы его потеряли по дороге.

– Полицейские утверждают, что висели у него на хвосте всю дорогу и больше, чем на несколько секунд, из виду не

выпускали.

– Не слишком ли много странностей в последнее время? – устало проговорил президент.

– Удалось составить фоторобот преступника, – подождав немного в ожидании распоряжений, продолжил председатель экспертной комиссии. – Он получился очень похожим на одного известного нашего журналиста, некоего Фертрана. Возможно, что это он и был. По крайней мере, последний раз этого журналиста видели в здравом уме и светлой памяти примерно месяц назад. Мы размножили фоторобот преступника и раздали всем полицейским с разрешением, в случае сопротивления, открывать огонь.

– И всё же. Не может ли этот журналист как-то быть связан с похищением «находки»? – задумчиво спросил премьер-министр. – Я вспоминаю, что у него было довольно злые статьи о мафии.

– Трудно сказать, – удивлённо посмотрел на главу правительства председатель экспертной комиссии, видимо не предполагавший такой связи. – Но мы покажем фоторобот по телевидению и напечатаем во всех газетах с просьбой опознать, не видел ли кто его в день нападения на шоссе, где-нибудь в районе происшествия или в монорельсовом поезде. И последнее, – он взглянул на президента. – Наша комиссия пришла к выводу, что нет больше никакой надобности скрывать наличие дискофонной записи. Мы предлагаем также передать её в эфир. В оправдание замалчивания факта о дис-

кофоне, можно сказать, что запись была совершенно испорчена, поэтому ему сразу не придали значения. Я не очень верю, что это что-то даст, но всё же любая возможность помочь поискам должна быть использована.

– Хорошо, – кивнул головой президент. – Действуйте.

Глава 6. Жозефина.

Фертран открыл глаза. На него, улыбаясь, смотрел человек в белом халате и очках.

– Ну, вот нам уже и лучше, – довольным тоном сказал незнакомец, потирая руки.

– Кто вы? – спросил журналист и, не поворачивая головы, одними глазами огляделся вокруг.

По тому, что удалось увидеть, Фертран понял, что находится у себя дома. В этот раз, после «раздувания головы», потери памяти не было. Это немного успокаивало, правда, воспоминания о пережитых опасностях нависали над ним точно кусок чёрной скалы, готовый в любую минуту обрушиться на его голову.

«Значит, таксист довёз меня до дома, и мадам Тибо помогла пройти в квартиру, – удовлетворённо подумал журналист. – Нужно сделать ей какой-нибудь подарок и быть более терпимым к её причудам».

Он хорошо помнил, что прежде чем отключиться в такси, успел назвать свой адрес, хотя, тогда у него и страшно болела голова. Или нет. Головная боль, тогда, как раз стала проходить. Сейчас голова была в порядке. По крайней мере, он не чувствовал, чтобы ему что-то мешало.

– Я врач, – представился между тем незнакомец. – Фамилия моя Дюпон. Мсье Дюпон. Я знакомый вашей консьерж-

ке мадам Тибо. Лежите, лежите, – поспешно остановил он, попытавшегося подняться журналиста.

– Почему?

– У вас было сотрясение мозга, и нам стоило большого труда привести вас в нормальный вид. Было опасение, что ваша психика может совсем не восстановиться.

По тому, как врач, при этих словах, бросил взгляд за его голову, Леже понял, что в комнате есть ещё кто-то.

– Это вы мне помогли? – настороженно спросил он.

– Смею думать, что я, – последовал самодовольный ответ. – И ещё наша очаровательная общая знакомая, – и врач галантно улыбнулся кому-то за головой Фертран. – Как только она узнала о вашем несчастье, то не отходила от вас ни на одну минуту.

«Элен», – тепло подумал журналист и, улыбнувшись, задрал голову кверху.

Прямо в глаза ему спокойно смотрела Жозефина.

Врач ещё что-то говорил, щупал пульс, смотрел белки глаз, но Фертрану казалось, что всё это происходит с кем-то другим, а не с ним. И хотя журналист понимал, что присутствие здесь врача, это гарантия, хоть может и призрачная, его жизни, всё же он с нетерпением ждал его ухода. Фертран даже не попытался ни разу хоть что-то предпринять, понимая, что всё бесполезно. Наконец врач, ещё раз напомнив о строгом постельном режиме и пообещав зайти вечером, вышел.

Некоторое время стояла тишина.

– Ну?! – не выдержав томительной паузы, наконец сказал Фертран.

– Ты нарушил договор, – выходя из-за его спины, откликнулась Жозефина.

– И ты здесь, чтобы меня прикончить?!

– Я это могла сделать и без бесед с тобой. Хотя в этом акте нет никакой необходимости. Ты и так у нас в руках. Без нашего лекарства – ты ничто.

– Разве мне помог не доктор??!

Вопрос прозвучал до унижения откровенно. Фертран готов был отхлестать себя по щекам за то, что смалодушничал.

Жозефина показала ему пустую ампулу-шприц.

– Этой дозы тебе хватит на три часа. Этот болван доктор уже использовал тридцать шесть минут. Три минуты мы выясняем отношения.

– Что вам от меня нужно?

– Ты поставил одного нашего общего знакомого в неловкое положение. Он не дождался обещанного и поэтому решил поговорить с тобой лично.

– Мне не о чем с ним говорить. Пусть с ним прокурор поговорит!

– Ты зря теряешь время. Оно для тебя жизнь.

– Слава богу, своей жизнью я могу распоряжаться, как захочу!

– Своей, да.

– Что ты хочешь этим сказать? – уловив в ответе Жозефи-

ны недоговорённость, насторожился журналист.

Жозефина молча протянула ему снимок. На нём была снята Элен с перепуганным лицом, а рядом двое мужчин в масках, державшие её за руки.

– Она у нас, прокомментировала снимок Жозефина. – Её жизнь в твоих руках, вернее в ногах, – то ли пошутила, то ли поправилась она. – У нас мало времени.

На улице Фертран обратил внимание на траурное убранство домов.

– Сегодня похороны жертв происшествия на шоссе, – ответила на его вопрос кибер.

– Сволочи! – коротко бросил журналист. Перед его глазами опять встала картина нападения на астронавтов.

Жозефина промолчала. Не смотря на довольно раннее утро, вокруг было очень много людей, движение часто прерывалось заторами. Для того, чтобы добраться от бульвара Брюн, где была квартира Фертрана, до моста Мирабо, им понадобилось не менее получаса. Возле Булонского леса движение встало окончательно. Кое-как выбравшись из общего потока машин, Жозефина, сбив ограждения и не обращая внимания на проклятия шарахнувшихся людей, свернула в какой-то переулок. Вначале, Фертран подумал, что они приехали, но, немного поплутав дворами, электромобиль вновь выехал к Сене. Впереди показался, относительно свободный от пешеходов, новый мост Астронавтов, или, как его чаще называли в народе, Лунный мост. Миновав Сену, электромобиль

билль покати́л по широкому бульвару Астронавтов. Эта новая автострада была настолько широка, что на ней хватало места всем, и пешеходам, всё в таком же большом количестве двигавшимся по ней, и автотранспорту. Вскоре должно было показаться здание КИК.

Фертрану невольно вспомнилась его последняя встреча с Элен на конференции. Его идиотское поведение, приведшее к новой ссоре. Он вёл себя как бесчувственный носорог. Нужно было догнать Элен, не отпускать обиженную. Журналист невольно улыбнулся, вспомнив снимок, сделанный в тот день Аленом Франсом. Вспомнил, как Элен возмущалась, что её обобрали, прежде чем пустить в пресс-зал, потому что...

От догадки, которая вдруг пришла ему в голову, Фертрана бросило в пот. Это не было чётко сформулированной мыслью. Но вот таким, не осознанным до конца, догадкам он верил больше всего.

– Это фотомонтаж. Вы мне солгали! – резко сказал он.

– Нет, – спокойно возразила Жозефина, сразу уловив о чём речь. – Это правда.

– Элен добивалась разрешения на посещение Лунного городка. Сейчас она на там.

– Нет, она у нас, – опять возразила Жозефина.

Впереди показалось здание Управление КИК.

– Останови машину вон там. Я проверю. Я спрошу у Стива. Останови тебе говорят! – закричал Фертран, видя, что

Жозефина и не думает подчиняться его требованиям.

– Останови! – снова крикнул он, приоткрывая дверцу так, чтобы, проходившие мимо них люди, проявили любопытство и внимание.

Трюк сработал.

– Кто это, Стив? – спросила кибер, останавливаясь у обочины, как раз напротив здания Управления.

– Он работает здесь, – журналист ткнул пальцем в стекло. – Если Элен на Луне, то он должен знать. Стив помогал её с документами.

– Ты теряешь время, – опять сказала Жозефина, явно недовольная вниманием прохожих, привлечённых выходкой Фертрана. – Элен у нас.

– Я проверю, – упрямо повторил журналист. – Подожди меня здесь.

– Я пойду с тобой, – отстёгивая ремни безопасности, ответила кибер. – И помни, любое лишнее слово, любая глупость с твоей стороны, будет стоить тебе и ей жизни.

«Ключула! – радостно подумал Фертран, выходя из электромобиля. – Боже, помоги моей догадке!»

Стив оказался на месте. Пока всё шло гладко. Журналист попросил охранника срочно вызвать Стива в пресс-зал.

– Это его вотчина. Здесь он не будет считаться ушедшим с работы, и ему не придётся отчитываться, куда он отлучался, – сказал Фертран первое, что пришло на ум.

– А почему бы тебе не поговорить с ним по видеофону? –

остановила его Жозефина.

– Все переговоры служащих записываются на видеоплётку, – соврал журналист, уже понявший, что Жозефина старается избегать излишнего к ним внимания.

Подойдя к двери пресс-зала, Фертран мысленно перекрестился и быстро вошёл, почти впрыгнул, внутрь.

Следовавшая за ним в нескольких шагах кибер, видимо боясь его потерять, так же резко вошла в дверь. Это спасло журналиста.

Едва голова Жозефины поравнялась с дверным проёмом, как она тут же, словно ударившись о невидимую преграду, попыталась отскочить обратно. Но, поспешив в погоне за Фертраном, не смогла удержать равновесие и сделала ещё один шаг.

– Вперёд! – фальцетом, в момент с пересохшим от волнения горлом, крикнул журналист.

– Три шага вперёд! – быстро добавил он, увидев, что кибер замерла на месте, словно в раздумье.

Жозефина повиновалась. Сделав три шага, она повернулась в его сторону, склонив голову набок и заученно улыбаясь.

– Пройди до кафедры и там остановись, – снова приказал Фертран, чувствуя, как его колени вдруг предательски задрожали, и рубашка прилипла к спине.

Справившись с волнением, журналист тоже было отправился к кафедре, но, потом раздумав, остановился на почти-тельном расстоянии от кибера.

– У тебя есть ещё эта дрянь, ну, противоядие, что ты ввела мне дома? – резко спросил он, подозрительно глядя на застывшего кибера.

– Есть.

– Сколько?

– Три ампул-шприца.

– Давай сюда. Что это такое?

– Не знаю, – Жозефина вынула из нагрудного кармана и протянула Фертрану ампулы.

Журналист направился к киберу, но, потом передумав, приказал:

– Положи на стол и отойди на три, нет, на пять шагов в сторону. На сколько хватит этих ампул?

– Каждая на три часа, – выполняя распоряжение ответила кибер.

– А есть что-нибудь такое, чтобы сразу покончить с... – журналист задумался, подбирая слова, – моим состоянием головы, – выговорил он, наконец, для наглядности, покрутив у висков руками.

– Не знаю.

– Куда нужно вводить лекарство?

– Под кожу.

– Где находится Элен?

– Не знаю.

– Куда ты меня везла?

– Не знаю.

– Что ты вообще-то знаешь? – раздражённо бросил Фертран.

– Я знаю, – невозмутимо начала кибер, – французский, немецкий, итальянский и английский языки. На этих языках я знаю по пять тысяч слов, выражений и понятий. В частности...

Хватит! – остановил её журналист. – Лучше скажи мне, почему ты не знаешь куда меня везла?

– Нет связи.

В это время из служебной двери показался Стив.

– Хеллоу! – радушно воскликнул он. – Что-нибудь случилось? Что-то давно тебя не было видно. Тут один человек тобой интересовался. Ты догадываешься о ком я говорю? – спросил он, смущённо посмотрев на незнакомую девушку. – А то, может быть, ты в свадебное путешествие ездил, и старые друзья тебя не очень-то интересуют?

– Давно к тебе заходила Элен?

– Заходила давно, а звонила позавчера.

– Ясно. Познакомься, это Жозефина.

Кибер протянула руку. Как только Стив взял её в свою, Фертран быстро сказал:

– Сожми сильно!

В ту же секунду Стив, извиваясь от боли, рухнул на колени.

– Отпусти, – коротко, приказал журналист.

– Что за шутки?! – испуганно глядя на Жозефину, спро-

сил Стив, поднимаясь и трясая травмированную руку.

– Это чтобы до тебя скорее дошло то, что я тебе сейчас скажу. Отойдём подальше.

– Это не девушка, а кибер, – сказал журналист, когда они отошли на почтительное расстояние от гордо стоявшей Жозефины.

– В каком смысле? – не понял Стив.

– В прямом! – Фергран указал на его правую руку, которую тот всё ещё растирал левой.

Стив вытаращил глаза на журналиста.

– Скорее приходи в себя, у меня мало времени! – нетерпеливо сказал Фергран. – Думает она «Объединённым мозгом». Сейчас она от него, сам понимаешь, изолирована, поэтому практически ничего не знает. Мне нужно, чтобы ты через себя устроил ей связь с «Объединённым мозгом». Ну, то есть, чтобы она не на прямую общалась с «Объединённым мозгом», а через вашу аппаратуру. Это возможно?

– Наверное, – Стив всё ещё не мог до конца осознать случившееся.

– Я хочу, чтобы ты узнал: во-первых, где Элен, и как её можно освободить и, во-вторых, что это за лекарство, которое они вводят мне. Нет ли чего-нибудь такого, что бы сразу привело меня в нормальное состояние. Узнай, так же, куда и зачем она меня везла. А также, спроси, или как это назвать, не знает ли она, где находится это самое послание другой цивилизации.

– Только я очень тебя прошу, побыстрее! – добавил он, видя, что Стив всё ещё стоит, тараща на него глаза.

Когда тот ушёл, Фертран сел в кресло и, откинувшись на спинку, приготовился ждать.

– Сядь и отвернись, – приказал он, молча глядевшей на него Жозефине.

Кибер повиновалась.

Тут он вспомнил о лекарстве и посмотрел на часы. Если верить словам Жозефины, то у него оставалось всего минут пять-десять, правда, можно ли ей верить он не знал. На всякий случай Фертран вынул и приготовил для инъекции один из ампул-шприцев.

Прошло пять, затем десять томительных минут. Напряжение ожидания изматывало. Наконец, на двенадцатой минуте журналист уловил знакомый нарастающий шум в ушах. Не теряя времени, он приставил ампулу-шприц к руке и снял предохранитель.

Когда Фертран очнулся, возле него стоял Стив и тряс его за плечо. Жозефина была тут же.

– Сколько прошло времени?

– С моего ухода около сорока минут, – ответил Стив.

– Похоже это чёртово лекарство действует не сразу или ставить его нужно не в руку. Что ты узнал?

– Такие, брат, вещи! – восхищённо покрутил головой Стив.

Журналист молча предостерегающе указал глазами на

Жозефину.

– Её можешь больше не бояться. Теперь она нам друг. Я подключил её к своей приёмо-передающей системе. Теперь она думает мозгами КИК. Это, конечно, не «Объединённый мозг», но тоже, знаешь... не мало. К тому же недостающую информацию она всё равно берёт из основной системы, только просеивая её...

– Что же ты узнал? – нетерпеливо повторил журналист.

– Такие вещи! – опять восхищённо покрутил головой Стив. – Если бы я сам не увидел твою подругу, – он, довольно фамильярно, похлопал по руке Жозефину, – никогда бы не поверил, что такое возможно. Верх совершенства!

– Я это знаю. Ты лучше скажи, где Элен?

– Точно не знаю, – виновато развёл руками Стив. – Где-то у тех, куда она тебя везла. Про твоё лекарство кибер тоже ничего не знает. Знает только, где его брать и какие там дозы.

– Ну, а куда она меня везла?

– На встречу с неким синьором Скарелли, где-то здесь в Сен-Клу.

– Под самым носом у Интерпола, – хмыкнул журналист, – про «письмо» что-нибудь известно?

– Честно сказать, забыл спросить. Торопился. Но, зато сам кибер такое совершенство! – Стив опять пощёлкал языком, глядя на Жозефину. – Её нужно немедленно к нам в лабораторию.

– Нет! – резко оборвал восторги Стива Фертран. – Жозе-

фину я беру с собой.

– Куда с собой? – не понял тот.

– С собой, на поиски Элен.

– Что ты?! – как от какого-то наваждения отмахнулся от его слов Стив. – А если с ней что-нибудь случится? То, что такое совершенство попало к нам в руки, это сумасшедшая удача. Мы скрытно от тех, кто занимается такими штуками, изучим её строение. На этом можно заработать не одно состояние!

– Нет, – твёрдо повторил Фергран. – Ты что же, не допускаешь, что на свете есть вещи подороже денег?

– Подороже де-не-г? – саркастически протянул Стив. – Может лучше обратиться в полицию? – не очень уверенно предложил он.

– Это слишком опасно для Элен, – хмуро ответил журналист. – В конце концов кибер мой? Мой! Значит, что хочу, то с ней и делаю! Но я тебе обещаю, – примирительно добавил он, взглянув на расстроенное лицо приятеля, – вернуть этот кусок железа, пластика, или что там у неё ещё, сразу, как только у меня отпадёт в ней необходимость.

Стив безнадёжно покачал головой.

– Что-то мне не очень верится, что фортуна дважды повернётся ко мне лицом. Прощай мой коттедж на берегу Средиземного моря, моя яхта и моя обеспеченная старость. Эх, такой исход я и предполагал. В общем, слушай. – отряхнулся он от грустных мыслей. – Теперь она подключена к нашему

«банку данных». Я буду в курсе всего, что с вами происходит. Главная её обязанность, это всячески оберегать тебя и не делать ничего во вред тебе. Это же я ввел ей в автономную машину, что в неё встроена. Единственное, что тебе нужно бояться, что кто-нибудь узнает о подмене у неё «мозгов». Если при этом ситуация будет в их руках, ты её потеряешь, а заодно, естественно, и связь со мной. В этом случае я обращусь в полицию.

– Окей! – Фергран пожал руку Ставу. – Спасибо за всё. Пошли! – коротко приказал он, безучастно смотревшей на них, Жозефине

– Постой. Возьми на всякий случай вот это, – Стив подал журналисту пистолет. – Правда, меня могут арестовать, если узнают, что я потерял оружие, но, я думаю, что следующая проверка будет не раньше, чем через неделю.

– Спасибо! – Фергран подкинул пистолет на ладони, соображая, куда бы его положить.

– Дай его мне, – вдруг сказала Жозефина. – Скорее всего тебя обыщут, прежде чем допустить к боссу.

Журналист протянул ей пистолет. Кибер расстегнула на груди молнию комбинезона.

– Здесь он у тебя будет сразу же виден! – удивлённо воскликнул Стив.

– Нет, это карман внутрь. В каркас, – пояснила она.

– Пошли, – коротко сказал Фергран Жозефине, и они направились к выходу.

Минуту постояв в задумчивости Стив, со всех ног бросился к себе, вспомнив, что канал общения с кибером нужно переключить на внешнюю антенну.

Как правильно предположила Жозефина, прежде чем попасть к «крёстному отцу», журналист был тщательно обыскан. Хорошо, так же, что кибер забрала у него и третью ампулу с лекарством. Это могло вызвать вопросы и его выдать. Жозефина сделала это в машине, предварительно условившись, что вторую дозу им пришлось использовать, пережидая пробки из-за людей, идущих на траурный митинг. Поэтому они и задержались.

Особняк, куда был доставлен журналист, был старинный, построенный несколько веков назад. Сразу по прибытии Жозефина куда-то исчезла, и это очень беспокоило Фертрана.

Обыскавшие его двое мужчин, явно люди, провели журналиста в библиотеку и велели ждать здесь. Под библиотеку был отведён большой зал. Книги здесь стояли в застеклённых шкафах от пола до самого потолка. Было так же много старинных портретов. Видимо, особняк, когда-то принадлежал богатому роду французской аристократии.

Побродив возле шкафов, Фертран подошёл к окну. Библиотека находилась на втором этаже, это давало возможность для некоторого обзора местности. Сразу от стен особняка начинался парк. Высокие деревья позволяли увидеть лишь шпили какого-то небольшого собора. Оглядевшись

кругом, Фертран заметил у одного из шкафов передвижную лестницу. Подкатив её к окну, он стал по ней взбираться. Чуть в стороне от собора, показалась ещё одна крыша. Журналист не знал, зачем всё это ему нужно, возможно просто для того, чтобы потешить себя какой-то видимостью свободы действий.

– Проводите рекогносцировку? – услышал он за спиной насмешливый голос.

В дверях стояли синьор Скарелли и Жозефина. Фертран хотел уже спускаться, но тут ему, вдруг, показалось, что пятиться к ним спиной, это не совсем достойная его поза. Он решил, что нужно развернуться и красиво сойти вниз. Но, при повороте, зацепился каблуком за верхнюю ступеньку и, потеряв равновесие, замахал руками, пытаясь устоять.

Фертран неминуемо рухнул бы вниз, не сумей он вовремя схватиться за портьеру. Правда при этом, лестница предательски отъехала в сторону, и журналист, окончательно потеряв опору под ногами, закачался на портьере, как нашкодивший котёнок, проклиная себя, лестницу и не вовремя появившегося мафиози.

– Жозефина, – колыхаясь от смеха всем своим дородным телом, распорядился синьор Скарелли, – помоги нашему другу спуститься, наконец, на землю.

– Право, мсье Фертран, – вытирая, набежавшие от смеха слёзы, продолжил он, когда журналист, с помощью кибера, вновь очутился на полу, – когда я вас вижу, я просто не могу

на вас сердиться. Своим присутствием, вы доставляете мне массу удовольствия.

– А вы мне нет, – огрызнулся журналист. – Зачем вам нужна Элен? Я требую, чтобы вы её немедленно отпустили!

– Требовать здесь могу только я, – спокойно сказал синьор Скарелли. – Ваша Элен нам, действительно, не нужна. Мне нужны были вы, мсье.

– Да?! И зачем же? – как можно саркастичнее, сказал Фертран.

– Я хочу, во-первых, чтобы вы рассказали мне, что там произошло, а, во-вторых, чтобы не рассказали этого больше никому, – взгляд синьора Скарелли стал таким же холодным, как у Жозефины.

«Оба они киберы, – неприязненно подумал журналист, – ничего человеческого!».

– А, если «во-вторых», я уже сделал? – Фертран испытующе посмотрел на Жозефину, но та стояла не двигаясь.

«Чёртова железяка! – опять подумал он. – Хоть бы сделала какой знак, чтобы я понял, что она всё ещё за меня. А может она уже против!?»

– У меня другие сведения о вашем времяпрепровождении.

– Всё равно я не скажу ни слова, пока не увижу, что Элен в безопасности.

В это время отворилась дверь и вошедший мужчина что-то шептал на ухо «крёстного отца». По тому, как они вре-

мя от времени бросали взгляды на него, Фертран понял, что речь шла о нём. Жозефина стояла рядом с бесстрастным выражением лица.

– Ну, вот, – синьор Скарелли сцепил руки на животе и задумчиво закрутил большими пальцами. – Вы сами подписали себе смертный приговор. Сейчас, только что, передано правительственное сообщение, что в президентской машине был найден дискофон, с комментариями происшедшего нападения. Теперь понятно, почему они так трясли этих подпольных бизнесменов. С одной стороны, я должен быть вам благодарен за то, что вы не упомянули моего имени. Поверьте, за это я вам очень благодарен. К тому же вы направили следствие по ложному пути, так сказать, исправили нашу недоработку. Здесь они могли что-нибудь узнать, только добравшись до меня, но перетрясая всех этих недоносков, наткнуться на меня вряд ли было возможно. То, что мы сейчас без полиции, это подтверждает. Но, с другой стороны, вы оскорбили меня. Да, да. Вы сравнили меня с этим мелким жульём, с этими вонючими мафиози. Вот этого я вам никак простить не смогу! Вы как-то говорили мне, мсье Фертран, что любите поиграть в прятки со смертью. Что ж, радуйтесь! В этот раз она вас нашла уже наверняка!

По знаку синьора Скарелли, молча стоявший всё это время мужчина, вынул из-за пояса пистолет и направил его на журналиста. В ту же секунду лицо Жозефины странно перекопилось – глаза сошли к переносице, рот скривился в глу-

пой улыбке. От неожиданности, Фертран повернул голову в её сторону, но лицо кибера опять было бесстрастным.

– Я вижу, что вам хочется, чтобы в последний путь вас проводила Жозефина? – по-своему истолковав взгляд журналиста, хохотнул синьор Скарелли. – Пожалуй, я доставлю вам такое удовольствие.

Глаза кибера, в упор смотревшие на Фертрانا, округлились в немом приказе. И тут до журналиста дошло, что от него требовала Жозефина.

Медленно сведя глаза к переносице, он так же как кибер минуту назад, скривил рот в глупой усмешке и, обхватив голову руками, стал медленно покачиваться с пяток на носки.

– Кончилось действие лекарства, – лаконично сказала Жозефина.

– Тем лучше! – потёр руки синьор Скарелли. – Уберите ваш пистолет, – повернулся он к охраннику, – он нам больше не нужен. Жозефина проводите нашего гостя в подвал к его подружке. Займёмся ими позднее, так будет безопаснее.

Кибер мягко, но властно, взяла журналиста под локоть и повела к двери.

– Или нет! – вдруг раздался сзади насмешливый голос, от которого у Фертрانا всё похолодело внутри. – Вот что, девчонку тут же приведи сюда. Возможно, увидев своего дружка в таком виде, она будет более сговорчива и согласиться сгладить на сегодняшшний вечер моё одиночество.

За дверью журналист вопросительно взглянул на кибера,

но та, предваряя его вопросы, опять сделала глупую гримасу. Повинуясь ей, Фертран скривил рот и опустил голову вниз, чтобы не встретиться случайным взглядом с кем-нибудь из охраны и не выдать себя.

По пути в подвал они два раза спускались по довольно длинным лестницам и несколько раз входили в какие-то двери, возле которых журналист каждый раз видел чьи-то ноги. При этом он старательно косил глаза и кривил рот, на всякий случай, если кому-нибудь из охранников вдруг захочется взглянуть ему в лицо. Наконец, за одной из дверей они остановились.

– Леже! – тут же раздался радостно-взволнованный голос Элен.

Фертран вздрогнул, но, так как Жозефина всё ещё держала его за локоть, сбросить маску идиота не решился, опасаясь, что здесь может быть кто-то ещё.

– Что они с тобой сделали?! – пытаюсь заглянуть ему в лицо, тревожно спросила Элен.

– Отпусти его немедленно! – закричала она, повернувшись к Жозефине. – Шлюха!

«Ещё немного и она полезет драться», – озабоченно подумал журналист.

Но тут кибер выпустила его локоть и спокойно сказала:

– Кричать здесь бесполезно. Эти стены были сделаны в своё время с расчётом на то, что здесь будут пытаться людей.

Фертран облегчённо вздохнул, выпрямляясь и поводя за-

тёкшими плечами. Улыбнувшись, растерянно глядевшей то на него, то на Жозефину Элен, он огляделся вокруг.

Комната, в которой они находились, не смотря на хорошее освещение и со вкусом подобранную старинную мебель, производила довольно мрачное впечатление. Хотя, присмотревшись внимательно, становилось ясно, что другого ощущения здесь быть и не могло. Ковры на стенах и богатая мебель не только не скрывали, но наоборот оттеняли угрюмую уродливость, выглядывавших местами, каменных стен, со вделанными в них стальными крюками и кольцами со свисающими цепями. Возле камина, чёрной дырой уходившего в стену, стоял лёгкий кофейный столик, на котором в образцовом порядке были разложены почерневшие орудия средневековых пыток. С другой стороны камина, через вделанный в потолок крюк, свисала, покачиваясь, верёвочная петля.

Оглядывая всё это, Фертран невольно передёрнул плечами.

«Жилище какого-то монстра. Бедная Элен! Каково же было ей здесь сидеть?!»

– Сделай инъекцию, – между тем проговорила Жозефина, подавая журналисту ампулу-шприц. – Тебе этого хватит на шесть часов. А нам пора идти.

– Элен, – послушно засучивая рукав, торопливо сказал Фертран. – Жозефина... – тут он взглянул на кибера и, увидев предостерегающий жест, запнувшись продолжил, – ... наш друг. Полностью положишься на неё. Она наше единствен-

ное спасение. Для всех, кроме тебя, я вот такой, – журналист скорчил идиотскую рожу, – Это очень важно. Запомни – я идиот! Поэтому, сразу же начинай требовать, чтобы тебе объяснили, что со мной стало. Будь умницей и делай всё, что тебе скажет Жозефина.

– Да, – целуя на прощание Элен, добавил он, – вот этого, – он показал, как ставит себе инъекцию, – не было. Ты этого не видела. Я вот такой, – он опять скорчил гримасу идиота.

Оставшись один, Фертран обошёл всё помещение, зачем-то заглянул в каминную трубу и, вдруг подумав, что здесь могут быть скрытые, неизвестные даже Жозефине, телекамеры, отошёл подальше от двери и, усевшись в кресло, отвернулся к стене.

Время тянулось мучительно долго. Временами Фертран засыпал, но, тут же, просыпался от боли в затёкшей шее. Прилечь на софу он не решался, боясь быть захваченным врасплох. Наконец, от двери послышался шум. Журналист опустил голову вниз и, готовясь к худшему, весь напрягся, исподлобья поглядывая на дверь. Но в комнату вошла Жозефина, а следом за ней раскрасневшаяся Элен.

Обрадованный Фертран вскочил навстречу, но тут же ухватился за кресло, от резкой боли в голове и головокружении.

– Что с тобой, Леже? – испуганно вскрикнула, подбежавшая к нему Элен.

– Нет, нет, ничего, – успокоил её журналист, уже справив-

шейся со своей слабостью. – Наверное от голода. Ты знаешь, я даже не помню, когда ел в последний раз.

– Ах, жаль я ничего не захватила с собой, – расстроилась Элен. – Этот толстяк закатил мне роскошный ужин, а я, – хихикнула она, – за это чуть не отправила его на тот свет.

– Мы должны спешить, – сказала, стоявшая у дверей Жозефина.

– Возьми это себе, – она протянула, подошедшему Фертрану пистолет Стива. – Я возьму у охранника. Следуйте за мной. Только тихо и ни в коем случае, чтобы не случилось, не кричать!

– Какая у тебя храбрая знакомая, – ревниво шепнула на ухо журналисту Элен, видя, как тот беспрекословно подчиняется распоряжениям.

Фертран заметил, что в этот раз они пошли в противоположную сторону той, с которой подошли в первый раз. За одним из поворотов Жозефина, притронувшись к плечу журналиста, велела подождать. Дальше она пошла одна. На другом конце длинного коридора тускло горела дежурная лампочка, освещая дверь и рядом с ней расхаживающего охранника. Заслышав шаги, он повернулся в их сторону.

– Кто там?! – окликнул он, вытаскивая пистолет.

– Это я, – спокойно ответила Жозефина, приближаясь к нему.

– Как вы здесь очутились, мадмуазель? – в голосе охранника послышалось удивление вперемишку с подозрительно-

стью.

– Бос приказал... – начала Жозефина, но вдруг осекшись, покачнулась и оперлась рукой о стену.

Элен прижалась к плечу Фертрана.

– Вам плохо? – испуганно, спросил охранник.

– Да, – сдавленно ответила Жозефина, приподнимая левую руку, как бы прося о помощи.

– Одну минуту, мадмуазель! – охранник поднырнул под руку Жозефины, помогая ей сохранить равновесие.

В ту же секунду раздался хруст раздавленных костей, от которого у журналиста по спине пробежал озноб, а Элен поднесла руку ко рту, еле сдерживая подступившую к горлу тошноту. Жозефина тут же повернулась к ним и поманила к себе свободной рукой, в которой уже блестел пистолет охранника.

– Или мы, или они, – тихо подбодрил журналист Элен, которая всё никак не могла прийти в себя от пережитого ужаса.

Кибер подошла к двери, всё так же держа охранника за шею, причём ноги его, не касаясь пола, висели в воздухе. Приоткрыв дверь, она прислушалась, затем, выглянув наружу, жестом приказала спутникам следовать за ней.

Ночной сырой воздух обдал потного от волнения журналиста холодом. За спиной раздался стук зубов Элен. Не в силах унять дрожь, она прижала челюсть рукой, виновато глядя на обернувшихся к ней Фертрана и Жозефину.

С этой стороны дома деревья подступали почти к самым стенам.

– Будете ждать меня здесь. За кустами, – тихо сказала Жозефина и, подождав пока беглецы скроются в тени деревьев, снова исчезла вместе с охранником за дверью.

Кибер отсутствовала не менее пятнадцати минут, которые для Фертрана и Элен показались вечностью. Всё это время журналист как мог пытался помочь Элен справиться с дрожью, которая то ли от холода, то ли от волнения никак не оставляла девушку.

Наконец дверь вновь осторожно приоткрылась и из неё показалась Жозефина, с большим тюком подмышкой. Когда она переходила освещённую дорожку, Фертран узнал в тюке связанного синьора Скарелли. На его, сверкнувшей в свете фонаря лысине, были видны следы запёкшейся крови.

– Это я его, – самодовольно прошептала Элен. – Подсвечником.

Молча поманив их за собой, Жозефина направилась прочь от дома. Беглецы, стараясь поменьше наткаться в темноте на деревья, пошли следом.

Журналист уже надеялся, что все опасности позади, как вдруг перед ними выросла преграда, высотой не менее трёх метров.

– Стена! – испуганно прошептала Элен.

При её словах, синьор Скарелли, до этого висевший под рукой Жозефины точно мешок, задёргался и что-то замычал. Кибер жестом остановила спутников и, поставив ношу на землю, развязала ему ноги. Затем, препоручив охрану

пленника Фертрану, она сделала несколько осторожных шагов вперёд и остановилась метрах в трёх от стены. Путники, затаив дыхание, следили за ней. Жозефина сделала ещё несколько мелких шажков и вновь замерла. Вдруг, подняв руку кверху, она резко махнула ею перед собой.

Эффект был такой, словно перед ней вспыхнул сноб бенгальских огней. В их ярком свете было отчётливо видно, как рука Жозефины, почернев до локтя, переломилась в этом месте и упала в траву, горячей головешкой. Элен сдавленно вскрикнула от ужаса. Даже Фертран и синьор Скарелли, несмотря на то, что прекрасно знали, кто перед ними, не могли равнодушно глядеть на обрубок руки, невольно приписывая киберу человеческие страдания.

– Лазерное ограждение, – не обращая внимания на замешательство людей, спокойно сказала Жозефина, возвращаясь к ним.

В особняке послышался приглушённый вой сирены и лай собаки.

– Спрячьтесь от стены, вон за это дерево, – торопливо сказала кибер. – Скорей! Побегите сразу же, как только пыль достигнет лазерного ограждения. Светящийся столб обогнёт с правой стороны, но только после того, как он вырастет в пыли выше вашего роста и от самой земли. На шоссе за стеной вас ждёт Стив с машиной.

– Не высовывайтесь, вас может ранить, – предупредила кибер, когда беженцы встали за дерево.

Фертран, стоявший ближе всех к Жозефине, увидел, как она рванулась с места и, чуть наклонившись вперёд, помчалась к стене. Высунувшись из-за дерева ей вслед, журналист с ужасом увидел, как охваченная снопом искр кибер, точно горящий факел, упала под стену. Раздался сильный взрыв. В ту же секунду, где-то совсем рядом послышался визг собаки. Видимо её ранило осколком стены, во множестве просвистевших вокруг и всё ещё падавших с шумом сквозь листву деревьев.

Клубы пыли, взметнувшиеся на месте взрыва, поползли в разные стороны и, как только пересеклись с лазерными лучами, тут же засверкали тонкой ниткой разноцветных искр, вытянувшейся от земли до самого верха забора.

– Быстрее! Правее искр! – крикнул Фертран, понимая, что они уже теряют время.

Но тут синьор Скарелли, до этого беспрекословно выполнявший все приказания, заупрямился, видимо рассчитывая на возможное освобождение. Журналист, не найдя подходящих слов, со злостью сунул ему под нос пистолет. Но, видимо, Жозефина сняла его с предохранителя, потому что пистолет вдруг выстрелил, только случайно никого не ранив.

Вид блеснувшего прямо перед глазами огня, подействовал на пленника, он рванулся вперёд и, с прытью достойной удивления для такого грузного тела, скрылся в пыли вслед за Элен.

Прикрыв глаза в надежде, что так их не запорошит, Фер-

тран последовал за ними. Но, видимо, он уклонился слишком сильно в сторону, потому что вдруг с силой ударился головой о выступ стены и, почти бессознательно, глотнул пыли. Закашлявшись, он сделал ещё несколько шагов и, скорее почувствовал, чем увидел, что пыль кончилась.

Тут же рядом стояли Элен и синьор Скарелли. Не в силах справиться с кашлем, Фертран жестом подогнал обоих к шоссе, откуда к ним, от стоявшей с зажжёнными фарами машины, уже бежал Стив. Помогая Элен перетащить упавшего пленника через кюветную канаву, журналист опять почувствовал головокружение и тупую боль в затылке. Если бы не вовремя подоспевший Стив, Фертран наверняка, потеряв равновесие, свалился на дно канавы.

– Что с тобой?! – Элен, передав синьора Скарелли Стиву, заботливо обняла Фертрانا.

– А где Жозефина?! – Стив, одной рукой державший за шиворот толстяка, а другой, размахивающий пистолетом, выглядел довольно эффектно.

– Её больше нет, – стараясь справиться с головокружением, ответил журналист. – Она взорвалась вместе со стеной.

– Как взорвалась?! – вскрикнула Элен.

– Проклятье! – выругался Стив. – Так я и знал! Шеф меня убьёт.

– Как взорвалась? – не могла успокоиться Элен. – Она, что же, погибла?!

Фертран не успел ничего ответить. Возле стены раздался

выстрел, и пуля. Никого не задев, просвистела где-то совсем рядом.

Ложись! – крикнул Стив, падая на шоссе и увлекая за собой синьора Скарелли.

«Зря Стив включил фары у машины», – стараясь в падении загородить Элен, подумал журналист.

Но тут электромобиль сорвался с места и, обогнув лежащий на земле людей, остановился у самого края шоссе. Беглецы облегчённо вздохнули. Теперь они были в тени, а нападавших слепил свет фор электромобиля. К тому же, дверцы распахнулись, и, показавшиеся оттуда люди, повели огонь по пролому в стене, где, медленно оседая, всё ещё клубились остатки пыли.

– Наша машина следующая, – поднимаясь с земли, быстро сказал Стив. – Идите за мной.

Больше ориентируясь на голос Стива, чем на свои глаза, Элен и Фертран добрались до следующего электромобиля. Дверцы его были раскрыты. На заднем сиденье, тяжело сопя, уже сидел синьор Скарелли. Руки у него всё так же были связаны, изо рта торчал кляп.

– Скорее, – подогнал их Стив, садясь за руль.

Опустившись на заднее сиденье рядом с пленным, Фертран вновь почувствовал, отпустившую было, тупую боль в затылке. Машина рванулась вперёд. Почти сразу же перед ней появился ещё один электромобиль.

– Полиция? – спросил журналист, по приказу Стива за-

стёгивая на себе и «крёстном отце» ремни безопасности.

– Нет, – ответил тот. – Это наши из КИК. – Когда я рассказал мистеру Крафтмахеру, какого кибера мы можем за-получить, он решил не впутывать в это дело полицию и всё проверить самим. В последнее время, вы же знаете, – хо-хотнул Стив, – полиция у нас не в почёте.

– Встреча с полицией нам сейчас очень нежелательна, – посерьёзнев. Продолжил он. – У них есть приказ открывать по тебе, Леже, огонь без предупреждения.

– Как это?! – испуганно спросила Элен, до этого молча на переднем сиденье приводившая в порядок свой внешний вид. – За что?!

– Видимо, они узнали, что я был участником нападения на астронавтов, – предположил журналист.

– Ты это серьёзно? – Стив и Элен вместе удивлённо по-вернулись к нему.

– Вполне.

– Нет, – опять поворачиваясь на дорогу, задумчиво сказал Стив, – кажется об этом никто не знает. Скорее, это от того, что они уверены, что это ты сегодня обстрелял из автомата траурный митинг.

– Что?! – теперь уже Фертран и Элен, вскрикнули в один голос.

– Впрочем, – тут же сказал журналист, – я, кажется, знаю чьи это штучки. Сейчас мы это проверим.

Он повернулся к синьору Скарелли.

– Проверьте ремни безопасности! – настороженно, остановил его Стив. – Нам навстречу идут две патрульные машины.

На шоссе, делавшем здесь большую дугу по полю, было хорошо видно, как одна, из патрульных машин, продолжала движение, а вторая остановилась на обочине.

– Если они вздумают нас окружить, дело будет скверное, – сквозь зубы процедил Стив, сбавляя скорость. – Нужно было взять побольше машин сопровождения. Не ожидал я, что одну мы оставим на месте перестрелки.

Первая полицейская машина, взыв сиреной, промчалась мимо не сбавляя скорости. Вторая стояла у обочины, а на противоположной стороне двое полицейских со светящимися жезлами. По-видимому, о взрыве и перестрелке, что-то стало известно, но конкретно их, в этом не подозревали. Иначе, полицейские вели бы себя более осторожно.

Идущий впереди электромобиль, повинувшись распоряжению остановиться, вдруг завилял и, словно, не справившись с управлением, врезался в заднее крыло полицейской машины. Хотя удар был и не сильный, скорость была прилично погашена, но всё же достаточный, чтобы оба электромобиля очутились в кювете.

– Теперь, дай бог ноги, – сгибаясь к рулю и резко увеличивая скорость, проговорил Стив.

Двое полицейских, попытавшихся перебежать шоссе к своей машине, в испуге метнулись обратно.

Минут через пятнадцать, прошедших в напряжённом молчании, впереди показалась верхушка небоскрёба Управления КИК.

– Вот мы и дома, – тихо сказал Стив. – Только бы сегодня всё обошлось без жертв.

– А Жозефина?! – возмущённо воскликнула Элен. – Не слишком ли быстро вы забыли об этой девушке?!

– Ты ничего не поняла, – улыбнулся Фертран и, наклонившись вперёд, ласково потёрся щекой о плечо Элен. – Жозефина не человек. Она робот.

– Была роботом, – грустно поправил Стив. – Эх, выгонит меня шеф с работы!

– Как это, робот? – растерянно переспросила Элен. – Разве роботы могут быть как люди? – Потом, подумав, грустно добавила, – По крайней мере, она была человечнее многих.

Количество машин на автостраде заметно прибавилось. Чтобы не сбавлять скорость и не терять времени, Стив, недолго думая, выехал на относительно свободную встречную полосу. Возможно, это прошло бы безнаказанно, но тут им навстречу с боковой развязки выскочил патрульный электромобиль. Хорошо ещё, что он шёл с большой скоростью, поэтому, пока он сумел развернуться в сторону нарушителей, Стиву удалось значительно от него оторваться. Вой сирены настиг их уже возле дверей в здание Управления КИК. Так что, когда полицейские вбежали в фойе, беглецы были уже под защитой пуленепробиваемой стеклянной стенки.

На ступеньках эскалатора тут же появился мистер Крафт-махер.

– Всё нормально? – ещё издали крикнул он Стиву. – А эта девушка и есть кибер?

– Нет, сэр, – смущённо ответил Стив. – Это Элен. А это мсье Фергран. Он вам сейчас всё объяснит.

– Что с тобой, Леже?! – растерянно спросил он, увидев, что журналист стоит, покачиваясь из стороны в сторону, с глупой улыбкой на лице и обхватив голову руками.

Глава 7. Превратности судьбы.

– Каямо! – нагибаясь над трапом, ведущим в операторскую, нетерпеливо крикнул Сито. – Что случилось со связью?

– Я её отключил, командир, – донёсся снизу задорный голос молодого исследователя, нового напарника Сито. – Чтобы она не мешала мне работать!

– Послушай, Каямо, – спускаясь ещё на несколько ступенек и склоняя голову так, чтобы было видно операторское помещение, раздражённо проговорил Сито, – командир – это у меня не прозвище, а должность! Я командир батискафа, и ты обязан подчиняться всем моим распоряжениям.

– Ах, простите, Сито-сан, – дурашливо воскликнул Каямо, высвобождая руки из манипуляторный колец и поворачиваясь к говорившему. – Но как же я могу прекратить работу, если у меня бур ещё метров на тридцать в грунте?

– Немедленно отцепляй бур! Мы всплываем. – Сито не мог долго сердиться на этого весёлого порой бесшабашного парня, поэтому примирительно добавил, – Это не мои прихоти, а распоряжение базовой станции.

– Тогда нужно повесить маяк, иначе мы потеряем это место!

– Никаких маяков! – вновь взбегая по трапу, крикнул командир, – Я немедленно включаю балласт на продувку.

Через минуту в командный отсек вошёл Каямо.

– Вы им сказали, что мы можем не найти бур и нам придётся возвращаться на базу?

– Они ничего не хотят слушать. Диспетчер кричал так, что не дал мне вымолвить ни слова. Сказал, что, если я промедлю хоть минуту, меня уволят.

Каямо опустился в свободное кресло перед аварийным пультом.

– Жаль, что не удалось довести дело до конца, я уверен, что с этими пробами нас ожидала солидная прибавка к жалованию. Может пошлём диспетчера подальше? Уверен, что компания простит нас, если мы преподнесём ей новое месторождение никеля.

– Послушай, парень, а вдруг наверху случилась какая-нибудь авария и гибнут люди?

Каямо смутился.

– Извините, я не подумал. Далеко плыть?

– Я ещё хорошо не определился, но, по-моему, где-то совсем рядом. Видимо, поэтому нас и сняли с места так срочно. Приготовь, на всякий случай, спасательный плотик и аптечку.

Отзываясь на рёв, ворвавшегося в цистерны с водой воздуха, монотонно загудели переборки. Освещённое прожекторами дно вздрогнуло и, теряя реальные контуры, клубами поползло вверх. Лениво защёлкал глубиномер. Батискаф начал подъём.

Это был серийный батискаф, предназначенный для проведения изыскательских работ на глубинах до пяти тысяч метров и с солидным запасом автономного плавания. Как и большинство подводных аппаратов подобного рода, он принадлежал Японии. После принятия конвенции о запрещении добычи полезных ископаемых в акватории мирового океана, только Японии и ряду, примкнувших к ней развивающихся стран, было дано право на ограниченную разработку сырья на океанском дне сроком на двадцать лет. Эта уступка была сделана при условии, что в течении этого срока, Япония с партнёрами разовьют собственную космическую промышленность с целью освоения внеземных рудников.

– Неужели эта каракатица совсем не приспособлена для плавания по поверхности? – отстраняясь от перископа, досадливо спросил Каямо. – Вместо того, чтобы сидеть наверху и дышать свежим воздухом, приходится портить глаза здесь!

– Вряд ли ты усидел бы на нашей палубе даже при таком волнении. Да и скорость на волнах значительно бы упала.

– Кажется что-то мелькнуло справа, – неуверенно сказал оператор, вновь припадая к окулярам. – А может и показалось. На всякий случай, свернём-ка туда.

Через несколько минут батискаф приблизился к замеченному предмету. Это были два больших спасательных плота, между которыми, почти полностью уйдя под воду, висела американская крылатая ракета.

– А вы говорили «люди гибнут», – передразнил командира

Каямо, выводя руки-манипуляторы из корпуса батискафа. – Плевать им на людей! Из-за какой-то железяки сорвали нас с верного месторождения.

Сито промолчал, о чём-то озабоченно размышляя.

– Послушайте, Сито-сан, – вновь повернулся к нему Каямо, – на кой чёрт нам отправлять эту штуку в грузовой торпедо, если мы всё равно идём на базовую станцию?

В это время батискаф резко качнуло, так что рука-манипулятор, с зажатой в ней ракетой, угрожающе выгнулась, и снаружи донёсся звук взрыва.

– Это ещё что?! – удивлённо воскликнул оператор.

– К нам приближается какой-то военный атомоход, – хмуро ответил Сито, глядя на экран локатора. – По-видимому, это предупредительный выстрел, чтобы мы не двигались.

– А базовая станция что?!

– Приказывает срочно отправить торпеду с грузом к ним, а самим погружаться.

– А мы успеем удрать до прихода корабля?

– Успеем, если ты будешь поменьше болтать и побыстрее двигаться!

– Что-то не нравится мне всё это, – ответил Каямо, вновь поворачиваясь к пульту манипулятора.

Когда торпедо была готова, сбоку от батискафа вырос новый фонтан воды. В этот раз взрыв был сильнее, так как произошёл ближе первого.

– А если они в нас попадут? – беспокойно спросил опе-

ратор, почувствовав себя неуютно от сознания собственной беспомощности.

– Потонем, – невесело усмехнулся командир.

– Так нужно погружаться быстрее!

– А ты помоги!

– Чем же я помогу?!

– Возьми ведро и беги заливай воду в балласт.

– Шутник! – огрызнулся Каямо, немного успокаиваясь и усаживаясь в кресло перед аварийным пультом. – Посмотрим, где будут ваши шуточки, когда эти разбойники нас поймают.

– Боюсь, что это мы разбойники, а они хозяева, – ответил Сито, озабоченно колдуя над пультом управления батискафом.

– Вы полагаете, что это шутовина, что мы отправили в торпеде, не наша? – удивлённо спросил Каямо.

– Ты в самом деле так глуп, или притворяешься? – вышел из себя командир. – Да это же та самая ракета, на которой из Франции вывезли «космическое письмо»!

– Не может быть?! – глаза оператора округлились. – Так, если вы знали, что это та самая ракета, то почему же не подчинились их приказу?

– А кто они такие, чтобы их слушаться? Может это и есть похитители? Ты уверен, что они бы оставили нас в живых, попадись мы им в руки?

– Но ведь это могли быть и французы? Мы же не знаем,

чей это корабль!

– Послушай, ты можешь помолчать?! – оборвал напарника Сито. – Какая тебе разница от чьих снарядов ты помярёшь, от французских или нет?

– То есть, как это «помярёшь»?! – растерялся Каямо. – Разве мы уже не удрали от них?

Сито ничего не успел ответить, батискаф трянуло так, будто они на всём ходу налетели на какую-то скалу. От неожиданности Сито вылетел из кресла, а Каямо со всего размаху ударился лицом о приборную доску. После первого броска последовало ещё несколько. Батискаф швыряло из стороны в сторону, точно теннисный шарик по столу.

Когда Каямо пришёл в себя, в отсеке было темно и тихо. Он облизнул запёкшиеся губы и сразу же почувствовал во рту вкус крови. Что-то царапнуло язык. Он не сразу сообразил, что это обломок зуба. Каямо ещё раз провёл по зубам языком. Почти все они были сломаны или выбиты. От соприкосновения с оголёнными нервами, по всему телу пробежал озноб и, словно по этой команде, Каямо почувствовал, что всё оно болит и ноет. Он слегка застонал.

– Каямо! – раздался из темноты радостный голос командира. – Я уж думал, что ты погиб. Кричал, кричал, а ты всё не отзывался!

Каямо выплюнул изо рта мешанину из обломков зубов и крови. Язык распух и не хотел слушаться.

– Что это было? Почему темно? – наконец, кое-как про-

изнёс он.

– Вышла из строя установка. – Сито чем-то зашумел и тут же застонал. – Нужно включить аварийное освещение. Видишь красный огонёк? Это возле него.

Оператор пошевелил руками и ногами. Они двигались, хотя каждое движение и причиняло боль. Поднявшись на ноги, он нетвёрдой походкой пошёл на огонёк, выставив вперёд руки. Возле самого пульта он чуть не упал, наткнувшись на кресло. Нащупал кнопку и нажал. Вспыхнувший свет резанул по глазам, так, что пришлось зажмуриться.

Сито лежал лицом вверх в другом углу каюты, перегнувшись через оторвавшееся кресло. Причём, так неестественно, что только голова и ноги его касались пола.

– Кажется, у меня что-то с позвоночником, – застонав от попытки повернуть голову, тихо сказал он.

Каямо остановился над ним в нерешительности.

– Вначале поставь мне несколько уколов с наркотиком, – распорядился командир, – иначе я не выдержу. Затем вытащи кресло, а меня оставь лежать так же на спине.

Подождав, пока начнёт действовать лекарство, Каямо осторожно подвёл руки под спину командира и попытался приподнять его, но увидев, как расширились от боли глаза Сито, тут же опустил обратно.

– Что же ты делаешь? – простонал командир батискафа, от напряжения у него на лбу выступили капельки пота. – Что же ты меня мучаешь? Сделай, что я сказал, но только быстро,

не продлевай мне боли!

– Я, я не смогу! – от волнения Каямо стал заикаться.

– Сможешь. Ведь ты уже мужчина! – подбодрил его Сито.

Каямо вытер о себя ставшие влажными ладони. Стараясь не глядеть в лицо напарника, он приподнял его, на секунду замер от резанувшего по ушам крика, но, тут же почувствовав, как наливается тяжестью тело Сито, резко выбил ногой кресло и опустил командира на пол.

В первую минуту ему показалось, что Сито не дышит. Испугавшись, Каямо попробовал нащупать пульс на руке. Приложить ухо к груди и послушать сердце, он не решился, боясь причинить ещё большую боль. Рука была тёплой и слегка подрагивала. Не выпуская её из своих пальцев, Каямо сел поудобнее и стал ждать. Он не знал сколько прошло времени. Возможно он даже уснул, потому что, взглянув в лицо Сито, увидел, что глаза у того открыты.

– Нужно выпустить спасательный буй. В нём радиомаяк. Там на пульте есть кнопка. Она подписана.

Видимо, сказанное стоило командиру больших усилий, потому что он утомлённо прикрыл глаза. Каямо нажал кнопку и прислушался. Снаружи не донеслось ни звука.

– Можешь не сомневаться, он уже там, – успокоил его Сито. – Сейчас попытайся связаться с базовой станцией.

Оператор взял микрофон.

– Станция, станция, я «Гольфстрим-4». Ответьте. Послушайте, Сито-сан, – повернулся он к командиру, – Как же это

могло случиться? На что мы налетели?

– Чёрта с два, – деля перерыв после каждого слова, ответил Сито. – Это хозяева угостили нас глубинными бомбами.

– Какие хозяева? – не понял Каямо.

– Хозяева ракеты. Какие же ещё?

– Мы что же, подбиты?! – испуганно спросил оператор. И, не получив ответа, почти закричал в микрофон, – Станция, станция, ответьте. Я «Гольфстрим-4». Станция.

– Не кричи, – поморщился Сито. – Если не отвечают, значит буй уничтожен.

– Сбросьте ещё одну глубинную бомбу, – распорядился мужчина в штатском. – Только осторожно, чтобы не было прямого попадания. Хватит с нас, что вы потопили их вместо того, чтобы заставить всплыть. Впрочем, подождите. Не нужно лишнего шума. Буй уничтожили?

– Да, сэр, – ответил капитан.

– Сколько он проработал?

– Не более двух минут.

– Впредь будьте внимательней и глушите любую их попытку выйти на связь.

– Не вышло бы у меня каких осложнений с японским правительством.

– До Японии далеко, капитан, – мужчина посмотрел прямо в глаза собеседнику. – А в том документе, что я вам показывал, ясно сказано, вы, вместе со своим крейсером, посту-

паете в полное моё распоряжение. Так что, за все действия отвечаю я, точнее правительство Южно-Африканской Республики, так как я являюсь здесь его полномочным представителем. К тому же, в случае успеха операции, вы получите вознаграждение, которое с лихвой окупит все возможные неприятности. Вам ясно?

– Да, сэр!

– Вот и отлично! Не даром мне рекомендовали вас, как сообразительного офицера. Когда прибудет необходимое нам подводное снаряжение?

– Думаю, что не раньше, чем через сутки, сэр.

– Я пойду к себе. Немедленно сообщите, если будет хоть что-нибудь подозрительное.

Мужчина в штатском нахмурился и направился к выходу. Внутренне он был далеко не так уверен, как старался казаться. Этот батискаф внёс много неясности, казалось бы, в простейшую задачу – обнаружить и доставить в Кейптаун крылатую ракету с «космическим письмом». Бесспорно, японцы так просто не откажутся от попытки завладеть ракетой, раз уж они на неё наткнулись. Поднимать шума они, конечно, пока тоже не станут. Это не в их интересах. Даже, если у них не получится выкрасть ракету, они, скорее всего, попробуют сторговаться и уж только потом... Но откуда взялся батискаф? Неужели просто глупая случайность?

Случайность, действительно, была, правда не там, где её предполагал представитель правительства ЮАР.

По международному соглашению с советских околоземных станций делались снимки акватории мирового океана, которые использовались потом для контроля чистоты поверхности над местами крупных подводных разработок. Эти же снимки покупались японскими специалистами для составления прогнозов возможных новых месторождений.

Увеличив один из последних снимков Атлантического океана, в районе восточной части Западноевропейской котловины, где у японцев был большой рудник цветных металлов, эксперт-прогнозист заметил тонкую белую линию. Из простого любопытства он обработал этот снимок на ЭВМ. Какого же было его удивление, когда, среди нескольких возможных вариантов появления этой линии, он увидел, что она могла быть образована приводнением небольшого летательного аппарата с реактивным двигателем, типа американской крылатой ракеты.

Первым побуждением этого эксперта было тут же связаться с французами, лучше всего с самим президентом. Но, немного поразмыслив, он решил, что, во-первых, это может быть и не так, во-вторых, такой разговор будет стоить ему немалых денег и, в-третьих, что это вообще ни его дело. Поэтому, он ограничился только тем, что сообщил о своих соображениях в своё министерство внутренних дел. Там действовали более решительно, и, к тому времени, когда представитель правительства ЮАР, предался размышлениям о превратностях судьбы, «космическое письмо», извлечённое

из корпуса полученной ракеты, уже было на пути в Японию.

Но цепь случайностей на этом не прервалась. Сигнал бедствия батискафа, хотя он и проработал не более двух минут, был зарегистрирован системой КАСПАС. Дежурный оператор в Москве, чтобы разобраться, что это было, ложное срабатывание или действительно катастрофа, запросил японское правительство, сообщив регистрационный номер судна.

Из Японии тут же пришёл ответ: принятый сигнал ложное срабатывание. Судно в целости и сохранности, с ним только что проведён сеанс связи.

Что-то в такой оперативности вызвало сомнения у оператора. Желая избежать возможной ошибки, он попытался собрать о предполагаемом месте аварии всю последнюю информацию. Так к нему попали те самые снимки, сделанные с советской околоземной станции. Обработав их, он, так же как японский эксперт-прогнозист, к своему удивлению, обнаружил тонкую белую линию и, как один из возможных вариантов её появления, приведение американской крылатой ракеты.

Через полтора часа ВМС Франции были приведены в полную боевую готовность, и все ближайшие корабли направлены к месту возможного инцидента.

Ещё через час на экране внутренней связи в каюте представителя правительства ЮАР, показалось озабоченное лицо капитана крейсера.

– Французский военный электролёт, сэр, – доложил он.

– Что ему нужно? – у хозяина каюты, от предчувствия обречённости, заняло сердце.

– Просит, чтобы мы его приняли на борт.

– Мы можем ему отказать?

– Да, но без должного обоснования это будет подозрительно.

– Хорошо. Пусть садится, – немного подумав, распорядился мужчина в штатском. – Могли они узнать о наших действиях?

– Вполне вероятно, сэр.

– В таком случае, скажите им, что вы проводили здесь проверочные учения.

– Это район подводных работ, сэр. Мы не имеем права проводить здесь учения. У них будет основание к нам придаться.

– Проклятье! – мужчина хрустнул пальцами. – Что ж, если до этого дойдёт, скажите им, что на нас напала неизвестная подводная лодка, скорее всего русская. Мы попытались её повредить, но ей удалось уйти.

– Я бы не стал говорить о русских, сэр. Французы вряд ли поверят.

– Вы правы. Это не американцы. Скажем просто – неизвестная подводная лодка. Где вы примите француза?

– В офицерском салоне.

– Отлично. Я буду в соседней комнате, войду, если это будет нужно. Представите меня, как инспектирующее лицо.

Прибывшим на электролёте офицером оказался молодой лейтенант береговой охраны. Мельком взглянув на его лицо, светившееся сознанием важности исполняемого долга, капитан крейсера, предваряя вопросы, открыл бар и, жестом приглашая француза последовать своему примеру, налил себе виски.

– Благодарю вас, – лейтенант немного поколебался, видимо, не зная какую манеру разговора выбрать, официальную или непринуждённую. Но, так как капитан всё ещё стоял к нему спиной, тоже решил подойти и плеснуть себе виски.

– Как вы к нам долетели? – капитан сел в глубокое кожаное кресло напротив прибывшего.

– Быстро, – отшутился лейтенант. – Как по воздуху.

Что-то ответе и быстром лукавом взгляде, показалось капитану не соответствующим первоначальному его представлению об этом молодом лейтенанте, как о неопытном службисте. Ему даже показалось подозрительным, что француз, вначале изображавший такое служебное рвение, теперь сидел, развалившись в кресле, и молот всякую чушь о крейсере, точно нарочно пытаясь выиграть время.

Боясь попасться на удочку, капитан поставил на столик стакан, давая понять, что пора перейти к делу.

– У меня к вам, в общем-то, всего один вопрос, – повертев в руках стакан и тоже отставляя его на столик, беззаботным голосом сказал лейтенант. – Пока вы находитесь в этом районе, вы ничего не заметили необычного?

«Это называется, брать быка за рога», – подумал капитан и, не найдя сразу подходящего ответа, ничего не придумал лучше, чем закашляться и, извинившись, отойти к бару, обдумывая ответ.

Тут, на его счастье, отворилась дверь.

– Разрешите вам представить мистера Смайзла, – схватившись за вошедшего как за соломинку, обрадовался капитан. – Он направлен к нам на судно правительством, для проведения инспекции.

– Если не трудно, введите меня, пожалуйста, в курс дела, – попросил мистер Смайзл.

– Собственно, разговора ещё не было, – капитан был рад переложить ответственность на чужие плечи. – Лейтенант спрашивает, не заметили ли мы что-нибудь подозрительного.

– Подозрительного? – мистер Смайзл изобразил недоумение на лице.

– Вы не могли бы уточнить? – любезно обратился он к французу. – Что собственно вас интересует и в какой, так сказать, среде: в воздухе, на воде, под водой?

Лейтенант слегка улыбнулся, как бы отдавая дань уважения находчивости Смайзла.

– Могу сказать только, что с территории Франции контрабандой был вывезен очень ценный груз, и, по нашим сведениям, он находится где-то в этом районе.

Мистеру Смайзлу стоило большого труда сохранить бес-

страстное выражение лица. Сбывались худшие его подозрения. Неужели он ошибся в расчёте, что японцы будут молчать? Тогда это полный провал!

– Со своей стороны, – заметив, что француз за ним наблюдает, поспешил ответить мнимый инспектор, – мы можем вас заверить, что ничего, что можно было бы назвать словом «груз», мы здесь не видели.

– Это так, сэр, – подтвердил капитан, в ответ на взгляд француза.

– В таком случае, разрешите откланяться.

«Может просто берут на испуг? – подумал мистер Смайлз. – Заметили, что стоим здесь более двух суток и решили прощупать?»

– Долго ли вы намерены ещё здесь задержаться? – уже в дверях, как бы между прочим, спросил капитана крейсера лейтенант.

– Ещё около двух суток, сэр. Хочу осмотреть рулевые устройства. Вот выписал себе водолазов. Жду с минуты на минуту.

Мистер Смайлз за спиной лейтенанта одобрительно закивал головой.

– А почему бы вам не зайти в какой-нибудь порт?

– На это слишком много причин, – «проверяющий» подошёл к офицерам. – Во-первых, крейсер высшего разряда, то есть, способен нести ядерное оружие, и, хотя мы без него, но попробуй докажи, если кто-нибудь на берегу пустит слух, во-

вторых, нас не любят, к сожалению, и, наконец, в-третьих, я здесь как раз для того, чтобы проинспектировать крейсер и его команду в походе без заходов в порты.

– Понятно, – лейтенант сделал ещё два шага в сторону двери и вновь повернулся к провожающим. – И ещё один вопрос, уже не по сути дела. – он немного замялся, как бы подбирая слова. – Взрывы, которые зафиксировала наша береговая служба, имеют к вам какое-нибудь отношение?

«Неужели им всё известно, и они играют с нами как кошка с мышкой?» – подумал мистер Смайлз.

– Разве мы не в нейтральных водах, чтобы отвечать на такие вопросы, – резко спросил капитан крейсера.

– Конечно! Конечно! – поспешно подтвердил француз, всем своим видом показывая, как мало значения он придаёт этому вопросу. – Но, в связи с чрезвычайными обстоятельствами, моё начальство спросит меня, всё ли я сделал, чтобы вопрос с вами был окончательно закрыт. К тому же это зона... – он не договорил, полагая, что капитану и так ясно, что имеется в виду.

– Так может это была ваша подводная лодка? – решил перейти в атаку представитель правительства ЮАР.

– Подводная лодка?! – встрепенулся лейтенант. – Здесь была подводная лодка?

– Не только была, – капитан переглянулся с мистером Смайлзом, – но даже пыталась нас обстрелять.

– Ракетами!? – то ли удивлённо, то ли насмешливо округ-

лил глаза француз.

– Нет, не ракетами, – капитану было противно, что приходилось изворачиваться перед этим мальчишкой. – У них было что-то вроде лёгкого выдвижного орудия.

– Как же это произошло?

– Они были у нас по носу, но всё же на достаточном расстоянии, чтобы разойтись не мешая друг другу. Но с подлодки нам дали команду резко изменить курс. Когда же я запросил их кто они такие, ответа не последовало. Тогда мы решили идти тем же курсом, всё же наш корабль не из тех, кого можно запугать. Вот тут-то они и обстреляли нас, видимо, желая настоять на своём. А когда я, не сворачивая, объявил боевую тревогу, лодка срочно погрузилась. Мы пытались заставить их всплыть глубинными бомбами, но им удалось скрыться. Я не стал их преследовать, потому, что они не причинили нам никакого вреда и ещё потому, что здесь зона подводных работ. Я, по этим причинам, побоялся слишком активно пользоваться глубинными бомбами, хотя этих нахалов и следовало наказать.

– К тому же, – вспомнил он своё прежнее враньё, – я не совсем полагался на свои рулевые устройства. При частых манёврах, они были бы перегружены. Собственно, этот инцидент и стал причиной, почему мы решили ими неотлагательно заняться.

– И вы спрашиваете, что я имел в виду, когда говорил, про что-нибудь необычное?! – возбуждённо воскликнул лейте-

нант.

– Если бы вы были военным ЮАР, – улыбнулся мистер Смайлз, – то знали, что в подобного рода обстоятельствах для нас нет ничего необычного. Слишком много стран на Земле относятся к нам враждебно. Даже в этом походе, это уже не первый случай, – для убедительности приврал он.

– Я думаю, что при подобных обстоятельствах, вы со мной согласитесь, господа, – торжественно сказал лейтенант, – нужно это всё как-то оформить.

– Ну, если для Франции это так важно, – мистер Смайлз переглянулся с капитаном крейсера, – я согласен на заход в ближайший французский порт. Это помогло бы и нам, раз уж так вышло, лучше провести ремонт.

– Я попросил бы вас наоборот не трогаться с места, и подождать здесь прибытия соответствующих французских властей, – официальным тоном сказал лейтенант.

– Но, на это может уйти много времени! – нетерпеливо возразил мистер Смайлз.

Их разговор прервал звонок внутренней связи. Подошедший капитан снял трубку и лицо его посерело.

– Я думаю, капитан подтвердит, что вы ошибаетесь, – не без иронии сказал француз.

– Мы окружены французской эскадрой, – бросая трубку на место, сказал капитан.

– Что это значит?! – резко повернулся к лейтенанту мистер Смайлз.

– Только то, что так нам легче будет найти подводную лодку, если ей всё же не удалось уйти, – пожал плечами француз.

Глава 8. Всемирная Технологическая Компания.

– Что ж, мсье Фертран, – Жак Амбуаз выключил дискофон. При этом погасло сразу четыре огонька – два на дискофоне и два в отражении на кофейном столике, – это всё, что я хотел спросить. Должен вам заметить, что во всей этой истории, вы вели себя как герой. Да, да! Вам не следует стесняться этих слов. Вашу охрану я пока буду рекомендовать не снимать. Как бы Скарелли не попытался с вами расправиться. До сегодняшних ваших показаний мы держали этого мафиози на слишком длинном поводке. У нас не было никаких конкретных улик против него, разве что его ничем не оправданное высокое положение в Мальтийском ордене. Но, из того, что вы нам сообщили, любой суд, если и оставит его в живых, то где-нибудь на лунных рудниках, без права возвращения на Землю.

– Ещё раз спасибо, мсье Фертран, – инспектор поднялся, расправляя свои в молодости атлетические, да и сейчас ещё далеко не лишённые силы, плечи. – Скорее выздоравливайте окончательно и готовьтесь к почестям. Я думаю, они не заставят себя долго ждать.

– Вы уже уходите?

– Да, мсье. Честно признаться испытываю нетерпение по-

скорее встретиться с синьором Скарелли, если, конечно, это, наконец, его подлинная фамилия.

Он взял со стола дискофон, показавшийся ненастоящим в его огромной руке.

– Но вы забыли о вашем обещании ответить и на мои вопросы. Мне надоело сидеть здесь точно под стеклянным колпаком!

– Не волнуйтесь, вы всё узнаете, правда не от меня.

– Тогда от кого же? – досадливо поморщился журналист.

Ему вдруг перестал нравиться этот представитель Интерпола, к которому, вначале их разговора, испытал такую симпатию, посчитав сочетание спокойной силы с пронизательным взглядом голубых глаз, за образец полицейского. – Сиделка у меня немая, профессор не знает, что творится у него в доме, не то что в мире.

– Сиделка у вас действительно немая, – засмеялся Амбуаз, – но вот насчёт профессора вы глубоко ошибаетесь. Он вёл себя так по моей просьбе. Но, повторяю, не волнуйтесь. Вы всё получите сполна.

В комнату, как всегда стремительно и тяжело дыша, вошёл профессор Лайом.

– Инспектор, вы задержались на целых пятнадцать минут, – сердито посмотрел он на Амбуаза.

– Ход расследования не позволял мне уйти раньше, – отшутился инспектор.

«Борьба титанов», – усмехнулся про себя Фертран, срав-

нивая этих двух крупных и так не похожих друг на друга людей. Если Амбуаз, с его подтянутой фигурой, мог наверно, не запыхавшись выстоять на ринге не меньше пяти раундов, то Лайом, с трясущимися сиреневыми щеками и заплывшим жиром торсом, не мог без одышки даже встать со стула. Однако, в своём халате стального цвета, безуспешно пытавшемся стянуть тоненькими завязками его расплывающиеся тела, он выглядел довольно внушительно.

– Профессор, – Леже, как последний интриган, попытался подлить масла в огонь, – инспектор сказал, что это вы введёте меня в курс последних событий в мире.

– И не подумаю, – с громким сопением выдыхая воздух, безапелляционно заявил Лайом, подходя к столику с приборами, – моё дело лечить вас, а не занимать рассказами политических анекдотов.

– Сейчас вы узнаете кто, – опять засмеялся Амбуаз.

Не успела широкая спина инспектора скрыться в коридоре, как дверь тут же распахнулась и в палату ворвалась Элен, похожая на подростка, по сравнению с Амбуазом.

– Леже! – закричала она, бросаясь к журналисту. – Наконец-то, это церберы меня пропустили.

– Благодарю за комплимент, мадмуазель, – отозвался Пьер Лайом, поднимая голову над столиком с приборами.

– О, профессор! – смутилась девушка. – Я вас не заметила.

– Конечно, – проворчал тот. – Моя комплекция такова, что меня можно и не заметить.

– Но, я честное слово... – попыталась оправдаться Элен.

– Ладно, ладно, – махнул рукой профессор. – Не задерживайтесь слишком долго, не следует переутомлять больного.

Когда Лайом вышел, девушка осторожно погладила руку Фертрана между наклепленными электродами и спросила – Тебе больно?

– Нет, – устало ответил журналист. – Но, знаешь, всё это мне порядком надоело.

– Потерпи. Профессор сказал, что, если так пойдёт и дальше, то скоро ты будешь в полном порядке.

«Может и так, – подумал Фертран, – но всё же жаль, что эти бандиты спалили особняк. От того, чем они меня пичкали, хоть это был и яд, как утверждает профессор, у меня всё же не отнимались ни руки, ни ноги.»

Журналист поднёс руку к голове, но, наткнувшись на пучок электродов в избытке торчащих у него на голове, досадливо откинулся на подушку.

– Ну, ладно, давай, рассказывай.

– А что бы ты хотел услышать? – осторожно спросила Элен.

– Всё!

– Но, мсье Лайом сказал, что тебе ещё рано волноваться, а события таковы, что... – она задумалась, подбирая слова поосторожней.

– К чёрту, – хмуро прервал её Фертран, глядя в потолок. – Как же я могу не волноваться, если ничего не знаю? Или рас-

сказывай, или повешусь на капельнице, – довольно вяло пошутил он, словно такая мысль и впрямь не раз приходила ему в голову.

– Ну, хорошо, – сдалась Элен. Ей было не по себе от созерцания такого подавленного состояния Фертрана. – Значит так: как только страны НАТО сняли морскую блокаду Японии...

– Стой, стой, стой! – у журналиста от удивления разом пропала вся меланхолия. – Какая блокада? При чём здесь Япония? Я что же, провалялся здесь несколько лет?

– Да, нет, – растерянно заморгала глазами Элен. – Ты здесь ровно неделю.

– Вот и рассказывай всё по порядку!

– С чего же мне начать?

– Как с чего? Что было после нападения на шоссе? «Письмо»-то нашли?

– Ты что же, правда ничего не знаешь? – Элен ласково провела по щеке Фертрана тыльной стороной ладони.

– Конечно, нет! – нетерпеливо воскликнул тот. – Ты же мне ещё ничего не рассказала.

– После нападения на шоссе... – медленно начала девушка. Она вдруг с удивлением подумала, что эти события, произошедшие всего несколько дней назад, и правда, кажутся сейчас чем-то невероятно далёким, даже немного нереальным, из-за всего, что они повлекли за собой. – ... бандиты отвезли «письмо» на полигон ВТК. Сообщали, что он распо-

ложен там же недалеко, кажется в Британи.

– Да, это так, – прервал её журналист. – Я был там перед нападением.

– Завидую я тебе, – Элен с уважением посмотрела на Фертрана. – Попасть в самую гущу событий! Для этого нужен твой нюх.

– Нет, – задумчиво покачал головой журналист, вспоминая свой предыдущий разговор со Скарелли и последствия, к которым он привёл. – Не завидуй. То, что я здесь и живой – случайность! Шутка Фортуны. Боюсь, я выбрал свою долю удачи за всю оставшуюся жизнь. Наверное, мне уже никогда больше не повезёт.

Он посмотрел в удивлённо протестующие глаза Элен, соображая, стоит ли говорить ей большее.

– В этой суматошной повседневности, – всё же решившись, продолжил он, – нам не мешает порой остановиться и оглядеться. Все эти дни, что я здесь валяюсь, у меня не раз была такая возможность.

– Раньше тебя никогда не тянуло остановиться, – осторожно, боясь чем-нибудь разрушить хрупкую сферу его доверия, сказала Элен.

Она вдруг почувствовала, как доверие, только что еле трепетавшее в его глазах, точно блики мыльного пузыря, стало расти, окутывая и согревая её всю.

Фертран ласково накрыл руку девушки своей ладонью и, уже без страха быть непонятым, продолжил:

– Я много передумал за эти дни. Прежде, я никогда не задавался мыслью, от чего зависит наша жизнь. Ты только подумай, она может оборваться от тысячи случайностей: запнуться и упасть, съесть какую-нибудь дрянь, попасть в аварию на земле, воде, воздухе, а теперь вот ещё и вне Земли.

– Но..., бояться жить смешно и, извини, даже глупо.

– Да, ты права. Бояться всего этого глупо! Но я сказал не всё. Оказывается, жить нам или не жить зависит ещё и от злой воли неизвестных нам людей. Быть в постоянном страхе, что в любую минуту ты можешь оказаться временной игрушкой в чьих-то грязных руках, разве это не страшно?!

– Но, ведь, об этом можно не думать, – пожала плечами Элен. – Точно так же, как об испорченных консервах.

– Да, – согласился журналист. – Но только до тех пор, пока не остановишься.

– И что же делать?

– Не знаю, – задумчиво ответил Фергран. – Кажется, этот мафиози сделал меня красным. Если только в коммунистических странах, действительно, такая безопасная жизнь, как они утверждают, то, наверное, там живут счастливые люди.

– Разве нельзя быть счастливым в капиталистических странах?

– Можно. Если только не останавливаться! – опять повторил журналист.

– А, может, вся эта меланхолия вызвана временным бездействием? – наигранно весело, спросила Элен, для которой

все страхи Фертрана, как она не старалась в них вникнуть, казались мухой раздутой до размеров слона. Даже их последний побег из плена Скарелли, Элен рассматривала не иначе, как не совсем серьёзное приключение с ужасами, но без риска для жизни.

Но, видимо, Фертран не намерен был делить с ней её оптимизма. Такая тёплая и уютная для Элен сфера его доверия тут же лопнула, обдав её холодными брызгами отчуждения.

– Возможно, – хмуро сказал Фертран. – Ну, ладно, рассказывай дальше.

– Значит, так, – вздохнув, сказала Элен. Она уже успела пожалеть о своей поспешности. Правда, сознание того, что они могут и были так близки и понятны друг другу, осталось у неё в груди маленьким, но тёплым огоньком. – Бандиты спрятали «письмо» на полигоне и сделали это так скрытно, что найти его не было никакой возможности. Но тут их спугнули, и как ты думаешь кто?

– Ты, – усмехнулся журналист.

– Нет, – укоризненно улыбнулась девушка. – До твоих возможностей я ещё не доросла. Их спугнули русские.

– Весело вы тут жили, – покрутил головой Фертран. – НАТО блокирует Японию, русские нас.

– Нет, нет, – успокоила его Элен. – Нас никто не блокировал. Просто русские узнали, что «письмо» что-то там излучает и, поэтому, сильнее, чем всё остальное, притягивается к земле. Или наоборот, притягивается сильнее и поэтому из-

лучает. – Элен на секунду задумалась. – Боюсь тебе наврать, я что-то в этом ничего не поняла. Короче, они привезли во Францию какой-то прибор, который мог «письмо» как-то засечь. Тогда эти из ВТК...

– Постой, при чём тут ВТК? – прервал её Фертран.

– Сейчас узнаешь. Ты же сам просил всё по порядку.

– Ну хорошо. Продолжай.

– Так вот, на этом полигоне было несколько крылатых ракет. Ты знаешь, Леже, – засмеялась девушка, – сочетание крылатая ракета у меня ассоциируется с бабочкой.

– А у меня с вороной. Особенно, если вспомнить, для чего они предназначаются, – хмуро усмехнулся журналист. – Не отвлекайся. Лирика подобного рода не вызывает у меня усиленной тяги к жизни.

– Очень жаль! – немного уязвлённая тем, что Фертран так просто разгадал её намерения, с вызовом сказала Элен. – Но я, глядя на твою отрешённую физиономию, чувствую себя палачом, рассказывая тебе все эти страсти.

– О, ты зря волнуешься. Ты видно забыла, что я тоже журналист и меня нельзя отправить на тот свет словом.

– Ну, смотри! Так вот, в одну из этих ворон, то бишь крылатых ракет, – не смогла удержаться, чтобы не съязвить девушку, – бандиты..., впрочем, это слово не совсем уместно. Мне всегда кажется, что бандиты – это какой-то плохо организованный сброд недалёких людей. Я, конечно, не навязываю тебе своего мнения.

Фертран на секунду прикрыл глаза в знак благодарности.

– Словом, «письмо» было засунуто в одну из этих ракет и отправлено прямо в океан, а ещё две ракеты, запущенные вместе с первой, чтобы замести следы, взорвали возле берега. На ракету с «письмом» случайно наткнулся японский батискаф и забрал её. Но, его тут же потопил крейсер ЮАР, который как раз шёл туда, чтобы забрать «письмо».

– Я совсем запутался, – сделал плаксивое лицо Леже. – То Япония, то ВТК, а теперь ещё и ЮАР. Я ничего не понимаю!

– Придётся потерпеть! – Элен была довольна представившейся возможности помучить журналиста. – Про это всё, опять же, как-то узнали русские. Так что ты не один стал красный, уже пол-Франции полевело. Русские сообщили нам, а мы, я имею ввиду французские корабли, окружили этот крейсер. Хотели тут же поднять батискаф, но запротестовали японцы, потому, видите ли, что бояться разглашения промышленной тайны и потребовали дожидаться их представителя. На это ушло два дня. А когда батискаф подняли, там оказалось два погибших человека. Один был мёртв давно, а второй, совсем молоденький мальчишка, был только немного ранен и задохнулся от нехватки воздуха. Представляешь, какое лицемерие, – возмущённо воскликнула девушка, – «промышленная тайна»!

– Я что-то не пойму, при чём здесь лицемерие, – удивился журналист.

– А при том! «Письма»-то на батискафе, на самом деле,

никогда не было!

– Как не было?! – от неожиданности сюжета, Фертран резко подался вперёд, и, в ту же секунду, на столике с приборами замигала какая-то лампочка.

– Что это?! – испугалась Элен.

– Ерунда! Не обращай внимания, – махнул рукой журналист. – Что же «письмо» утонуло?

– Нет, не утонуло, – девушка опять покосилась на мигающую лампочку. – Может лучше позвать профессора?

– Никого звать не нужно, – досадливо поморщился Фертран. – У тебя есть с собой несессер?

– Есть, – не понимая, куда он клонит, ответила Элен, раскрывая сумку.

Журналист вытянул из-за своей головы косу разноцветных проводов и, быстро перебрав, отделил один из них.

– Вот и всё, – воскликнул он, перерезая провод.

– А это не опасно? – спросила девушка, недоверчиво косясь на переставшую мигать лампочку.

– Нет, – нетерпеливо ответил Фертран. – Так куда же делось «письмо»?

– Ещё до того, как батискаф был подбит крейсером ЮАР, эти люди, по приказу своего начальства, отправили крылатую ракету с «письмом» на какую-то ближайшую подводную базу. А оттуда её вывезли в Японию. Ты понимаешь?! – вновь разгорячилась девушка. – Им просто нужно было выиграть время, чтобы самим заняться исследованием «находки». Что

за страна?! Это же какое-то варварство!

– Да, нет, – задумчиво возразил журналист, – страна самая обыкновенная. – Как там у вас в Англии говорят: в конце концов все страсти крутятся вокруг денег. Я не уверен, что, случись нам оказаться на месте японцев, мы бы действовали по-другому. Слишком велик соблазн выскочить вперёд.

– Ну, не знаю, – передёрнула плечами Элен. – Я бы так не поступила.

– Это хорошо, – серьёзно поглядев ей прямо в глаза, одобрительно сказал Фертран.

– Так вот, – смущённо покраснела под его взглядом девушка. – Что началось, когда всё выяснилось! Все страны ЕЭС объявили Японии войну. Установили ей морскую и воздушную блокаду. Тут вмешались США. Вот уж кого не люблю, так это американцев. Не даром к ним все относятся с подозрением. С одной стороны, объявили, что, для того чтобы избежать военного конфликта, становятся на сторону Японии, а с другой стороны, повели переговоры с Общим Рынком, чтобы войти с ними на равных правах в изучении «письма», если они помогут заставить Японию вернуть «находку».

– Ну и чем же кончилось дело? – журналист начал уже терять терпение.

– Японцы попросили Генерального Секретаря ООН быть посредником и через него сообщили, что это действительно послание более развитой цивилизации к нам. Но написано таким образом, что для его расшифровки нужны вычисли-

тельные комплексы с такой оперативной памятью и производительностью, каких сейчас нет ни у одной страны мира. Даже, если собрать все «Объединённые мозги» США, Японии, Общего Рынка и СССР с Восточной Европой и переключить на решение только этой задачи, то и тогда, дело выглядит проблематичным и займёт неизвестно сколько времени.

– Да-а-а, – протянул журналист. – Ребята, подсунувшие эту штуку, были не дураки! Значит, в настоящее время поодиночке ни одна страна и даже несколько стран, справиться с этим посланием не смогут. Или объединяйтесь все вместе, или можете положить наш подарок в музей до лучших времён!

– Выходит так, – кивнула головой Элен.

– И где же это письмо? Что говорят политики?

– Письмо в ООН. А политики ничего не говорят, им не до того, они воюют с ЮАР.

– С ЮАР?!

– Конечно! Там укрылся практически весь совет директоров ВТК. И правители ЮАР не собираются их выдавать.

– Опять я ничего не понимаю, – с досадой сказал Фертран. – При чём тут ВТК?!

– Сейчас я всё объясню, – успокоила его девушка. – На крейсере, который потопил японский батискаф, был высокопоставленный представитель правительства ЮАР. Он фактически управлял кораблём и велел топить батискаф. Так вот, этот человек оказался одним из содиректоров ВТК. Ко-

гда его арестовали и этот мистер Смайлз, так кажется, понял, что ему угрожает, он, за свою жизнь, предложил свидетельства, что похищение письма спланировала и провела Всемирная Технологическая Компания.

– Вот теперь, всё правильно, – задумчиво произнёс журналист.

– Так вот, сейчас все политики и спорят, что же делать с ВТК. Одни, особенно социалистические и развивающиеся, предлагают директоров судить, а весь капитал отобрать. Другие, особенно США, против того, чтобы эта компания перестала существовать. Они согласны только на то, чтобы судить некоторых виновных. Словом, неразбериха, в которой сам чёрт голову сломит.

– Чем же это кончится? – покачал головой Фертран.

– Тем, что вы загноётесь! – раздался вдруг сердитый голос, вошедшего в палату профессора Лайома.

– А вас я попрошу выйти! – повернулся он к Элен. – Чем вы обрезали ему провод?

– Это не я, – испугалась девушка, прижимая к груди сумку.

– Я его перегрыз зубами, – попытался разрядить атмосферу Фертран, подмигивая Элен.

– Как бы эта шутка не оказалась последней в вашей жизни, – проворчал Пьер Лайом, нажимая на кнопку звонка.

– Где ты была всё утро? – с досадой воскликнул Фертран,

когда на следующий день возбуждённая Элен ворвалась в его палату.

– Профессор Лайом у тебя уже был? – вместо ответа спросила девушка.

– Нет. Он никогда не бывает у меня раньше полудня. А что случилось?

– Да уж случилось! – Элен нетерпеливо подошла к столику и несколько раз резко нажала на кнопку звонка.

– Я уже здесь, перестаньте трезвонить, – ворчливо отозвался из дверей профессор, входя в палату в сопровождении дежурного врача.

– Словом так, – повернулся он к журналисту, оглядев приборы на столике, – я вас отпускаю, хоть и считаю, что ещё слишком рано. С другой стороны, – вдруг устало добавил он, – возможно завтра, нам всем уже будет слишком поздно, что-либо делать.

– Да, можете вы мне объяснить, что случилось?! – закричал Фертран, хватая за руку Элен, которая бросилась помогать дежурному врачу отцеплять датчики с головы журналиста.

– Ядерная война! Вот что!

– Как?!

– Вы зря так паникуете, мадмуазель, – дежурный врач укоризненно взглянул на девушку. – Не будет никакой ядерной войны. Президент Соединённых Штатов лично заявил, что не допустит этого. Самое большое, что может быть – это

несколько ядерных взрывов.

– Над нашей головой хватит и одного, – вздохнул профессор, складывая руки на животе.

Журналист уже набрал полные легкие воздуха, желая разразиться ругательствами и требованиями объяснений, но, тут Элен, вдруг успокоившись, остановила его жестом руки.

– Твой Скарелли вчера заговорил.

– Ну и что?

– Помнишь, ты мне говорил, что дело Бенджамина, это просто смена власти?

– Конечно помню. Я и сейчас в этом уверен.

– Ты просто ясновидец, Леже. Сейчас я тебе расскажу, как всё было.

– Одну минуту, – прервал её профессор Лайом. – Я с вами прощаюсь. Если вдруг почувствуете себя плохо, заходите, – повернулся он к Фертрану. – Если, конечно, мы не встретимся ещё раньше на том свете.

Журналист вдруг увидел, что Пьер Лайом боится. Вначале, ему стало неловко и даже стыдно за малодушие профессора, но, тут же появилась мысль: «А, собственно, почему? Почему человек не должен бояться за свою жизнь? И почему его жизни должен кто-то угрожать?»

– Спасибо за всё, профессор, – подбадривающе улыбнулся он, – На том свете мы скорее всего не встретимся. Я вряд ли попаду туда, – журналист кивком головы, указал на небо.

– Я тоже, – покачал головой Лайом, вслед за дежурным

врачом, выходя из палаты.

– А одежда? – крикнул Фертран, вспоминая, что всё ещё одет в больничный халат.

– Сейчас принесут, – отозвался профессор уже из коридора.

– Представляешь, какая тактичность, – повернулся журналист к девушке, – и не слова о плате за лечение.

– А что он должен был говорить, если я за тебя уже заплатила?

– О! Ты меня выкупила?! Поверь я...

– Нет, милый, – прервала его Элен. – Я тебя купила. Теперь ты мой раб!

– Я, конечно, польщён, – насмешливо изысканным тоном, начал журналист, – но стоило ли из-за меня входить в такие расходы. Или может вы полагаете, мадмуазель, что роль Альфонса мне больше к лицу? Не мешало бы спросить и моё мнение на этот счёт.

– Твоё мнение спрашивать бесполезно, – безапелляционно заявила девушка. – И так ясно, что ты не платежеспособен.

– Что?! Разве мой банк обанкротился?

– О, я не знаю таких частных! Мне известно только, что все банки в панике и биржи закрыты.

– Это ещё почему?

– Посуди сам, нет такого банка, который не имел бы дала с ВТК. А после того, что произошло, акции начали такой

галоп!

– Ну, а что же произошло? Кто с кем воюет? Я так ничего и не понял.

– Пока ещё не воюют, но могут начать в любую минуту, – Элен, словно очнувшись, нервно подошла к столику и, в который раз, с ожесточением нажала на кнопку звонка. – Когда же, наконец, принесут твою одежду?!

– Может ты хотя бы сообщишь, куда мы так спешим? – Фертран поймал девушку за руку и привлёк к себе.

– Подальше отсюда, – вырываясь, ответила та, – Т-с-с! Ну, наконец-то! – подхватывая у кого-то в дверях костюм Фертрана, воскликнула Элен. – Одевайся!

– Не буду! – делая вид, что пытается опять лечь в кровать, сердито ответил журналист. – Пока ты мне всё не объяснишь, я никуда отсюда не уйду. Мне здесь нравится! На случай войны здесь и крематорий рядом.

– Но, я тебя прошу, Леже, одевайся скорее! – чуть не плача воскликнула девушка. – В машине я приготовила для тебя стереодиск. Там все последние новости.

– Это другое дело, – натягивая брюки, смягчился Фертран. – Осталось только узнать, куда мы направляемся сейчас.

– К моим родителям. В департаменте Мен-и-Лаура у нас родовое гнездо.

– О! И тебе не стыдно будет появиться там в обществе плебея?

– Ах, Леже, перестань болтать глупости.

– Ничего себе, глупости! Ты же сама мне всё время твердила, что твои родители ни с кем ниже пэров Франции дружбу не водят.

– Ты сам в этом виноват.

– Я!?

– Конечно! Если бы ты не был таким заносчивым, мне не пришлось бы нести всю эту ерунду...

– Так то, что родители хотят тебя выдать замуж за какой-то атавизм феодальной системы Франции, было шуткой?

– Это было моим оружием против твоей невнимательности, – мягко возразила девушка, поправляя ворот рубашки, выбившийся у Фертрона из-под ворота пиджака.

– Ах, я и-д-и-о-т, – протянул журналист.

– Да, Леже, – немного смущённая своим признанием, подтвердила Элен.

– Тогда к чёрту «родовое гнездо»! Немедленно в мэрию! – вскричал Фертарн, увлекая девушку к лифту. – Я хочу, чтобы в пекле ядерной войны, мы сгорели как муж и жена!

– Что ты?! – испуганно округлила глаза Элен. – Вначале, я должна познакомить тебя с моей мамой.

– Зачем?

– Как зачем?! Не могу же я выйти замуж за первого встречного мужчину!

На улицах, наряду с обилием машин, было очень мало пе-

шеходов. Эта диспропорция просто бросалась в глаза.

– Дело обстоит очень тревожно, – ответила на его вопрос Элен. – Многие спешат покинуть большие города и укрыться на время в более безопасном месте. – Я считаю, что нам тоже нечего здесь пока делать. Тем более, что в подвале нашего замка, если можно его так назвать, есть хоть и старое, но крепкое бомбоубежище. Смешно сказать, но мой прадед строил его опасаясь русских. Ну, да ничего, в нём вполне можно спастись и от проклятых капиталистов.

Фертран стал уже уставать от болтовни Элен. Он, даже, хотел было подпустить обычную в таких случаях шпильку типа: ты рассуждаешь как обыватель-аристократ, а не как журналистка. Но вовремя сдержался, сообразив, что всё это она говорит, чтобы завлечь его и, возможно, искренне желая спасти.

– Посмотрим, – прервал он девушку, когда та начала описывать какие у них там прекрасные луга и что ему тоже достанется чистокровная гнедая лошадь с белой звёздочкой на лбу и покладистым характером, поскольку он, Фертран, по видимому, не очень опытный наездник. – Но, вначале, мне нужно заглянуть в редакцию. Шеф передавал с инспектором привет и, при первой возможности, просил публично покаяться.

– Это надолго?

– Нет, полчаса, не больше. Я не собираюсь отдавать им всё сразу. Посмотрю, какое впечатление оставит первый репор-

таж. А то, может быть, стоит удвоить цену. Вот только где бы взять грузовик на время?

– Зачем тебе грузовик? – удивлённо повернулась к нему Элен.

– Но ты же сама мне сказала, что деньги обесценились. Придётся брать натуральными продуктами!

Элен засмеялась. Она была рада, видеть Фертрана повеселевшим, каким он был обычно.

– Пока ты будешь в редакции, я заеду домой и соберу вещи.

– Вот и прекрасно. – сказал Фертран, вставляя диск в панель и надевая очки со стереоэкранами. – Тогда выйдешь у редакции.

– Милый, ты ничего не спутал?! – возмутилась девушка. – Это моя машина!

– Раве я сказал, что это не так? – приподнимая очки на лоб, спокойно спросил журналист. – А что ты хотела?! Мне ведь тоже нужно заскочить домой и надеть смокинг для встречи с твоими родственниками. А сейчас внимательно следи за дорогой, ты везёшь почти национального героя Франции. По крайней мере, так мне пообещал инспектор.

Фертран надвинул очки и, откинувшись на спинку кресла, добавил менторским тоном, – Так! Попробуем разобраться, что вы тут без меня натворили!

Из приготовленного Элен стереодиска, журналист узнал следующее. Когда Всемирная Технологическая Компания

решила организовать собственное космическое дело, она не смогла уложиться в те деньги, которые намечались первоначально. Один за другим два сильнейших экономических кризиса и потеря в некоторых странах, пожелавших проводить более независимую экономическую политику, дешёвой рабочей силы, так подорвали её бюджет, что глиняные ноги колосса грозили подкоситься. Тогда, в поисках финансовых поступлений, совет директоров компании решил обратиться к... европейской мафии. Но не к старым всем известным мафиози, а только к их деньгам. Для отлучения «стариков» от денежных потоков, был разработан план видимости разгрома мафии, как социального явления. Главным исполнителем был выбран молодой подающий надежды делец чёрного бизнеса по фамилии Скарелли. По собранным о нём данным, он принадлежал к абсолютно беспринципным молодым даранним, которые скрепя сердцем терпели существование более сильных воротил. Тогда-то между ними и был заключён договор. ВТК бралась сделать Скарелли «крёстным отцом» всей европейской мафии, тот же, в свою очередь, должен был уговорить своих дружков, которые вместе с ним придут к власти, в течении десяти лет закупить у ВТК двадцать процентов акций. Что и было, так сказать, скреплено нашумевшим процессом по делу Бенджамина.

Но, со своим космическим проектом, компания, как известно «села в лужу». Это грозило большим скандалом, соглашение между ВТК и мафией держалось в строжайшей

тайне. Единственным посредником между ними был синьор Скарелли. Который, для большей предосторожности, совсем устранился от подпольных дел, но и открыто не вошёл в совет директоров компании, хотя присутствовал на всех её решающих заседаниях. Только возможный успех на новом не менее грандиозном направлении мог помешать разразиться скандалу между компанией и, почувствовавшими себя обманутыми, мафиози. Таким проектом стало создание и внедрение в жизнь человеко-роботов.

А возможности, которые открывались перед ВТК, после своевременного приобретения открытия некоего профессора одиночки Уолстрона, действительно были фантастические. Этот молодой, энергичный и очень амбициозный, но морально и политически беспринципный человек, изобрёл материал, который, при пропускании через него электрического тока, сжимался так же, как биологическая мышца. Всё остальное, так сказать, было уже делом техники. После почти пятнадцатилетнего труда в тайных лабораториях ВТК, профессор Уолстрон мог похвастаться тем, что человек-робот готов. И это оказалось очень кстати.

Чтобы выпутаться из создавшейся ситуации с мафией, хозяева ВТК решились на грандиозный по своему размаху и цинизму план. Он заключался в следующем. ВТК собиралась скрытно наладить массовый выпуск человеко-роботов, наводнить ими одну из стран и устроить там переворот, с приходом к власти контролируемого ими правительства. Затем,

тоже самое провести в следующей стране и так далее. Начать предполагалось со слабо развитых стран, но, в последствии, боясь рассекречивания и неминуемого провала, совет директоров решил пойти ва-банк. Рассуждали так. Мир разделён, грубо говоря на четыре части: страны Западной Европы, США, страны социалистической ориентации, во главе с СССР и Япония с некоторыми странами Азии. Страны Западной Европы не подходили из-за слишком малого эффекта переворота в каждой отдельно взятой стране, провести что-либо подобное в СССР не представлялось реальным, Япония по своему укладу была слишком экзотична, оставались Соединённые Штаты Америки.

Подчиняя себе США, стратеги из ВТК автоматически овладевали, по крайней мере, четвёртой частью мирового промышленного потенциала и значительной частью политического влияния. Внутриполитическая структура Соединённых Штатов, тем более при наличии сильного лобби в верхних эшелонах власти, способствовали осуществлению плана.

Когда, благодаря синьору Скарелли, всё это стало известно, США стали притчей во языцех. Насмешкам над этой страной не было бы конца, не стань положение в мире таким критическим. Президент США, до этого ратовавший за спасение Всемирной Технологической Компании, приказал наложить арест на всё имущество и банковские счета ВТК. Тоже самое поспешили сделать и остальные страны, кото-

рые, конечно, могли себе это позволить. Казалось, что теперь, когда ВТК изменил их последний союзник и защитник, совет директоров компании будет безусловно выдан правительством ЮАР на всеобщий суд народов. Но события, уже в который раз, приняли совершенно неожиданный оборот.

Правительство ЮАР перестало существовать. Оно не ушло в отставку, оно испарилось. Как выяснилось, вся верховная власть в ЮАР существовала только номинально. Она была подставной. Фактически этой страной уже давно правила ВТК. Теперь, когда маска приличия стала излишней, её просто сбросили.

Сразу же после, так сказать, переворота совет директоров компании, он же фактическое правительство Южно-Африканской Республики, предъявил странам, осуществляющим блокаду, встречный ультиматум. Они потребовали: в течение семидесяти двух часов блокада ЮАР должна быть снята, все авуары ВТК возвращены, преследование кого-либо из совета директоров официально прекращено, виновный, в трагической гибели астронавтов и сопровождающих их людей «крестный отец» европейской мафии Скарелли, и так находится под арестом у французов. В противном случае, после истечения указанного в ультиматуме срока, совет директоров или, если угодно, правительство ЮАР, оставляет за собой право в качестве защиты и аргумента, применить ядерное оружие. Причём, пусть никто не надеется, что сможет справиться с возникшей ситуацией, превентивным ядер-

ным ударом по территории ЮАР. На многочисленных полигонах ВТК по всему миру, найдётся немало ядерных зарядов и средств доставки, чтобы сделать жизнь в любой стране, а скорее всего и на всей Земле, не самым лучшим местом существования людей, в ближайшие несколько десятков лет.

Вот почему Элен так спешила увезти Фертрана из Парижа, по которому, как она полагала, эти бандиты из ВТК обязательно трахнут, просто из желания отомстить.

Глава 9. «Если не останавливаться...»

Директор ЦРУ США Джек Оулдман, прежде чем направиться к «хозяину», зашёл в комнату для мужчин и остановился перед зеркалом. В свои пятьдесят пять лет Оулдман выглядел довольно неплохо. Из зеркала на него смотрел импозантный мужчина с короткой уставной причёской «ёжиком», на висках чуть тронутой сединой, и грубоватыми чертами лица. Красноватый оттенок кожи, который смело можно было выдать за обветренность, придавал облику Оулдмана независимый и, в то же время, располагающий к доверию вид. В его лице было что-то от первых пионеров, покорителей Дикого Запада, как их изображали в комиксах.

Оставшись довольный своим отражением в зеркале, никакого самодовольства, бесстрастное, чуть усталое выражение, Оулдман взглянул на часы. Осталось три минуты. Пора идти. Президент любил точность.

Когда Джек вошёл, хозяин Белого Дома сидел в глубоком кресле перед экраном монитора. Он всегда встречал посетителей сидя или стоя за столом. Дело в том, что у президента ноги были чуть-чуть коротковаты для его роста. И, хотя эта небольшая диспропорция почти не бросалась в глаза, да и мало кто придавал бы этому хоть какое-то значение, всё же

он предпочитал не выставлять на всеобщее обозрение свои недостатки.

– Здравствуй, Джек, – кивнул он на приветствие и указал на приготовленный стул рядом с собой.

Оулдман сел. Начало было пугающим. С этой стороны стола ему сидеть не приходилось.

Во весь экран монитора была растянута фотокопия передовой статьи «Нью Йорк Таймс». Заглавие гласило: «Кто нами правит?». В самом центре статьи была помещена довольно большая карикатура на президента, с торчащим у него из спины заводным ключом. Выждав некоторое время, видимо, чтобы на шефа ЦРУ рисунок произвёл достаточное впечатление, хозяин Белого Дома нажал на клавишу. Экран мигнул. Теперь на ней была первая страница «Вашингтон Пост».

– Здесь мы уже вместе, – прокомментировал президент, помещённую здесь карикатуру.

На ней были изображены президент, гос. Секретарь и директор ЦРУ, сидящие в луже.

– Не помню уж какой политик прошлого, собирал о себе все сообщения в прессе, даже карикатуру, – вновь прервал молчание глава администрации. – У тебя, Джек, нет такого хобби?

– Нет, сэр, – запнувшись, ответил Оулдман.

Он чуть не сказал: «У меня нет на это времени». Но вовремя сообразил, что естественным продолжением и возможным окончанием разговора, да и его карьеры, могут оказать-

ся слова: «Теперь у тебя будет его достаточно!»

На экране монитора статью из газеты сменил портрет. Лицо этого сравнительно молодого, улыбающегося человека с энергичными чертами, было, конечно, знакомо Оулдману.

– Это тридцать пятый президент Соединённых Штатов, – словно отвечая на его мысли, сказал хозяин Белого Дома, – Джон Кеннеди.

Как всегда, в таких случаях, когда имя человека соединилось с внешним обликом, директор ЦРУ тут же вспомнил всё, что знал о бывшем президенте. Теперь он ясно представил себе весь дальнейший ход разговора и, даже, наметил себе то место, где ему следовало перехватить инициативу. Слава богу, нынешний президент был довольно консервативен в выборе схем подобного рода разговоров. В начале, он всегда показывал провинившемуся всю полноту его проступка, как бы обосновывая ту меру наказания, которую он приготовил, и это давало возможность подготовиться к разговору заранее.

– Мне симпатичен этот парень, – продолжал, между тем, президент, любуясь или делая вид, что любит, портретом. – Я бы хотел быть на него похожим. Ты помнишь, что он сказал после неудавшегося переворота на Кубе? Он сказал: «Если бы я был британским премьером, меня бы с треском выгнали, а в Америке – по-другому, чем хуже мои дела, тем больше я популярен». Правда здорово?! А, Джек? М-да!

Экран монитора мигнул в очередной раз. Теперь на нём

была кривая популярности президента, сообщённая сегодня Институтом Гэллапа. Чёрная полоска, ещё недавно с небольшим трепыханием упорно карабкавшаяся вверх, вдруг обрывалась резким уступом. На вершине был, опять же, изображён президент уже занёсший ногу над пропастью.

– Жаль, что времена подобного рода шуток ушли, – хозяин Белого Дома побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, задумчиво глядя на экран, – А знаешь, что ещё сказал тогда Кеннеди?

«Пора!» – подогнал себя Джек Оулдман. Он прекрасно помнил эту крылатую фразу, с которой Аллен Даллес был выпнут из ЦРУ.

– Те времена не сложно вернуть, сэр! – как можно веселее сказал он.

– Вот как?! – наигранно весело воскликнул президент, всем корпусом поворачиваясь к шефу ЦРУ. – И кто же это сделает?

– Вы, сэр!

– Очень интересно! И что же посоветует ЦРУ, чтобы выйти сухими из лужи, в которой мы по вашей вине оказались?

– То же, что сделал в своё время Кеннеди – попытку переворота! – выдержав пристальный взгляд президента, ответил Оулдман.

– Ну, хватит! – хлопнув по ручке кресла и вставая, сказал хозяин Белого Дома. – Мало того, что вы, мистер Оулдман, подвели меня и весь народ Соединённых Штатов своей

некомпетентностью, у вас ещё хватает смелости шутить?

– Нет, сэр! – вскакивая вслед за хозяином, торопливо сказал шеф ЦРУ. – Это не шутка. Мне нужно всего три минуты. Даже осуждённому на смерть даётся право последнего слова. Речь пойдёт об ЮАР!

– Что ж, – безразлично усмехнулся президент, – тема стоит того, чтобы затратить на неё три минуты. Но, не больше!

– Все мы понимаем, что спасти положение ваше, партии и США могло бы быстрое и кардинальное изменение положения в ЮАР в нашу пользу, – начал шеф ЦРУ.

– Хорошо бы, конечно, – саркастически изрёк президент, переходя к окну, – но, разве это в ваших силах?

– Да! – как можно твёрже сказал Оулдман. – Вы слышали об организации в ЮАР именуемой себя «белые против расовой дискриминации»?

– Какая-то левая группировка. Не иначе как на содержании у коммунистов, – нехотя ответил президент, с интересом наблюдая, как садовник под окном на газоне, пытается оштрафовать одного из его секретарей за прогулку с собакой в неподобающем месте.

– Не совсем так, сэр. Организация, действительно, левая, но содержится она в основном на наши деньги и возглавляет её наш агент.

– Так, так, – весело сказал президент, поворачиваясь от окна к Оулдману. – Очень хорошо! А недавний левый переворот в Доминиканской Республике это тоже ваших рук де-

ло?

– Нет, сэр, – впервые позволил себе немного расслабиться и, даже, чуть-чуть улыбнуться шеф ЦРУ. – Это было при прежнем директоре. Но, если серьёзно, то дело обстоит так. По договорённости с министром внутренних дел ЮАР, нами была разработана операция по объединению всех оппозиционных правительству групп. Течение среди белых возглавил наш агент, внедрённый туда несколько лет назад. Вы помните о нашумевшей майской демонстрации прошлого года? Тогда все сочли бездействие правительства, как его слабость. На самом деле, эта акция была проведена по нашей инициативе, для поднятия доверия к нашему агенту. Цель всей задуманной операции – одним ударом расправиться со всем оппозиционным движением в стране. Для этого были объединены белые и чёрные антиправительственные группировки и разработан всесторонне обоснованный план левого переворота в стране.

– Здорово, ничего не скажешь. Вы случайно не коммунист? – президент прошёл и сел в кресло за столом. Было непонятно, то ли он одобряет, то ли насмехается над Оулдманом.

– Нет, сэр. Восстание давало право правительству принять самые решительные меры. Всё руководство переворота подлежало немедленному уничтожению, с последующим прореживанием населения силами армии и полиции. Эту последнюю часть операции должен был разработать и провести

сам министр внутренних дел. Но, сейчас он снят, и я даже не знаю, насколько успел он в этом продвинуться. Но в любом случае, мы являемся единственными обладателями первой половины дела. Раз не поступало сообщений об арестах в верхах, значит план продолжает жить. И мы может попытаться его осуществить самостоятельно.

– А если он провалится? – быстрота, с какой президент задал вопрос, выдала его с головой.

– Всё равно. Мы объявим, что все действия ВТК в ЮАР были у нас под контролем с самого начала. И, если мы ничего не предпринимали, то только потому что хотели покончить с ВТК и апартеидом одним махом! – с еле скрываемым торжеством в голосе, ответил Оулдман.

Президент резко хлопнул ладонью по столу.

– Да будет так! Беру свои слова обратно, Джек. Будем считать, что ты компенсировал свою ошибку на одном фронте старательной работой на другом. Похоже времена Кеннеди, действительно, ещё не канули в лету. Сколько нужно времени, чтобы начать действовать?

– Практически ни сколько. Я только дам условный сигнал и кое-какие инструкции. Вот только, что делать с теперешним правительством ЮАР? Раньше был его арест с последующим всенародным судом, а теперь...

– Теперь этого делать нежелательно. Нужно порвать эту пуповину, которая нас с ними связывает, раз и навсегда. В конце концов, это только возмездие.

– Всё ясно, сер!

– Можешь называть меня просто Боб. Такие парни, как ты, мне нужны, Джек. Мне даже кажется, что ты разбираешься в политике на уровне госсекретаря, – многозначительно добавил президент.

Сердце Оулдмана счастливо ёкнуло. На такую удачу он, признаться, не рассчитывал, хотя о неминуемой смене власти в госдепартаменте не сомневался. В свете того, что сейчас приняло облик действия, вчерашнее эмоциональное выступление госсекретаря делала эту должность вакантной.

– И вот ещё что, – остановил глава Белого Дома, пятившегося к двери, точно с королевского приёма, директора ЦРУ, – если дело выгорит, сразу же представь мне план с мерами по ликвидации этого левого правительства.

– Поправь шлем, – бросил Морис напарнику, – мимо их логова нужно проезжать застёгнутым на все пуговицы, если не хочешь остаться без работы.

– Это уж точно! – согласился Леон, выпрямляясь на сиденье и поправляя съехавший набок шлем синхронного наведения огня пулемётов. – Извини, я немного раскис. Малыш не даёт сомкнуть глаз, а Люси... да что говорить, – он устало махнул рукой, провожая взглядом здание префектуры полиции.

– Ничего, – подбодрил его напарник. – Скоро кончится твоя стажировка, тогда у тебя будет жалованье, на которое

сможешь нанять не одну, а сразу две няньки.

Леон мечтательно вздохнул и надвинул на глаза очки оптического прицела. Улица резко прыгнула навстречу. Обшаривая глазами идущие по ней электромобили, Леон то и дело натывался на отсутствие у них на отсутствие у них одного, двух, а то и всех, стёкол. Это были последствия экстренного положения в стране и последующей компании по борьбе с мафией. Вышедший тогда указ, с предписанием немедленно снять со всех без исключения машин светонепроницаемые стёкла, не на всех произвёл должного впечатления, и на первых порах полиции пришлось немало потрудиться металлическими прутами, проводя его в жизнь. Единственные, кто был им благодарны, это фирмы, занимавшиеся поставками запчастей к автомобилям.

Леон устало зевнул и включил диапроектор, с фотографиями лиц, подлежащих задержанию. В правом нижнем углу оптического прицела, не загораживая общего обзора, засветился экран, на котором через каждые двадцать секунд сменялись фотографии преступников, и нежный женский голос перечислял их достопримечательности.

«Ну и рожа! – усмехнулся Леон, когда на экране возник, разыскиваемый женой корсиканец, сплошь заросший волосами. – Если такого подстричь и побрить, его не то что мы, сама жена не узнает!» Он погладил свой подбородок, ту его часть, что не была скрыта шлемом. Сегодня утром ему не удалось побриться. Слава богу, у него растительность не та-

кая обильная, как у этого типа и, если один день не побриться, этого почти не видно. «После дежурства, если не заставят крутиться третью смену, загляну в косметический кабинет, – решил он. – Побреюсь и заодно узнаю, что это за раздражение появилось у меня на лице».

Вдруг Леон поймал себя на том, что внимательно следит за красным спортивным электромобилем, иногда чуть высывающимся из-за рефрижератора. Он не мог наверняка сказать, чем именно привлёк его внимание этот электромобиль. Но, по своему, пусть пока ещё и небольшому, опыту уже знал, что подсознание не зря забило тревогу, вырываясь наружу внутренним холодком, от которого задерживалось дыхание и напрягались мышцы живота, точно перед встречей с неминуемой опасностью.

– Внимание, – сдавленно сказал Леон, поднимая, предварительно закрыв глаза, очки оптического прицела, на лоб.

– Что?! – односложно спросил Морис, чуть поворачивая к нему голову и внимательно осматривая улицу в поисках чего-либо подозрительного.

– Красный «Ягуар».

– Кто это? Ты его узнал? – Морис, не обращая внимания на сердитые сигналы сзади идущих автомобилей, стал проталкивать в крайний левый ряд и притормаживать.

Леон молча пожал плечами и положил руки на гашетку. Спаренные пулемёты на крыше полицейского патруля тут же ожили, следуя за поворотами его головы.

Рефрижератор приближался.

– Убери руки с гашетки, – посоветовал Морис. – С этой игрушкой не долго и до беды.

– А, если это «особо»? – напряжённо спросил Леон, пристально вглядываясь вперёд.

Термином «особо» в полиции назывались преступники, при задержании которых разрешалось применять оружие без предупреждения.

– Всё равно брать его здесь рискованно. Слишком оживлённое движение, – Морис начал жалеть, что согласился взять сегодня напарником этого стажёра. Он вообще побаивался молодых, для которых ещё не стало ясно, что собственная жизнь несравнимо дороже служебного рвения. Даже, если у тебя на иждивении жена с маленьким ребёнком и совсем нет денег.

Его напарник не успел ничего ответить. Из-за рефрижератора, до которого было не более нескольких метров, вдруг резко выскочил красный «Ягуар». Видимо, его водитель заметил свободное пространство, которое образовалось перед притормаживавшим электромобилем полицейских.

На какую-то долю секунды машины оказались лоб-в-лоб. Леон вздрогнул от неожиданности и нажал на гашетку.

Лобовое стекло «Ягуара» словно высветило и, тут же покрывшись паутиной мелких трещин, скрыло от них удивлённо расширенные, но, в то же время, бесшабашно насмешливые глаза водителя. Выполняя последнюю волю своего хозя-

ина, «Ягуар» резко вильнул влево и вновь скрылся за прикрывавшей его машиной.

Проскочивший мимо патрульного электромобиля, рефрижератор, словно занавес, открыл ужасающую картину. «Ягуар», на большой скорости ударившись о парапет тротуара, высоко подпрыгнул и, заваливаясь набок, врезался в витрину какого-то бара. Тут же, над машиной, точно знамения собой раздел между жизнью и смертью, вспыхнул, рассыпаясь тающими осколками, снег стёкол. И, словно скованное этим снегом, всё кругом вдруг замерло.

Морис повернулся к Леону и, растерянно глядя на него, тихо сказал:

– Его же вчера сняли. Вчистую.

Ничего не отвечая и, казалось, даже не слыша и не видя своего напарника, Леон расстегнул кнопки шлема и, стянув его с головы, медленно вытер крупные капли пота, выступившие на лбу. Его мозг всё ещё сопротивлялся верить в случившееся.

Морис перевёл взгляд на тротуар. Возле разбитой витрины, опасно косясь на полицейский патруль, уже собирались какие-то люди. Поправив висевший у него на ремне передатчик, Морис открыл дверцу и быстро подошёл к повреждённому электромобилю. Шушукающие между собой люди расступились, давая ему дорогу. Водитель был мёртв, это было видно сразу. По счастливой случайности больше никто не пострадал. Морис отогнал подальше любопытных и, ещё

раз взглянув на сидевшего неподвижно Леона, нажал кнопку вызова диспетчера участка.

Элен уже потеряла всякое терпение, когда, наконец, раздался зуммер видеофона. Придав лицу сердитое выражение, девушка нажала клавишу ответа.

– Мадмуазель Элен Смит? – спросил появившейся на экране незнакомый молодой мужчина.

– Д-да, – от предчувствия недоброго у неё заболело где-то в животе.

– Инспектор полиции Тронье. Один вопрос, мадмуазель. Вам принадлежит красный спортивный «Ягуар» номер...

– Что с ним?! – прервала его Элен, чувствуя, как ладони становятся липкими от страха.

– Он разбит, мадмуазель.

– Нет! – нетерпеливо крикнула Элен. – Что с Леже?

– Вы имеете в виду журналиста Фертрана из...

– Да, да, да! – многословие инспектора действовало ей на нервы.

– А могу я узнать, кем вы ему приходитеесь? – осторожно спросил он, явно чем-то смущённый.

– Жена! – резко выкрикнула Элен. – Где он?

– У нас... В префектуре Парижа. Дело в том, что, по нашим сведениям... – ответ девушки привёл инспектора в крайнюю степень замешательства.

Экран мигнул, и не нём появился пожилой мужчина с

одутловатым лицом, большими, слегка вывернутыми губами и густыми бровями. Глаз почти не было видно, потому что мужчина смотрел исподлобья.

– Комиссар Обэ, – мягко сказал он, в то же время властно глядя на девушку. – Мне нужно с вами срочно увидеться. Я сейчас подъеду...

– Нет, быстро прервала его Элен. – Я возьму такси, так быстрее. Он жив?

– Я буду ждать вас внизу, – вместо ответа, сообщил комиссар, всё так же исподлобья глядя на неё.

Когда Элен приехала на Кэ-дез-Орфевр, её тут же окружили несколько вечно толкавшихся здесь репортёров. Молча проталкиваясь среди них и, даже, не вдаваясь в суть их вопросов, она вошла в здание Префектуры.

Комиссар Обэ, как и обещал был здесь. Увидев вошедшую девушку, он направился к ней. Но ещё раньше к ней подскочил какой-то долговязый веснушчатый субъект из числа тех, кого в журналистской среде именуют презрительной кличкой «пиранья», за беспринципность поведения при отыскании сенсаций для своих редакторов, которые, впрочем, их тоже презирают, хотя от себя и не гонят.

– Правда ли, что вы были любовницей Фертрана? – крикнул он, чуть ли не под самый нос подсовывая ей дискофон.

– Уйди, ублюдок! – зло выкрикнула Элен и, вырвав у него аппарат, с размаху швырнула его на пол.

– Прошу вас сюда, – увлекая её в один из коридоров, ска-

зал комиссар, одновременно делая знак, дежурившему здесь полицейскому, с приказом задержать репортёров.

– Мы идём к нему?! – немного успокоившись и в упор взглянув в лицо комиссара, с вызовом спросила Элен.

– Вы, действительно, хотите видеть его сейчас? – задумчиво пожевав большими губами, проговорил Обэ.

От подтекста, который комиссар вложил в эту фразу, на Элен повеяло таким холодом, что последний огонёк надежды, что ещё чуть-чуть теплился у неё в груди, тут же угас. Ей пришлось до боли закусить нижнюю губу, чтобы подступивший к горлу комок не вырвался наружу рыданиями. Она очень испугалась, что сейчас потеряет над собой контроль и скатится до истерики, вместо того, чтобы пойти и проститься с Леже.

Когда первое оцепенение прошло, Элен, не глядя на Обэ, молча кивнула.

– Ну, что ж, пойдёмте, – предварительно пожевав губами, согласился комиссар. – Это вот здесь.

Проведя её по каким-то коридорам, он открыл одну из дверей и пропустил девушку вперёд. Перешагнув порог, Элен тут же со страхом попятилась назад. Она никак не ожидала, что этот стоящий посреди комнаты высокий хромированный стол, накрытый синей простынёй, может вызвать в ней столько ужаса.

Без труда догадавшись о состоянии девушки, Обэ осторожно взял её под локоть. Дико взглянув на комиссара, Элен

резко вырвала руку, будто он подталкивал её к гильотине. Но, тут же опомнившись, сама вцепилась обеими руками в плечо комиссара, бессознательно подталкивая его вперёд. Обэ, с выглядывавшей у него из-за плеча, точно из-за щита, девушкой, подошёл к столу и знаком попросил, одного из находившихся здесь людей в халатах, откинуть простыню с головы покойного.

Вопреки ожиданию, увидев лицо Леже, Элен совершенно успокоилась. Отпустив рукав пиджака комиссара, она подошла вплотную к столу. В выражении лица Фертрана было какое-то умиротворение, словно, он знал о предстоящей гибели и успел полностью рассчитаться с жизнью. Если бы это было лицо живого человека, можно было бы смело назвать это выражение счастливым.

Элен вдруг почувствовала, что её обманули. Все. В том числе и Фертран. Она всегда завидовала ему и всегда хотела быть рядом. Но ему было не до неё. У него всегда было что-то соперничающее с ней, а гордость, из-за которой она очень страдала, не позволяла ей быть на втором месте. И вот теперь, когда, наконец, он признал её право первенства, Леже у неё отняли. Бесчестно, подло! Ах, почему она отпустила его одного?! Будь она с ним, этого бы не случилось! Уж он сумела бы, пусть в последнюю минуту, как-то, но спасти своё счастье. От чувства острой жалости к себе, у Элен задрожал подбородок и из глаз неудержимо потекли слёзы. Комиссар Обэ осторожно, но решительно, взял девушку под руку и вы-

вел из комнаты.

В коридоре они тут же столкнулись с инспектором Тронкье. Он и ещё два полицейских в форме, сопровождали третьего полицейского тоже в форме, с наручниками на руках. Этот третий был совсем молоденький мальчишка с испуганным измученным лицом. Не смотря на отрешённость, у Элен невольно шевельнулась жалость к нему.

– Префект велел срочно доставить его к нему в кабинет, – виновато объяснил Тронкье комиссару. – Он желает сам провести допрос. Я нигде не мог вас найти, чтобы предупредить.

Обэ сердито зажевал губами, исподлобья глядя на инспектора.

– Префекту звонили из канцелярии премьер-министра, – поёжившись под взглядом комиссара, торопливо добавил Тронкье. – Говорят, сам президент хотел видеть этого Фертрана. И тут вдруг... – он многозначительно кивнул в сторону арестованного полицейского. – Так что префект...

– Так это ты?! – задыхаясь от гнева, выкрикнула Элен.

До неё, вдруг, дошло, что этот вот, понурый мальчишка, который только что вызвал в ней такое чувство жалости, и есть убийца Леже, палач её счастья.

– Подлец! Тебя купили! Я знаю, ты из мафии. Вы давно за ним охотились. Сколько тебе заплатили?! Что он тебе сделал?! Ну, что он тебе сделал? – пытаясь вырваться из рук, схватившего её Тронкье, простонала Элен.

– Увидите его, – распорядился Обэ, кивнув растерявшим-

ся полицейским.

– А, ты плачешь?! – отталкивая инспектора и загораживая дорогу, закричала девушка. – Хочешь вымолить себе этим прощенье! Дайте мне что-нибудь! Дайте мне автомат, я убью его, как он убил Леже!

Пришедшие на помощь Тронкье полицейские кое-как оттащили Элен в сторону.

– Проходите, – слегка подтолкнул арестованного комиссар.

Но тот не двигался с места. Губы его беззвучно шевелились.

– Что с ними будет? – наконец, произнёс он, обращаясь к комиссару. Но тот отвернулся, сердито жуя губами.

– Что с ними будет? – громче спросил арестованный, поворачиваясь в сторону Элен и полицейских. По его лицу обильно текли слёзы, которые он время от времени сбрасывал резким поворотам головы.

– Что будет с моей женой и малюткой? У неё были тяжёлые роды. Мы так были счастливы, что я, наконец, нашёл работу. У неё никого нет, кроме меня.

– Увидите его, наконец! – зло крикнул Обэ полицейским, всё ещё державшим обессиленную девушку за руки.

– Ей даже не дадут пособия, – безвольно подчиняясь подхватившим его под руки полицейским, продолжал говорить арестованный, всё так же обращаясь к Элен. – Она ещё нигде не работала.

Он говорил ещё что-то, но Элен уже не могла разобрать что именно, широко раскрытыми глазами, смотря ему вслед.

– Он, что же, не виноват? – повернувшись к комиссару, умоляюще спросила она.

– Нервы, мадмуазель. Полицейских не хватает. Вы же знаете какое сейчас положение в стране. А субсидии на социальные нужды нынче не в моде, поэтому приходится иногда дежурить по несколько смен. К тому же прибавьте, что все мы люди, со своими житейскими заботами. Да, что говорить, – он устало махнул рукой.

Элен уже второй раз за сегодняшний день почувствовала, что её обманули. Слезы опять потекли у неё из глаз. Обэ достал платок и, сердито жуя губами, вытер ей щёки.

Это такое неумелое и, в то же время, такое нежное проявление заботы, лишило Элен последних сил. Она уткнулась в плечо комиссара и заревела, как ревела когда-то в детстве, когда её обижали и совсем не хотелось жить.

Глава 10. Наследие будущего.

– Привет, старина!

Стив, заглядевшийся на витрину какой-то ювелирной лавки, вздрогнул от неожиданности и повернулся на голос. В распахнутых дверях стоял, улыбаясь во весь рот, точно на плакате с рекламой зубной пасты, молодой мужчина в безукоризненном костюме, лихо сдвинутой на американский манер шляпе и небрежно повязанном галстуке.

– Ну, что уставился? Не узнаёшь? – бесцеремонно крикнул мужчина, приближаясь.

– Пьер! – наконец, радостно воскликнул Стив.

Он действительно с трудом узнал в этом денди своего бывшего напарника по безработице, вместе с которым провёл в Париже не один день, помогая друг другу убить никому не нужное время.

– Куда направляешься? – между тем осведомился Пьер, предварительно, от избытка чувств, несколько раз хорошенько хлопнув приятеля по спине.

– Туда же, куда мы ходили вместе с тобой, – невесело усмехнулся Стив, поводя плечами, чтобы поскорее унять боль, вызванную неуёмным темпераментом друга.

– Понятно! Прошу ко мне в машину, – напыщенно пригласил Пьер. – Иди, иди. Не пожалеешь! – засмеялся он в ответ на, так знакомую ему самому, независимо пренебре-

жительную мину на лице Стива. – Кстати, и этот старый сынч Шамон не любит, когда подолгу торчат у его витрины. Бьюсь об заклад, что твоя печальная физиономия уже в антропометрическом отделе полиции.

– Ты теперь знаешь и с ювелирами? – хмуро проворчал Стив, усаживаясь на переднее сиденье роскошного электромобиля, отделанного изнутри натуральной кожей золотисто-жёлтого цвета.

Ему было неприятно от чувства собственной неполноценности, которое он вдруг испытал рядом с этим ставшим совершенно незнакомым человеком в изысканном костюме. А ведь когда-то он считал себя более везучим, чем Пьер. И вот, на тебе! Пожалуй, лучше было бы просто холодно поздороваться и, сославшись на занятость, тут же распрощаться. Жаль, что Пьер застал его врасплох. Хотя, впрочем, это было бы непросто. Есть тысяча мелких деталей, по которым любой мало-мальски внимательный человек запросто узнает безработного. Даже, если вы наденете дорогой костюм и сядете в шикарную машину, вас всё равно выдаст или несвежий цвет лица, от постоянного недоедания, или привычка опускать глаза, от страха услышать отказ, или жалкая улыбка, от сознания собственной ненужности.

– Мы брали у него свадебные кольца, – между тем небрежно обронил Пьер, плавно трогая машину с места. – А сейчас я ездил за подарком для матери жены. У неё скоро день рождения.

Он бросил на колени Стива плоскую коробочку. В ней оказалось кольцо с прекрасным большим изумрудом, в окружении не менее десятка бриллиантов, оправленных в почерневшее от времени серебро.

– Поздравляю, – ещё более насупился Стив, возвращая драгоценность.

– Оставь, старик, – отбрасывая напыщенность, просто сказал Пьер, – не так уж мне повезло, как может показаться!

От сердечности слов, хочется думать от этого, а не от признания Пьера, настроение Стива немного улучшилось. Он даже слегка улыбнулся.

– Так-то оно лучше, – удовлетворённо кивнул Пьер. – Надеюсь, ты не откажешься пообедать в моём кабачке и выпить со мной за всё хорошее, что между нами было?

– Ого, у тебя и кабачок есть? Бистро или Макдональдс? Кстати, как он называется?

– «Катастрофа».

Стив невольно присвистнул. «Катастрофа» была самым модным ресторанным комплексом на всём южном побережье, да и, пожалуй, во всей Франции. Кормили там, правда, как и везде, но зато по части оригинальности, равного ему не было во всём свете. Он представлял из себя довольно большую скалу, одиноко торчащую посреди пляжа, в которую были вмонтированы корпуса, огромного, трёх палубного самолёта, океанского теплохода и атомной подводной лодки. Они составляли, соответственно, воздушный, надводный и

подводный ресторанные залы. Особенно впечатляющая картина открывалась со смотровой площадки, устроенной на автостраде, перед началом серпантинной дороги вниз, к пляжу. Отсюда наиболее полно передавалось ощущение произошедшего внизу катаклизма. Огромный самолёт, с одним обломанным и одним врезавшимся в надстройки трансокеанского лайнера крылом, казалось всё ещё стремительно нёсся вперёд, сокрушая всё на своём пути. Чёрное тело подводной лодки, отчётливо видимое под водой, и наполовину придавленное скалой, до такой степени передавало напряжение, с которым эта субмарина пыталась освободиться от непомерного груза, что у человека невольно напрягались все мышцы, будто это он пытался поднять на своих плечах вросшую в песок скалу. Но наибольшее впечатление катастрофы передавал корабль, корпус которого примерно на одну треть был смят какой-то невероятной силой. Словно, огромный великан, со всего размаху ударив по носу судна, оставил всё это для устрашения окружающих. Весь этот комплекс заставлял человека, впервые его увидевшего, втягивать голову в плечи и оглядываться по сторонам в ожидании чего-то такого, что непременно, если не убьёт, то уж точно покалечит.

– Бр-р-р! – передёрнул плечами Стив, отходя от края смотровой площадки и вновь садясь в машину. – Дьявольское искусство. Тебе не страшно бывать там каждый день?

– Я привык и к большему, – многозначительно ответил тот.

– Как же тебе удалось заполучить всё это?

– Ценой огромный лишений, старик! Пришлось жениться на дочери хозяина.

Стив хохотнул, но тут же осёкся, взглянув на серьёзное лицо Пьера.

– И в приданое ты получил «Катастрофу»?

– Не совсем так, – слегка поморщился Пьер. – Пока я числюсь у них метрдотелем в «надводном» зале. Но, если я проживу со своей суженой больше десяти лет и при этом сумею обеспечить потомство, то её папаша подарит мне тридцать процентов этого «кабака», а при разделе имущества после его смерти, я, возможно, стану полным владельцем этого чуда зодчества начала нашего века.

– Чем же ты недоволен? – пожал плечами Стив.

– Сейчас увидишь.

Электромобиль мягко подкатил ко входу в ресторан, пробитому прямо в скале. К ним тут же подскочили три рослых парня одетые в стилизованные формы воздушных, морских надводных и подводных войск Франции.

– Стараюсь быть ровным со всеми, – подмигнул Пьер Стиву, отдавая противоугонный ключ от машины парню в лётной форме. – как-никак, я будущий владелец всего этого борделя.

Просторный светлый холл, отделанный итальянским мрамором, оканчивался тремя широкими эскалаторами, ведущими в три части комплекса. Оказывается, часть скалы над

входом, а, скорее всего, и она вся, было подделкой. В действительности это был огромный витраж, закамуфлированный снаружи под гранит. Внутри всё пространство было декорировано растениями и живностью всех трёх стихий – воздушной, надводной и подводной.

– Пьер! – резко, точно щелчок бича, разнёсся под сводами требовательный голос.

Стив готов был поклясться, что Пьер не только вздрогнул, но, даже, как-то присел, при этом окрике.

– О, это ты, Мишель! – голосом, которым бездарные актёры объясняются в любви, воскликнул он. – Вот то, о чём ты просила. – Пьер передал жене коробочку, которую та не глядя спрятала в рукаве, – А теперь, разреши тебе представить моего давнего друга Стива Пирерсона. У Стива несчастье, – торопливо добавил он, в ответ на подозрительный взгляд супруги, – и всё и-за ВТК. Представь, он потерял два завода, которые полностью выполняли их заказы. Целое состояние! Правда, оставшийся должен пойти в гору и здорово, – тут же, точно мантией с королевского плеча, оделил он Стива. – Но, всё же два завода. Есть от чего прийти в такое состояние, – он указал на унылую физиономию Стива, с которой тот выслушивал весь этот бред. – Мне еле удалось выманить его из офиса и упротить заехать к нам выпить рюмочку и пообедать.

– Примите мои соболезнования, мистер Питерсон, – немного оттаивая, но всё ещё подозрительно сказала, скорее

проворчала, мадам Кюффо.

– Я буду у себя в «надводном», – поспешно увлекая приятеля к одному из эскалаторов, сообщил Пьер жене, – Уверен, он будет нашим постоянным клиентом. Верно, мистер Питерсон?

– Ну что, видел? – зашептал он на ухо Стиву, когда они отделились от его жены на почтительное расстояние. – Айсберг, а не женщина! Её отец мечтал о наследнике и вот, что получилось.

– Да, – сочувственно подтвердил тот.

– А, наплевать! – махнул рукой Пьер. – Живём один раз. Всё же это лучше, чем работать в магазине манекеном.

– Кем? – не понял Стив.

– Манекеном. Я, после того как мы с тобой расстались, некоторое время работал в супермаркете на улице Сент-Оноре, возле института красоты. Видел в витрине манекены, которые переодеваются через каждые двадцать секунд? Как зажётся свет, так на них обязательно, что-нибудь новое или в руках что-то переменялось.

– Я думал это автоматы.

– Чёрта с два! Может где и автоматы, но только не там. Нас было пятеро – четыре постоянных и один кандидат. Я выдержал там меньше полугода. Однажды не уложился по времени и оказался к публике задом, причём не совсем одетым. Как это вспомню, всё остальное, – он кивнул через плечо на вестибюль, – кажется раем.

В этот ранний час залы ресторанов были ещё наполовину пусты. Завсегдатаи ещё не явились. В основном здесь были иностранные туристы.

– О, мсье, вы здесь, – в дверях к ним подошёл мужчина в форме боцмана. Он был явно смущён.

– Нет, нет, Жан-Морис. Сегодня я намерен отдыхать. Мы зашли поесть.

– Мой напарник, – сообщил Пьер Стиву. – Вот в таком же балахоне и я встречаю гостей. Что ещё Жан-Морис?

– Дело в том, мсье Кюффо, что я не ожидал вас здесь увидеть и.., словом, все отдельные каюты, к сожалению...

– Ничего, – успокоил его Пьер, – народу не много, мы посидим в общем зале. Что у нас сегодня?

– Есть куропатка, мсье.

– Отлично. Куропатку и красное Бордо велишь подать позже, а сейчас пусть принесут мидий, угря, салат, сыру и бутылку Анжу. Да! И принеси сейчас же по рюмке коньяку, нам нужно выпить за встречу.

– Да, не сиди ты такой кислый, – весело подбодрил Стива Пьер, выжимая пол-лимона на устриц. – Всё жалеешь о тех двух заводах? – он весело подмигнул, – За то оставшийся...

– А оставшийся, я потерял ещё раньше, когда взорвалась Жозефина, – прервал его Стив.

– Безвыходных положений нет, старина, – пытаюсь влить в своего приятеля хоть каплю оптимизма, бодро сказал Пьер. – Мой пример тому доказательство. Как ты смотришь на то,

чтобы к кофе нам подали жёлтый Шартрез. Где же Жан-Морис...?

Тут слова застряли у него в горле – Стива за столом не было. Пьер потёр глаза, соображая, что же могло произойти. Он отвернулся буквально на две секунды, чтобы подать знак метрдотелю, а когда повернулся...

Вдруг что-то больно ткнуло его в колено и из-под стола донёсся приглушённый шёпот:

– Сиди, не оборачиваясь!

– Что с тобой, Стив?! Тебе плохо? – отодвигаясь от стола, удивлённо спросил Пьер.

– Тихо! Не привлекай внимания! Ты видел девушку, которая сейчас вошла в зал?

– Конечно. Она уже не в первый раз здесь. Уж не гоняется ли она за тобой? – попытался пошутить Пьер, постепенно приходя в себя. – На твоём месте, я бы наоборот лез ей на глаза.

– Это она! – не обращая внимания на шутки, возбуждённо зашептал Стив.

– Да кто, «она»?

– Жозефина!!!

– Как?! – возбуждение приятеля передалось Пьеру. – Ты же мне рассказывал, что она взорвалась! Что ж она воскресла?

– Откуда мне знать? Фертран с Элен говорили, что она взорвала собой стену.

– Что же теперь делать? Может вызвать полицию?

– И не думай! Хочешь, чтобы здесь и в самом деле случилась катастрофа? В ней заложен такой заряд, что в твоём кабаке сразу станет два подводных зала. Вот, что! Заземлить её надо.

– Как же её заземлить, если мы на воде? – от испуга у Пьера голова отказывалась соображать.

– Нужна металлическая сетка. Скорее соображай, где её можно взять.

– Не-не знаю. Может подойдёт садок, в котором мы держим мидии? Он из стальной сетки.

– Хорошо! Где его взять?

– Они развешаны прямо по бортам.

– Так. А где у вас кабины с видеофонами?

– На корме.

– Значит так. Распорядись, чтобы её минут через десять позвали к видеофону. А сейчас загороди меня, я поползу к выходу.

Через несколько минут Стив, дрожа, то ли от нетерпения, то ли от холода, в спешке он весь облился водой, стоял в дверях одной из кают с садком в руках. Толстый медный провод, оборванный им где-то по дороге, прочно соединял затягивающуюся горловину садка с корпусом какого-то оборудования.

«Главное не промахнуться и экранировать ей голову с антенной!» – лихорадочно, словно заклинание повторял он про

себя, нетерпеливо поглядывая сквозь стеклянную дверь на спокойно и даже как-то лениво сидящую Жозефину.

Наконец, откуда-то сбоку вышел Пьер, уже переодетый в форму боцмана, и, остановившись на почтительном расстоянии, что-то сказал девушке. Та удивлённо вскинула голову и что-то спросила. И тут Стив увидел, что весь его план рушится, не успев начаться – Пьер явно не мог найти подходящего ответа. Наконец, он что-то пролепетал, и Жозефина, немного подумав, встала из-за стола и направилась на корму.

Стив отступил внутрь каюты и приготовил садок. От волнения его сердце, вдруг, застучало так громко, что заглушало её шаги по коридору.

Как только спина Жозефины показалась в проёме двери, Стив кошкой метнулся вперёд и нахлобучил садок ей на голову. От неожиданности девушка, что-то вскрикнув, отшатнулась в сторону, и, затянувшаяся горловина садка, тут же сдавила ей шею. Несколько секунд Стив и Жозефина со страхом смотрели друг на друга, ожидая чего-то ужасного.

– Сидеть! – наконец, не очень уверенно, сказал Стив, первое, что пришло ему в голову.

– Сам садись! Идиот! – вместо того, чтобы подчиниться, вдруг громко выкрикнула девушка, подкрепляя свои слова звонкой пощёчиной.

У Стива, до которого тут же дошло, что это не кибер, а человек, от растерянности вытянулась физиономия.

– Немедленно снимите с меня эту гадость! Вы меня всю

перепачкали! – заметив растерянность в лице злоумышленника и сообразив, что опасность миновала, негодуяюще воскликнула Жозефина или кто она там, подгоняя незадачливого нападающего ещё одной пощёчиной по другой щеке. – Или я сейчас же позову полицию!

– Простите! – засуетился Стив, освобождая пленницу. – Я не хотел... Я думал... Жозефина... Понимаете...

– Жозефина?! – вдруг прервала его девушка. Это имя её так взволновало, что она даже перестала сбрасывать с себя обрывки водорослей, в изобилии вывалившиеся на неё из садка. – Вы знакомы... Я хотела сказать, знаете, где Жозефина?

– Да... То есть, нет. Она же взорвалась! – удивлённо ответил Стив, сбитый с толку странным поведением девушки.

– Но вы её видели, раз спутали со мной?

– Да, Фертран привозил её. Это через мой компьютер... Я сейчас всё объясню, – потирая одну из пылающих щёк, затараторил Стив. – Прощу вас за мой столик.

– В таком виде?! – негодуяюще воскликнула девушка, указывая на водоросли и мокрые пятна на своём платье.

– Это всё очень просто исправить, мадмуазель, – у них за спиной, точно из-под земли, вырос Пьер. – Прощу вас сюда. Здесь вы найдёте, всё, что вам может быть нужно. Всё за счёт заведения. Наши девушка вам помогут. Ещё раз, извините!

– А! Вот и второй заговорщик. Наверное, я должна рас-

считаться и с вами?

– Нет, нет, мы в расчёте, – поспешно сказал Пьер, указывая на вторую щёку Стива.

Теперь, мадмуазель Уолтрон, вы знаете о всей этой истории не из газет, – закончил свой рассказ Стив.

– Зовите меня просто Мэри, Стив.

– Окей, Мэри.

– Вам, наверное, интересно узнать, как я оказалась двойником Жозефины?

– Да, конечно.

– Если точнее, то это она мой двойник. Это была последняя, самая совершенная модель отца. Он хотел, чтобы она непременно была сделана с меня. Он шутил, говорил, что это будет его подарком к моему совершеннолетию. О, боже! Сколько раз мне приходилось изображать перед ними обезьянку, чтобы они смогли в точности скопировать все мои ужимки.

– Я знаю, ваш отец погиб, – осторожно накрыв руку девушка своей, сказал Стив. – Примите мои соболезнования.

– Как погиб?! – опешила девушка. – Когда? Кто вам сказал?!

– Как кто? – в свою очередь оторопел Стив. – Все газеты писали, что во время переворота и ваш отец, и вся его лаборатория, были уничтожены восставшими.

– И вы поверили? – засмеялась девушка. – Господи, какой

вы наивный. Вы меня напугали. Вы точно выросли на склонах Собачьей горы в Монте-Карло. Нет, мой папа жив. Он сейчас в США вместе со всей своей группой.

– Ой! Я не должна была об этом говорить! Это такая тайна. Ведь там папа встречался с самим президентом!

– Так! – Стив откинулся на спинку дивана, собираясь с мыслями. – Пошли! – через секунду, вскакивая и хватая девушку за руку, решительно сказал он.

– Куда?!

– К Элен Смитт!

– Вы уже уходите? – в дверях они столкнулись с любезно изогнувшимся Пьером.

– Да, старик! – Стив, нарочито небрежно похлопал по плечу приятеля. – Заплати за нас. Деньги спишешь со счёта моего завода.

– Конечно, конечно, – то ли подбодрил, то ли съязвил вдогонку Пьер.

Зал Генеральной Ассамблеи ООН был полон, как никогда. Объявленное накануне внеплановое выступление на сегодняшнем утреннем заседании руководителя Советского государства, вызвало массу самых противоречивых комментариев в прессе. И хотя генеральный Секретарь КПСС прибыл в Соединённые Штаты для проведения ставших уже традиционными Советско-Американских политических консультаций, его желание выступить на сессии не могло не вы-

звать заметного оживления в кулуарах ООН и среди журналистов. Тем более, что на заседании Совета Безопасности, состоявшегося сразу же после революции в ЮАР, было принято предложение социалистических стран, с призывом воздержаться пока от каких-либо самостоятельных действий в отношении капитала Всемирной Технологической Компании. Для обсуждения этого вопроса предлагалось собрать внеочередную Генеральную Сессию ООН. Но самые первые выступления на общеполитической дискуссии показали, что этот вопрос может стать яблоком раздора. Многие страны старались урвать себе как можно больший кусок, естественно, за счёт других. Это грозило новыми взрывами экономических войн. Как всегда, самыми обделёнными оказывались слаборазвитые страны. В этих условиях, многие с надеждой взирали на Советский Союз, не раз высказывающий самые трезвые суждения в подобных ситуациях.

Не удивительно поэтому, что появление на трибуне этого, казавшегося таким маленьким в огромном зале и таким большим в глазах собравшихся, седого подтянутого человека, вызвало сегодня особенно бурные и продолжительные аплодисменты.

Выждав наступления тишины и развернув папку с тезисами, советский руководитель надел очки и, дружелюбно осмотрев зал, начал выступление:

– Многоуважаемые дамы и господа, поскольку это моё выступление не было запланировано заранее, я не стану надол-

го занимать ваше внимание. Недавно, буквально на днях, на совместном заседании ЦК нашей партии и Совета Министров, мы ещё раз внимательно и всесторонне обсудили создавшееся сейчас положение в мире и сделали некоторые выводы, которые я и хочу предложить вашему вниманию.

Ни для кого не секрет, и это много раз подчёркивалось здесь на общеполитической дискуссии, что в отношениях между большинством стран налицо очередной кризис доверия. Это не может нас не тревожить. Правда и то, что крах крупнейшей в истории человечества финансово-промышленной и, бесспорно, политической империи, именуемой Всемирной Технологической Компанией, задел нас не в такой степени, как многие другие страны. Но мы живём не в изолированном мире, поэтому, если не экономические, то политические последствия произошедших событий, касаются без исключения все страны и народы. Диалектический материализм, которым руководствуется наша партия в оценке происходящих в мире событий, как известно, подразумевает их неразрывную связь, так сказать, в пространстве и времени. Поэтому, не лишне сейчас сделать небольшой экскурс в историю, чтобы лучше понять, почему наш мир вновь оказался на грани ядерной катастрофы и почему именно ЮАР стала центром произошедших событий.

Неразборчивость в средствах достижения своих целей, зачастую приводит к прямо противоположным результатам. Вспомним, как ЮАР и некоторые другие мало ответствен-

ные в своих действиях страны, стали обладателями ядерного оружия. Кто и зачем снабдил их технологией и оборудованием для достижения этого. Советский Союз, страны социалистического лагеря, да и всё трезвомыслящее человечество, не раз предостерегали некоторых безответственных господ от подобного шага. Но, к сожалению, многие за маленькими сиюминутными выгодами не видят больших бед. Во второй половине прошлого и, даже, в начале этого века, ЮАР нужна была некоторым агрессивным империалистическим кругам, как бастион для сдерживания национально-освободительного движения на африканском континенте. Поэтому, для поддержания государства апартеида, страны Запада во главе с США не жалели ничего. На словах осуждая, стыдливо замалчивая, а не редко и в открытую поддерживая, этот самый реакционный на земном шаре режим, страны Запада создали, таким образом, благоприятную почву для возникновения там экономически мощного и хорошо вооружённого центра мировой реакции. С какой целью? Всё с той же пресловутой целью похода против коммунизма.

Но, вместо этого, люди, захватившие фактическую власть в ЮАР, решили вначале расправиться со своими благодетелями, что, впрочем, не раз уже бывало в истории. Вспомним, хотя бы, чёрное, точнее коричневое, пятно в истории человечества – фашистскую Германию. Поэтому притворные ахи и охи, которые выпускают сейчас руководители западных государств, вряд ли могут кого-нибудь ввести в заблуждение.

Да, господа, назовём вещи своими именами – ЮАР, и то, что там произошло, плоть от плоти и кровь от крови дитя политики империализма, правда, переросшее установленные для него рамки и вышедшее из-под контроля своих родителей.

Нам повезло, я подчёркиваю, всем нам повезло, что эта раковая опухоль, по счастливой случайности, вскрылась ранее, чем смогла отравить весь организм. Конечно, мы должны быть благодарны правительству Соединённых Штатов, за то, что оно, хотя и подтасовывая карты, смогло избавить мир от возможного ядерного конфликта. Я не буду сейчас умолять этого факта, вскрывая и анализируя подоплёку событий. Для большинства присутствующих, они известны и понятны.

Я хочу сказать о другом. До каких пор человечество будет сознательно бросать камни себе под ноги, чтобы, в последствии, о них запинаться? Я говорю и о тех сообщениях в прессе, подтверждённых официальными кругами, из которых следует, что некоторые деятели Запада всё ещё не оставили мании завоевания мирового господства. И для этого они, опять же, не разбираясь в средствах, готовы воспользоваться наследием всё той же рухнувшей Всемирной Технологической Компании – человеко-роботом.

Ну разве вам не стыдно, господа, видеть на прилавках магазинов карманные рентгеновские аппараты, не стыдно подвергаться унижительной процедуре, так сказать, «опозна-

ния» перед дверями ваших родственников, друзей, знакомых? Я уже не говорю о бесспорном вреде для здоровья всех этих бесчисленных процедур.

Нет, я не призываю вас повернуть прогресс вспять и вычеркнуть деяния рук человеческих из его истории. Не роботы виноваты в том, что сейчас происходит, и не учёные их создавшие. Хотя некоторым из них, не мешало бы знать, для чего и на кого они работают. Виноваты люди, пытавшиеся и пытающиеся, использовать достижения человеческой мысли в своих корыстных целях. Не пора ли такого рода труды, касающиеся всего человечества, поставить под строгий контроль всего сообщества наций?

Тоже самое, по-нашему мнению, относится и к «космической находке». Совсем не важно в музее какой страны она будет храниться без дела, куда важнее попытаться использовать это послание более развитой цивилизации на пользу всего населения Земли. От того, как сможем мы распорядиться этим наследием будущего, станет ясно на каком уровне развития находится наша цивилизация. И это не просто слова. В настоящее время, мы не можем прочесть это письмо. Мы либо должны его оставить и этим неминуемо откатиться назад, либо попытаться расшифровать, что само по себе уже большой шаг вперёд, так как подразумевает объединение всех без исключения государств.

Переждав вспыхнувший в зале шум, оратор поправил перед собой листки и продолжил:

– Я знаю возражения моих оппонентов. Да, ни один вычислительный комплекс не обладает сейчас такой возможностью, чтобы взяться за решение этой задачи. Да, даже объединив все вычислительные центры Земли, что само по себе уже невозможно, как невозможно остановить на время жизнь, её развитие, даже в этом случае, решение задачи проблематично.

Но у нас есть выход! Это построить новый сверхсовременный и сверхмощный комплекс, которому будут под силу и не такие задачи! Средства для этого имеются – это капитал Всемирной Технологической Компании.

Взорвавшийся аплодисментами, возгласами протеста и одобрения, зал заседаний ООН в одну секунду стал похож на огромный муравейник.

Не дожидаясь наступления тишины, руководитель Советского государства чуть подался вперёд и, словно высекая слова на гранитной скале, закончил своё выступление:

– Мы сказали «А», отказавшись от ядерного оружия, так неужели мы не сможем сказать «Б» и не объединим свои усилия для ускорения движения человечества по пути прогресса!